

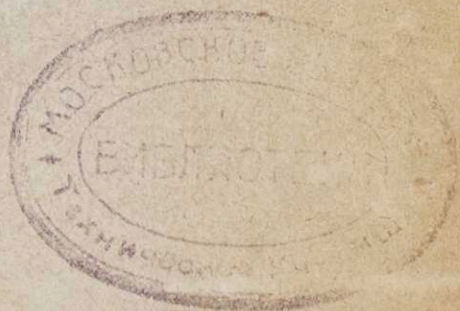
255705
02

П-367

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ.

**ПЕРВЫЙ
БИБЛИОТЕЧНЫЙ С'ЕЗД
Р.С.Ф.С.Р.**

—
(СТЕНОГРАММЫ).

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ“.

МОСКВА — 1925.

ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ.

02

П-367

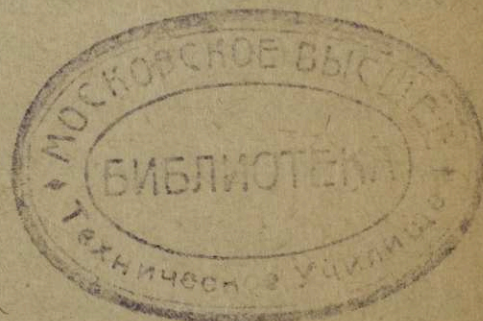
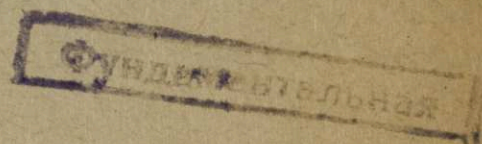
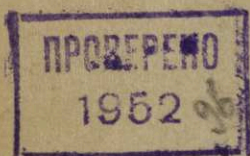
Зр
онт
ред
Ж

ПЕРВЫЙ БИБЛИОТЕЧНЫЙ С'ЕЗД Р.С.Ф.С.Р.

(с 1-го по 7-е июля 1924 года).

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНУМА и СЕКЦИЙ.

Под редакцией М. А. СМУШКОВОЙ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ“.

Москва — 1925.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Работа С'езда со всеми его секциями была чрезвычайно об'емистой и не во всех своих частях одинаково ценной. Полное ее опубликование, без сокращений, представляется нам и нецелесообразным, и дорогим. В стремлении удешевить книгу и сделать ее доступной по цене широким кругам библиотечных работников, редакция вступила на путь строгого просмотра материала с точки зрения важности и свежести.

Доклады помещены в хронологическом порядке, а не сгруппированы по содержанию. Секции собраны вместе во 2-й части. Работы секций взяты в тех случаях, когда секции имели предметом обсуждения самостоятельные доклады. Ряд авторов заново написали свои доклады (это, между прочим, послужило одной из причин задержки издания). Протоколы секций, составлявших только резолюции по докладам на Пленуме, опущены вовсе.

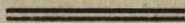
Равным образом, по соглашению с Пуrom, совершенно опущены все военные материалы (как секционные так и доклады на Пленуме): предполагается, что они должны выйти в издании Пура особой книгой. Не помещены также доклад Л. Троцкого и резолюции С'езда, ибо они срочно отпечатаны были отдельно.

В „Трудах“ сохранены лишь резолюции секции научных библиотек: они не вошли в общий сборник, потому что не оглашались на заключительном заседании Пленума.

Чтобы отразить большую работу, сделанную в связи с выставкой С'езда, в „Трудах“ дается место статье, написан-

ной В. А. Штейном, посвященной этой работе. Кроме того для уяснения состава С'езда, приложен составленный позднее, по материалам Мандатной Комиссии, статистический анализ участников.

Подбор и предварительная правка всего материала выполнены М. И. Слуховским, общая редакция принадлежит М. А. Смушковой.

ЧАСТЬ I.

Заседания Пленума.

Утреннее заседание 1 июля.

Вступительная речь замнаркома просвещения Р. С. Ф. С. Р. М. Н. Покровского.

Т. т., все наши с'езды с 21 января нынешнего года мы открываем воспоминанием о Владимире Ильиче. (Все встают). Никогда это воспоминание не является так кстати, как именно на 1-ом библиотечном с'езде, ибо не было того дела, в области просвещения, на которое с особенной настойчивостью и, можно сказать, в первые же дни не указывал В. И. Как раз его заботы о библиотечном деле, о распространении книг (я сейчас скажу, как он это мыслил), о приближении книги к массам, прежде всего врезались в моей памяти и я не могу никогда забыть об этом. Это было не случайно, а связано со всем характером нашей революции и в этом, как и во всем другом, В. И. был наиболее типичным, наиболее ярким ее выразителем. Наша революция имеет одну черту чрезвычайно трогательную, по которой ее можно отличить в будущие времена — это забота о сохранении в руках нового хозяина, в руках пролетариата всех тех культурных ценностей, которые накопило старое общество, накопило трудом этого же самого пролетариата. Поскольку старые господа только командовали, а создавали все таки рабочие, постольку эта забота о сохранении культурных ценностей, доставшихся нам от дореволюционного общества, наиболее характерно выражена именно октябрьской революцией. Правда, и великая французская революция создала Парижскую Национальную библиотеку, но там эта черта так ярко не выступает. Там были на первом плане другие мотивы. У нас с чрезвычайной бережностью новый хозяин отнесся ко всем старым культурным ценностям и в первую голову к книжке, созданной в конечном счете трудом того же рабочего, который ее набирал, печатал, делал бумагу и т. д., и трудом автора, который жил на прибавочный продукт (потому что, если бы автор не получал хлеба, он не мог бы и работать). Эту собственность пролетариат имел все основания беречь, и он берег, потому что он понимал тесную связь между всем материальным строем жизни и культуры. И опять таки никто, как В. И. не подчеркивал эту теснейшую связь коммунизма со всей хорошей, положительной культурой прошлого. Коммунизм у него являлся увенчанием громадного здания, в котором все трудились, хотя и не сознавая этого, — трудились миллионы людей: и просто рабочих, и людей, которых буржуазия привыкла считать, как вождей. На примере хорошо видно, до какой степени безразлично каково мировоззрение этих людей, потому что все они лили воду на нашу мельницу. Возьмем знаменитого ученого физиолога И. П. Павлова. Конечно, он не может быть

назван коммунистом, но его теория условных рефлексов несомненно войдет в научное обоснование материализма. И несомненно, если бы она существовала во время Энгельса, она уже вошла бы. Независимо от того, в каких побуждениях старые деятели писали свои книжки, они пойдут в фонд рабочего класса. И В. И. с первых шагов нашей просветительной работы поставил перед нами задачу использовать колоссальные книжные богатства, которые революция дала нам. Вы вероятно знаете, а академические библиотекари не могут не знать, что Румянцевский музей, нынешняя Ленинская библиотека, пополнила свои коллекции на 60 %, библиотека Исторического музея пополнила вдвое. Публичная библиотека в Ленинграде превратилась в целое огромное учреждение, охватывающее весь Ленинград, в состав которой входит огромное количество библиотек. Таким образом, революция увеличивает в колоссальной степени книжные богатства, доступные для масс. Но этого мало, говорил В. И.: недостаточно, чтобы рабочие, победив, спасли от уничтожения и собрали книги в свои хранилища. Весь вопрос в том, чтобы эти книги были в руках рабочих. И В. И. поставил задачу устроить так, чтобы любая архи-ученая книга из библиотеки могла бы оказаться в руках рабочего, где угодно, на Урале, в Ив.-Вознесенске и т. д. Задача была по тогдашним техническим условиям слишком грандиозна. Транспорт был разрушен, почтовые сообщения также и эта колоссальная сеть, которая мыслилась В. И., не была тогда осуществлена. А тут еще через пару месяцев после того, как он поставил этот вопрос, пришла гражданская война и нам пришлось рассылать по всей России не книги, а красноармейцев, снаряды и пулеметы. Но эта идея является несомненно одной из самых светлых идей, которые были выдвинуты революцией. Любопытно, что эта старая пролетарская идея в 70-х годах была выдвинута Степаном Халтуриным, который первый организовал подвижную сеть библиотек в тогдашнем Петрограде,—библиотек, конечно, нелегальных. Литературы не хватало на все рабочие кружки, и вот из центра нелегальная библиотека рассылала книги по всей России в районные кружки. Книги попадали в руки читателей, затем снова в центр и опять в районы. Как только пролетариат стал политически мыслить, он прежде всего взялся за книги и за организацию книги. Этот факт в высокой степени характерный, отличающий нашу революцию не только октябрьскую революцию, но и все наше рабочее движение. И вот такое представление о книге не как о чем то мертвом, стоящем на полке, а как о чем то живом, что двигается по всей стране, что попадает в руки народных масс, это и есть то, что резко отличает теперешнее библиотечное дело от старого дела. Старые библиотеки по своему составу приспособлены к индивидуальной работе. Они не для масс. Недаром эти характерные выражения: дублет, триплет, и т. д., от которых библиотеки спешат отделаться. А попробуйте вести теперешнюю библиотеку без квадриплета и квинтиплета. Нам нужно учебников по каждому предмету иметь по 20—30.

И это изменение в характере библиотек, превращение их из мертвого хранилища, из своего рода архива печатного материала в культурную, живую, двигающуюся и оплодотворяющую массы силу,—изменяет и значение библиотекаря. Библиотекарь—хранитель, библиотекарь—книжный червь, который хранит эти книги, выдавая те или другие исключительно по спросу тех, которые нуждаются в этих книгах,—такой библиотекарь осужден на умирание, как осуждена и вся старая система.

Теперь—новый тип библиотекаря—есть настоящий просветительный работник. Я бы сказал, что он является первичным просветительным работником, он является необходимым звеном, связывающим массы с наукой и культурой. Так как нельзя сказать, что даст техника через 200—300 лет, а массы должны приобщаться к культурной работе только посредством книги, то тут библиотекарь является необходимым звеном и коренным просветительным работником, которого надо выдвинуть на первое, почетное место. С этой точки зрения мы должны подходить к работе библиотекаря нашего времени. Настоящий съезд библиотекарей, первый съезд после революции, должен выявить этот новый тип библиотекаря. Надо надеяться, что он будет выявлен на настоящем съезде с яркостью, четкостью. Даже наши академические библиотекари первые почувствовали, к чему движается и стремится наша революция и пошли к нам на встречу. Я помню первое совещание академических библиотекарей в РСФСР и могу с гордостью заявить, что библиотекари почувствовали первые отсталости старого строя и пошли к нам на встречу. Они почувствовали, насколько революция тяготеет к книге и почувствовали, что надо стать на новую точку зрения, при которой библиотекари являются не только хранителями книги, но первыми просветительными работниками, которые необходимы, как связующее звено пролетариата с книгой. Вот с какой точки зрения я смотрю на этот съезд и вот с какой точки зрения я приветствую от имени Наркомпроса этот Съезд.

Объявляю первый всесоюзный съезд работников библиотечного дела открытым.

Вечернее заседание 1 июля.

Доклад М. С. Эпштейна: „Очередные задачи библиотечного дела“.

За последний год мы выявляем чрезвычайно большой интерес к вопросам культуры среди нашей советской партийной общественности. Правда, эти вопросы культуры по преимуществу вертятся вокруг вопроса о материальной базе дела народного просвещения. Но было бы глубокой ошибкой думать, что вопросы культуры потому именно стояли за последнее время в порядке дня нашего строительства, что тяжело положение учителя школы и других наших политико-просветительных работников и т. д. Нет сомнения, что не только одно материальное положение дела народного образования вызвало этот глубоко идущий интерес к вопросам культуры. К сожалению, в нашем распоряжении еще нет достаточного учета тех молекулярных процессов, которые происходят среди народных глубин и которые могли бы нам выявить этот проявляющийся интерес к вопросам культуры, к вопросам просвещения, грамоты, книги, газеты и т. д. Но отдельные факты, которые любой временный наблюдатель может подобрать, свидетельствуют несомненно о том, что рабочий и крестьянин рвется к книге, пылливо ищет ответов на всевозможные вопросы своей общественной жизни. Каждому библиотечному работнику необходимо тщательно выявить те причины культурного под'ема, который наблюдается в стране, для того, чтобы иметь возможность правильно строить эту работу.

Я хочу несколько остановиться на этих причинах и прежде всего на главной причине — на экономическом под'еме в стране. Можно спорить о процентном нашем движении вперед в области хозяйства, можно спорить о перспективах развития, но нельзя спорить о том, что 24 год — это не 19 год в области хозяйственного состояния нашей страны. Этому экономическому под'ему не может не сопутствовать культурный под'ем, и по двум причинам. Само государство вследствие оживления в стране, обладая большими материальными ресурсами, в состоянии бросить большую часть своего бюджета на дело народного образования.

Массы, отдохнувшие несколько от чрезвычайно тяжелых лишений и тягот 1918, 1919, 1920 и 1921 г.г., пытаются искать ответа на все вопросы, возникающие в их повседневной текущей жизни. И в поисках этих ответов, они естественно бросаются к знанию, к книге, к библиотеке, к избе-читальне и т. д.

На последнем 13 съезде партии очень много говорили о ячейках советской общественности, растущих в деревне и в городе. Что эта советская общественность расцветет пышным цветом, как только страна отдохнет от первых испытаний гражданской войны, об этом говорил еще в 1919 году на 8-м съезде Коммунистической партии тов. Ленин. Он говорил, что появится подмога, подкрепление к тому тонкому слою государственных работников, культурных работников, строителей нашей жизни, который мы сейчас имеем в стране. Тот факт, что недавно рабочий класс, рабочие массы выделили из своей среды 200.000 новых членов коммунистической партии, сам по себе уже свидетельствует о том, что такие резервы подходят. Рост этой советской общественности, рост кооперативных ячеек в деревне и в городе, рост низовых ячеек, комитетов взаимопомощи, всяких культшефских организаций, всяких, так называемых, „вольных организаций“ в виде ячеек Общества Воздушного Флота, Общества „Долой Неграмотность“ и т. д. и т. д.,—это показывает, что вырастают новые, активные общественные силы.

Сдвиг со стороны трудовой интеллигенции тоже предreshает чрезвычайно большую тягу к знаниям и тоже расширяет наши культурные позиции. Если до 1921 года трудовая интеллигенция в лучшем случае относилась нейтрально к нашему правительству, то сейчас мы видим среди этой интеллигенции сдвиг в сторону сближения с советской властью. Этот сдвиг несомненно расширяет наши культурные возможности, прибавляет нам целые резервы, новые культурные силы и в известной степени предreshает чрезвычайно большие возможности на удовлетворение спроса на книгу, на газету со стороны народных масс, в первую очередь со стороны крестьянства.

Еще один момент — это момент ликвидации неграмотности. Как не медленно мы двигаемся по пути ликвидации неграмотности, тем не менее все новые и новые слои рабочих и крестьянских масс выходят из состояния неграмотности, естественно предъявляют требования к орудиям нашей работы, к книге, к газете.

Переход к милиционной системе предreshает чрезвычайно большое повышение требований со стороны деревни в нашем культурном и политико-просветительном учреждении. Милиционная система,—это значит, что наш кадровый красный командир, наш кадровый красноармеец, распространяют свои щупальцы на самые отдаленные деревни. Милиционная система есть ничто иное как распространение культурной бациллы среди деревни, ибо наш красноармеец, есть в то же самое время носитель культуры в толщу народных масс. Милиционная система, как показывают некоторые сведения, идущие из ряда губерний, подталкивает очень часто культурное строительство деревни. Точно также как в свое время Красная армия, проходившая через деревни и села в процессе гражданской войны, оставляла в этой деревне какую-нибудь культурную ячейку в виде волостной библиотеки или избы-читальни, точно также и милиционная система сближает наши народные массы с общим культурным строительством, приближает знание к деревне, к селу и т. д. Эта милиционная система содействует культурной работе, культурной жизни, развивает культурную жизнь в деревне, в селе, в фабричных поселках и т. д.

В библиотечной работе мы не можем быть аполитичными, мы должны иметь какую-нибудь руководящую идею в своей работе. Это есть совершенно прямая директива и Главполитпросвета и Наркомпроса.

Прежде всего есть ли аполитичность в культурной работе? Может ли вообще быть культурный работник, который не имел бы своей политической ориентации? Не являются ли вообще слова об аполитичности в нашей культурной работе лицемерием и ложью, в особенности теперь, когда борьба заполняет буквально все поры общественной жизни? Понятно нет. Он должен иметь свою политическую организацию. Наша культурная работа, в частности наша библиотечная работа, должна протекать под знаменем марксизма, коммунизма, ленинизма...

Не вступаем ли мы здесь в противоречие, когда говорим, что нет аполитичных культурных работников, что нет библиотек, не преследующих определенную политическую цель? Опять нет. Здесь марксизмом, ленинизмом мы разбиваем метафизические представления, которые имеются у народных масс, о сверхъестественных силах, приобщаем рабочих и крестьян к тому трудовому опыту, который накоплен у человечества за многие века его культурной жизни, и наконец мы даем ему в руки орудие в борьбе за раскрепощение своих сил, в борьбе с природой.

И если это не есть знание, то что же тогда есть знание? Понятно, что здесь в противоречие мы не вступаем. Нужно приобщить к знанию массы, а знание приведет его к ленинизму и марксизму.

Владимир Ильич говорил так: „дать народу по 2 экземпляра на каждые из 50.000 библиотек всех необходимых учебников и всех необходимых классиков всемирной литературы, современной науки, современной техники и дальше учебников общеобразовательных, учебников сельскохозяйственных и учебников по промышленности“. Как вы видите, нет ни одного напоминания о каких-нибудь политических книгах. Почему? Да потому, что совершенно очевидно, что если дать рабочему и крестьянину минимум общеобразовательных знаний и прикладных наук, то это значит выковырывать из рабочих и крестьян марксистов-коммунистов. И это коммунистическое и марксистское мировоззрение у рабочих и крестьян может идти понятно не отвлеченным путем, а только опираясь на борьбу, на его повседневные жизненные запросы.

Вот почему к этим текущим задачам прежде всего должно быть приковано внимание библиотекарей. Библиотека, как рыба в воде нуждается в том, чтобы она постоянно была в курсе текущих задач, стоящих перед советской страной. Иначе они не могут выполнить своего основного задания—дать знания рабочим и крестьянам, приобщить их к книге и газете, сделать эту книгу и газету естественной потребностью трудового человека.

Каковы же эти задачи для настоящего момента? Я думаю, что ответ на этот вопрос мы достаточно полно находим в последних решениях 13-го съезда партии. Эти решения должны быть известны каждому из библиотечных работников, ибо они определяют все содержание его ближайшей работы. Совершенно прав был тов. Зиновьев, который недавно, кажется в Ленинграде, делая общий обзор работ 13-го съезда, сказал, что 13-й съезд прошел под одним основным лозунгом: „Ближе к массам“. Нет буквально ни одной резолюции съезда, где бы не указывалась необходимость, чтобы каждый рабочий и крестьянин самым детальным образом знал бы о чем говорил съезд. Глубокая ошибка, когда думают, что наши методы коммунистической партии, методы советской власти—

есть методы принуждения. Метод советской власти, метод коммунистической партии—это метод убеждения, сознательной организации масс.

Владимир Ильич говорил еще в самом начале революции неоднократно об этом. Мы на примере жизни советской страны в памятные дни наших испытаний можем видеть как этот метод убеждения превалировал во всем строительстве советской страны. Стоит вспомнить о фронтах гражданской войны. Стоит вспомнить каким путем мы вышли из страшного голода.

Какое большее еще значение этот метод может иметь, чем в применении книги и газеты? Недаром, величайший организатор масс т. Ленин так живо и детально интересовался библиотечной работой и детальным проталкиванием книги в народную гущу.

Каковы же те конкретные задачи, в разрешении которых мы должны участвовать и вокруг которых мы должны сейчас организовывать народные массы при помощи библиотек? Это, прежде всего, та сумма вопросов, которая относится к нашей работе в деревне. Все более и более выясняется перед нами чрезвычайно мрачный, культурный фон современной деревни. Мы даже, в некоторых местах отстали, по сравнению с довоенным временем. Это естественно, вследствие империалистической гражданской войны, но это дальше так оставаться не может. Необходимо обратить сугубое внимание на работу в деревне, а мы в продолжении 23—24 года отодвигались назад. Две трети всего книжного запаса постоянных библиотек сосредоточилось в городах в 23 году. В 20-м году книжный запас между городом и деревней делился почти поровну. Это значит, что мы отстали. То же самое относительно передвижек. Это типичный массовый характер библиотечной работы. Казалось, он должен превалировать там, где находятся основные массы читателей—в деревне, а в действительности происходит совершенно не то.

Между тем в деревне перед нами открывается широчайшее поле работы. Я уже говорил, что на почве революции вырастает новый слой передового крестьянства, пытливо ищущего новые формы хозяйства, ищущего выход из тяжелого положения, который рвется к активной, общественной, политической деятельности. Он хочет быть и членом Комитета Взаимопомощи, и членом Сельсовета, и членом школьного Совета и членом избы-читальни. Он организует и коллективную читку газет, ликвидирует неграмотность, организует ясли и т. д. И обслужить этого передового крестьянина, это наша святая обязанность. Как их обслужить, если не иметь в деревне газеты и книги?

Второй момент, вокруг которого нам нужно будет организовать нашу работу и сосредоточить наше внимание—это вопрос о том, чтобы широко ознакомлять народные массы с нашей текущей международной политикой. Об этом специально говорил тов. Зиновьев на Партийном Съезде, когда он образно выражался, что мы должны сделать так, чтобы наши агитационные силы, наши политпросветучреждения стали бы агитаторами за Наркоминдел. И нужно постоянно держать народные массы в курсе нашей международной политики, чтобы крестьянство понимало наши шаги, чтобы училось на наших переговорах. В конце концов нужно, чтобы крестьянство понимало, например, какими предателями является

Второй Интернационал и как английская буржуазия пытается задушить русское крестьянство. Чрезвычайно важный момент, который выдвигает Партс'езд вновь и вновь,—это борьба за молодежь. Содействие этой борьбе—есть одна из обязанностей библиотеки. Следить за тем, чем занимается рабоче-крестьянская молодежь, дать ей возможность получить, наибольшее количество проверенных книг, организовать вокруг этих книг и газет, вот задача библиотек. Прав был в этом отношении тов. Бухарин, когда говорил, что в конечном итоге вопрос разрешится в зависимости от того, с кем будет молодежь. Разрешите сделать еще несколько организационных выводов, которые вытекают на мой взгляд из общего содержания работы. Прежде всего, все наши организационные усилия сейчас нужно направить на низовую библиотечную сеть. Пора покончить с тем, что мы, по преимуществу, и наши силы, и наши материальные ресурсы направляли на верхушечную библиотечную сеть. Расширение передвижек, это основная задача, и нужно ответить на этот вопрос, стоящий перед нами. Мы говорим о ликвидации неграмотности, о том, чтобы кооперировать население, о чрезвычайно важном вопросе, чтобы овладеть торговлей, о текущих задачах международной политики. А как это сделать, если мы не протолкнем книг в деревню? Единственный путь—это создание расширенной укрепленной и развитой сети передвижек. Отсюда вытекает и другая задача. Необходимо расширить сеть передвижек и для этого необходимо получить новых людей. Мы могли ведь приспособиться к требованиям гражданского фронта, мы могли в период гражданской войны создавать новую армию прекрасных библиотекарей, которые прекрасно обслуживали нашу Красную армию, работая под огнем, и которые были активными работниками в этом деле. И сейчас из крестьянской молодежи, из комсомола, из передовых рабочих надо уметь создавать новые кадры библиотекарей. Это наша большая перспективная задача. Итак, мы должны создавать библиотекарей для наших передвижек. Это во всяком случае повлечет за собой изменение форм нашего инструктажа. Надо сказать, что вопрос техники библиотечного дела требует большого пересмотра. Я должен сознаться, что очень часто раньше не понимал, что написано в указаниях относительно библиотечной техники. Позидимому, это происходило от того, что она была слишком сложна. Наша передвижка будет опираться на массового библиотекаря и мы должны изменить самый характер инструктажа и приспособить его к массовому библиотекарю. Наконец, последнее требование то, о чем надо не говорить, а кричать—это о расширении нашей материальной базы. С таким материальным положением, в котором мы находимся сейчас, нет никакого сомнения, что мы не сможем удовлетворить наших библиотечных потребностей. Материальную базу надо расширить и в смысле укомплектования книгами библиотек, и в смысле улучшения положения библиотечных работников. Если даже в текущем году мы сможем улучшить материальное положение библиотекарей, то не надо все же смотреть розово на положение вещей, так как положение остается трудным и мы должны сделать слишком многое для того, чтобы приобщить крестьянство к книге и расширить библиотечное дело. Мы должны помнить то, что насколько библиотека ищет массового читателя, настолько же массы ищут библиотеку, и кто этого не видит,—тот плохо видит. Тоже самое надо отметить о нашей книге; она с большим трудом, эмпирическим, опытным путем идет на встречу массовому чита-

телю, наши издательства начинают нащупывать правильный тип современной массовой советской книги. Мы должны здесь отметить тот сдвиг, который наблюдается среди трудовой интеллигенции, среди учительства; он также характерен для библиотекаря, который ищет точек соприкосновения с рабочими, крестьянами и советской властью. Это — большое завоевание. Если наш съезд пройдет под знаменем тех задач, о которых я говорил и которые ставит ныне коммунистическая партия и советская власть перед всей страной, то этот съезд будет серьезным этапом по пути под'ема действительной массовой культуры в России. (Прений по докладу т. Эпштейна решено не открывать. Проект резолюции передается в президиум для обработки).

Доклад Н. К. Крупской: „Библиотечная работа в деревне“.

Товарищи, последние месяцы особенно много говорят о работе в деревне. Мы видим, например, что этой весной молодежь, едущая в отпуска, готовится к летней работе в деревне с громадным жаром. Из одной Москвы выехало около 12.000 молодежи, вооруженные книжками, газетами и горячим желанием культурно прийти на помощь деревне.

Эта молодежь, приезжая в деревню, разворачивает там сразу большую работу. Мне недавно рассказывали, как в Псковской губ. группа студентов, приехав на практику в Совхоз в 10 час. утра, в 5 час. дня уже открыла избу-читальню и успела так оповестить население, что эта изба-читальня собрала видимо-невидимо народу. Я, конечно, не знаю, хватит ли у этой молодежи выдержки, чтобы в таком темпе проработать все лето, но несомненно, что эта рабоче-крестьянская молодежь, едущая на лето в деревню привезет с собой большие запасы новых идей, большой энтузиазм и, конечно, не одна молодежь. Мы знаем, что в деревню поехали воодушевленные тем же энтузиазмом красноармейцы. Мы знаем, что в целом ряде других областей идет та же работа, что все работники, имеющие соприкосновение с деревней, думают о том, как помочь деревне подняться. Мы видим, как по фабрикам и заводам идут собрания, где обсуждается, что надо будет делать в деревне тем рабочим, которые туда приедут. Таким образом вопрос о работе в деревне, о культурной работе, о политпросветительной работе, поставлен во всей широте. И, конечно, библиотекарям надо поставить этот вопрос, надо внимательно присмотреться к тому, как ведется в настоящее время работа в деревне и как ее надо ставить. Этот вопрос не такой простой, как вы сами прекрасно знаете, в особенности те из вас, кто работает в деревне. Вы прекрасно знаете все те трудности, которые стоят перед библиотекарями, работающими в деревне. Партийный Съезд дал некоторые директивы относительно работы в деревне.

Одна из этих директив была та, что надо постараться связать всю культурную и политпросветительную работу в деревне в один узел. В настоящее время мы действительно видим очень пеструю картину работы в деревне. Кое-где есть культпросветы, кое-где есть библиотеки, в других местах избы-читальни, в третьих — некоторая работа ведется отдельными школами, словом существуют самые различные формы работы, причем бывает так, что в одном селе работа ведется несколькими

совершенно разрозненно. Шефы, приезжая в деревню, ориентируются не на тех работников, которые уже работают в деревне, а начинают устраивать свою работу. Комсомольская ячейка работает отдельно, партийная ячейка работает тоже отдельно. Конечно надо сказать, что в большинстве местностей мы не видим такой плохой картины, но не видим ее просто потому, что там вообще никакой работы не ведется.

Начиная с 21 года, наши политпросветучреждения стали быстро исчезать с горизонта, они падали, как картонные домики. Настоящих корней в населении у них не было. Конечно, не давали средств, но вопрос о средствах не единственный вопрос, который имеет здесь значение. Если бы те учреждения, которые в такой массе в первые годы революции были созданы в деревне, имели корни в населении, то не смотря ни на какое сокращение средств, эти учреждения, продержались бы; может быть они работали бы с меньшей интенсивностью, но мы не видели бы того, что мы наблюдаем сейчас, когда от некоторых учреждений не осталось решительно никакого следа.

Сейчас, подходя к работе в деревне, имеется в виду подход к этой работе с наименьшей затратой сил, подход к этой работе таким образом, чтобы каждая культурная сила могла бы быть в деревне использована максимально, чтобы не было в деревне толкотни и сумятицы и чтобы все работающие связали работу между собой. Вот почему партийный съезд принял резолюцию, что в деревне должен быть один политпросветительный центр, волостная изба-читальня.

Что это значит? Значит ли это, что никакой другой работы, никаких других учреждений не должно быть? Надо сказать, что на местах, кое где так и понимают. Мне пришлось столкнуться с таким толкованием, что в волости должна быть только изба-читальня, на нее должны затрачиваться все средства, остального же ничего не должно быть. Конечно, такое понимание резолюции является недопустимым пониманием. Что имеет в виду эта резолюция съезда?—То, что должен быть единый политпросветительный центр в деревне. Это значит, что изба-читальня должна быть самым тесным образом связана со всеми просветительными учреждениями, имеющимися в деревне. Если там имеется ликпункт, то она должна быть тесно связана с этим ликпунктом, всячески помогать ему в его работе. Если в деревне есть волостная библиотека, то эта волостная библиотека должна быть тесно связана с избой-читальней. Это не значит, что надо ликпункт переселить в помещение избы-читальни, и что занятия должны происходить только в избе-читальне. Это не значит, что книги волостной библиотеки должны быть непременно перенесены в помещение избы-читальни и что ликпункт или волостная библиотека должна прекратить свое самостоятельное существование. Конечно, не в этом смысле принята резолюция.

Резолюция, принятая на съезде, означает, что и волостная библиотека и ликпункт и все те политпросветучреждения, которые могут быть в данном селе, должны тесно и органически связаться с работой избы-читальни. Конечно, если найдется такое помещение, в котором может поместиться и волостная библиотека и школа грамоты, то, конечно, в этом помещении можно объединить все существующие учреждения, но это не является обязательным. Надо таким образом делать, чтобы за основу брать то учреждение, которое имеет наиболее прочные корни в населении, и около этого учреждения устраивать эту избы-читальню.

Точно также необходимо, чтобы была тесная связь между работой школы и работой избы-читальни. Но это вовсе не значит, что не должно быть учителей, что не должна вестись работа со взрослыми, что не должно быть разговоров со взрослыми, что не должна вестись работа с родителями и т. д.— Эта работа должна вестись, но она должна быть тесно связана с работой избы-читальни.

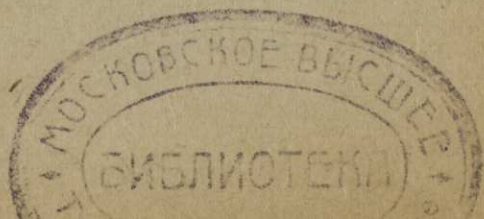
Эта тесная связь всех культучреждений, намечаемая партийным съездом, имеет в виду также, что все организации, желающие помогать деревне, должны работать не в разброд, а направлять все усилия на то, чтобы поддержать работу избы-читальни и сохранять связь с этими учреждениями.

Конечно, такая увязка работы нисколько не умаляет значения волостных библиотек. Напротив, она ставит волостных библиотечарей в гораздо более выгодное положение. У нас в России существует хорошая традиция с давних пор: всякий библиотечарь знает, что он должен быть не только простым выдавателем книжек, но и общественным работником. Я помню, как я, будучи во Франции поразились, когда я увидела, что в рабочей библиотеке, библиотечарь выдает молча книжки, которые рабочие и работницы берут по записи. При этом стоял жандарм, — не знаю: для того ли, чтобы наблюдать будут ли вестись какие-нибудь разговоры, или же для охраны библиотеки от искушений рабочих, — но картина библиотеки была весьма печальна.

Конечно, у нас в России традиции совершенно иные. Мы стоим на точке зрения американских библиотечарей, которые сознают, что необходимо увязать работу библиотек с широкой общественной работой. Но надо сказать, что если на селе одна только волостная библиотека и нет никаких других учреждений, ведущих общественную работу, то тогда библиотечарь является культурной одиночкой, которому приходится чрезвычайно много уделять времени на чисто организационную работу. Конечно, он не может существовать без той общественной атмосферы, которую необходимо создать около библиотеки, но создание этой общественной атмосферы, поскольку он работает в одиночку, чрезвычайно нелегкая вещь. Само собою, что если волостная библиотека будет даже при избе-читальне, то это нисколько не избавляет библиотечаря от необходимости разбираться в общественных вопросах и особенно в тех из них, которые имеют в данный момент особое значение для деревни.

Организационная же мелкая работа, которая отнимает чрезвычайно много времени, может быть снята с библиотечаря, если работа волостной библиотеки будет тесно увязана с работой избы-читальни, ликпункта, с работой школы. Ведь задача избы-читальни, — это в первую очередь задача организационная, — привлечь как можно больше народу в избы-читальню, с тем, чтобы втянуть их в общественную работу. При помощи чтения газет и книг заинтересовать население общественной работой, организовать его около избы-читальни — вот задача избы-читальни; и, если будет тесна смычка между библиотекой и избы-читальней, то библиотечарь получит то, что ему необходимо, получит ту массу, в которой он будет работать. Но будет работать он уже не один, а вместе с избачем, вместе со всеми теми культурными работниками, которые должны сосредоточиться в избе-читальне.

Такая постановка дела, конечно, в значительной степени облегчит работу библиотечаря и позволит ему сосредоточиться на его основной

работе, на работе с населением при помощи книг. Эта работа для нас в данный момент является работой колоссальной важности. Всякая агитационная работа, как ни как, ведется, но для того, чтобы эта работа могла быть углублена, чтобы деревня могла через книгу изменить свою жизнь, чтобы она могла через книгу приобщиться к той интенсивной общественной жизни, которая теперь идет в стране, чтобы деревня могла через книгу выйти из своей оторванности,—для этого, конечно, библиотекарю надо сосредоточить массу внимания на работе с книгою.

У библиотекаря, так сказать, своя специальность. Задачи библиотекаря—связать всю работу с избой-читальней.

Скажем, изба-читальня поставила себе целью вести агро-пропаганду. Удалоськрепить к избе-читальне агронома, который читает там лекции и ведет показательную работу. Какова же здесь задача библиотекаря? Может ли волостной библиотекарь остаться в стороне от этой работы или, может быть, он в тот момент, когда изба-читальня ведет агропропаганду, будет заниматься антирелигиозной пропагандой? Этого, конечно, не должно быть, а в тот момент, когда читается лекция по агрономии, когда агроном показывает опыты, когда ведется работа в этом направлении, задача волостного библиотекаря—подобрать все, что есть по этому вопросу, постараться самому познакомиться с этими книгами, выставить их, организовать чтение, организовать, может быть, сельско-хозяйственный кружок, одним словом, вести параллельную работу, которая углубляла бы работу лектора, которая давала бы возможность серьезно и глубоко проработать то, что получили слушатели-крестьяне во время лекции.

Такая работа с книгой чрезвычайно плодотворна. И тут вся тяжесть работы не целиком падает на библиотекаря. Тут ряд работников ведет эту работу,—но у библиотекаря своя большая работа.

Точно также, если изба-читальня ведет работу по санитарному просвещению, параллельно должна быть организована работа с книгой. Углубление лекторской работы,—это чрезвычайно важная задача, но у библиотекаря есть другая задача,—надо учить читателя пользоваться книгой, как орудием труда, понять, что книга есть орудие учения, орудие труда, орудие борьбы. Вот, если волостной библиотекарь сумеет сделать это, он усилит культурную работу в деревне до чрезвычайности.

Владимир Ильич в одной из своих последних статей, в статье о кооперации говорил: „мы начали с другого конца, с политической революции, с социальной революции, подошли теперь к революции культурной, перед которой мы стоим“.

Надо отдать себе отчет: правильно ли это? Стоим ли мы перед культурной революцией? Мне кажется, что да. Когда приходится бывать на фабриках и заводах, то видишь, как подросла за последние годы рабочая масса, видишь, как выступает не только молодежь и пионеры, как выступают и работницы и рядовые рабочие, которые научились говорить и которым есть, что сказать. По этим выступлениям, по тому, что рабочая публика сейчас страстно стремится к знанию, видно, что в рабочей массе совершается эта культурная революция. По крайней мере, в рабочей массе есть в данный момент предпосылки этой культурной революции.

Эта жажда к знаниям, конечно, есть и в крестьянских массах. На какой почве выросли все эти разговоры о деревне, стремления помогать деревне? Они выросли на почве роста самостоятельности крестьянской

массы. Бедняцкие и средняцкие слои за последнее время, может быть, благодаря обострению классовой борьбы в деревне проявляют чрезвычайную тягу к организации. Обследования деревни рисуют довольно мрачную картину. В деревне ничего нет. Избы-читальни являются редкостью, библиотеки — тоже редкостью. Школы развалены. Одним словом, надо глядеть правде в глаза и отдать себе отчет в том, что у нас культурное положение деревни чрезвычайно тяжелое. Но надо сказать, что рядом с этим тяжелым культурным положением в деревне мы видим, что и в деревне есть громадная тяга к знанию. Мы видим, что теперешний крестьянин совершенно не тот, кем он был до войны. Конечно, за гражданскую войну он пережил и продумал чрезвычайно много. Это уже не тот, оторванный от жизни крестьянин, которого мы знали до войны. Этот крестьянин много передумал, много перестрадал, и, конечно, он представляет такой богатый материал, с которым можно сделать очень многое.

Предпосылки для культурной работы в деревне есть. Теперь надо работать и работать. В этом отношении, конечно, перед библиотекарем, работающим в деревне, стоит чрезвычайно большая работа.

Нужно отдать себе отчет также в том, что у нас необходимо деревенские библиотеки обновить, потому что тот книжный состав, который есть в этих библиотеках, чрезвычайно устарел. Не потому, что там особенно много контрреволюционных книг (конечно, необходимо библиотеки очистить от религиозной и от всякой черносотенной литературы). Центр вопроса в том, чтобы сейчас дать деревне ту литературу, которая нужна деревне. В настоящее время ведется также большая работа над книгой. Сейчас, например, в Красной армии ведется большая работа по выяснению запаса слов, запаса понятий, которые есть у красноармейцев, только что пришедших из деревни. В некотором отношении эти наблюдения дают неожиданные результаты. Затем ведется большая работа по переоценке книг. Так, например, при институте Темирязева группа биологов ведет работу по пересмотру популярных книг, биологии. Ведется еще работа по пересмотру книг популярных и беллетристических, которые предназначались для деревни и которые по традиции считаются полезными для библиотек. Необходимо, однако, чтобы эта работа по пересмотру книжного богатства производилась не только таким априорным путем, что вот, например, предполагается, что эта книга теперешнему крестьянину не понятна, не интересна и т. д., а надо, чтобы был произведен массовый опыт, массовая проверка литературы.

Сейчас деревня нуждается в целом ряде книг, которые ей нужны, чтобы пересмотреть свою жизнь. Нуждается в книгах по землеустройству, в книгах, которые объясняли бы смысл советской конституции, смысл советского законодательства. Вот тов. Яковлев в своей брошюре, которая является результатом обследования волости, рассказывает, как идет работа в народных судах, рассказывает, как крестьянки знают все те законы, которые написаны для того, чтобы поставить их в независимое положение от мужа. И вот разбор этих законов создает необходимость иметь литературу, которая бы углубляла все вопросы, интересующие крестьянина и крестьянку, потому что они задевают их жизнь. Надо, чтобы эти вопросы увязывались с общими вопросами и увязывались бы с политикой сов. власти и со всей идеологией пролетариата. Они не

должны быть частными вопросами, а должны быть частью тех больших вопросов, которые стоят перед страной и перед всем миром в настоящее время. Таковую литературу необходимо создавать. Та литература, которая пишется сейчас, в большинстве своем пишется неумелыми руками. Если мы будем рассматривать книги по кооперативному вопросу, по этому животрепещущему вопросу, то мы увидим, что таких брошюр, которые правильно подходят к вопросу о кооперировании крестьянского населения и которые дают практические указания крестьянину, слишком мало.

Сейчас составляется список примерных библиотек, и что же остается по женскому вопросу? Крестьянки не имеют ни какой другой литературы, кроме „Красной Крестьянки“, брошюр Колонтай, брошюр, которые написаны в 18—19 и 20-х г., которые в значительной мере уже устарели.

Перед нами сейчас огромная задача—это работа над книгой. Это та работа, которую можно произвести только опираясь на волостного библиотекаря и избу-читальню. Надо на опыте в массовом масштабе проверить, насколько та или другая книга захватывает крестьянина и насколько она ему нужна. Работа волостного библиотекаря заключается в данный момент не только в том, чтобы выдавать книги, а заключается в работе над книгой, т.-е. в том, чтобы принимать участие в этой огромной коллективной работе, которую надо проделать для создания новой книги, необходимой крестьянину. Работу эту приходится производить центру обязательно с участием местных работников. В этой работе волостные библиотекари должны занять одно из первых мест. Мы говорим о работе волостных библиотекарей и о работе изб-читален.

Задача изб-читален и волостных библиотек не только в обслуживании определенного села, но задача их заключается и в агитации за книгу. Практика уже показала, что в некоторых волостных избах-читальнях при соседних деревнях имеются „красные уголки“, которые носят различные названия. В некоторых местах они называются „крестьянскими клубами“, в других—„мягкими избами-читальнями“. Суть дела здесь в том, что на деревне образуются такие ячейки читателей, которые берут на свой счет освещение и которые несут расходы по приобретению газет и книг. Это уже является зачаточным типом изб-читален в деревнях. Но если избы-читальни будут тесно связаны с волостными библиотеками, то волостные библиотеки будут опираться на „красные уголки“ для своей работы с передвижками.

13-ый с'езд постановил, что по 4 работника должно быть брошено на эту работу, а именно: избач, волостной библиотекарь, ликвидатор и волостной организатор. На волостного организатора падает задача организовать по всей волости зачаточные избы-читальни. Если будут такие организации по всем деревням и если они будут тесно связаны с избами-читальнями, то тем самым в значительной степени облегчится работа передвижек.

Надо будет обратить сугубое внимание на правильный состав этих передвижек. Надо, чтобы в этих передвижках были книги для разного типа читателей. Эта передвижка может быть дешевой формой, которая в настоящее время будет обслуживать всю волость.

Конечно, в будущем мы будем иметь более усовершенствованную сеть политпросветительных учреждений в деревне, но в настоящее время надо поставить минимум, к которому мы должны стремиться и который

должен быть следующим: избы-читальни, органически связанные с волостными библиотеками, с ликвидационными пунктами, со школой, которые могут группировать около себя всю культурную работу в деревне. Эти избы-читальни будут поддерживать профсоюзы и различные шефы, и комсомол, и партийные ячейки будут стараться поднять политпросветительную работу на более высокую ступень. Это относительно волостей. А о деревнях надо сказать, что зачаточными формами изб-читален являются передвижки и зачаточные ликпункты.

Конечно, эта задача не так проста и не так легка. Если мы ее выполним надлежащим образом, если мы сумеем развить работу всех этих учреждений, поставить работу достаточно глубоко, если мы сумеем ее сделать нужной для деревни, то мы сделаем большое дело в направлении развития той культурной революции, о которой писал Владимир Ильич.

Я и думаю, что библиотекарь также воодушевлен всей этой работой, как и все работники, которые сейчас едут в деревню. Я и думаю, что совместными усилиями центра и мест удастся поставить эту работу на ту высоту, которая требуется переживаемым моментом. (Аплодисменты).

Заключительное слово Н. К. Крупской.

В речах ораторов и, затем, в тех записках, которые были поданы, указывается, что желательно было бы точно определить взаимоотношения между избами-читальнями и между волостными библиотеками. Другой вопрос—это, вообще, о той сети изб-читален и библиотек, которая должна быть в волости. Параллельно с этим выдвигаются и вопросы о неукрупненных волостях. Для нас это не является максимум, а это является минимум. Конечно, это не будет в достаточной мере обслуживать неукрупненную волость, но пока это необходимо. В дальнейшем предполагается, что в волости будет не одна изба-читальня, а, может быть, гораздо больше. Точно также из постановления с'езда совсем не вытекает, что остается одна изба-читальня, а если в волости имеется 3—4 избы-читальни, то они должны закрыться. Я здесь должна подробно рассказать разговор с селькором Тамбовской губ. В Тамбовской губ. к этому вопросу подошли чрезвычайно бюрократически и сказали так: „надо устроить волостную избу-читальню в волости“. И стали устраивать избу-читальню, совершенно не подготовив население. Они стали закрывать в волости другие учреждения, закрыли культпросвет в одном из соседних сел. Тогда приехал селькор сюда и сказал, что у нас на 5 т. жителей в селе имеется один культпросвет и нас закрывают, а открывают волостную избу-читальню. Мы с ним совместно написали письмо, в котором говорили о том, что опираться надо на самодеятельность населения и что при том ничтожном количестве средств, которое имеется на народное образование, еще долгое время не удастся давать столько денег, чтобы удовлетворять такие огромные потребности в культурных учреждениях, которые существуют сейчас. Выйти из дикого состояния, в котором мы находимся, можно только одним путем, разбудив самодеятельность населения. Эта самодеятельность уже есть, она уже пробудилась. Во всяком случае, мы не должны закрывать одних культпросветительных учреждений за счет других. Мы сказали культпросвету, что так как они уже себе завоевали определенное положение в деревне и имеют уже на

селе определенную цену, то им легче устроить спектакль в пользу изб-читален и провести агитацию среди крестьян о необходимости устроить избу-читальню. Такое письмо мною было написано в УОНО.

Я думаю, что это довольно характерный пример, который показывает, что на местах часто хотят насадить учреждения. Вот я и боюсь, что если мы пойдем таким путем, не опираясь на самодеятельность населения, мы далеко не уйдем. Как надо организовать избу-читальню? Избу-читальню надо организовать не около пустого места, а нужно посмотреть, что есть на селе, какое есть там политпросветительное учреждение, которое пользуется наибольшими симпатиями населения, которое сумело завоевать больше всего эти симпатии? Если это волбиблиотека, то нужно организовать избу-читальню около этой библиотеки. Если это ликпункт, то надо организовать около ликпункта. Если это культпросвет, то можно организовать избу-читальню, опираясь на культпросвет, и превратить его в избу-читальню. Тут надо подходить с учетом самодеятельности населения. Если мы подойдем иначе, то может случиться, что те избы-читальни, которые откроются, будут стоять пустыми, в особенности, если мы не сможем подобрать подходящих работников. Всякий понимает, что надо проводить курсы для избачей и создать литературу, инструктирующую избачей в их работе. Сейчас издается журнал „Изба-читальня“, который пытается эту работу выполнить.

Чрезвычайно важно, чтобы работники с мест (избач и волбиблиотекарь и др.) писали бы свои соображения в этот журнал. Надо, чтобы у этого журнала завязалась тесная связь с местами, с непосредственными работниками.

Что такое изба-читальня? В настоящее время мы иначе смотрим на избу-читальню, чем смотрели раньше. Раньше на избу-читальню смотрели, главным образом, как на клуб, как на место для времяпрепровождения. Сейчас же опыт этих изб-читален показывает, что главная работа в изба-читальнях, которая привлекает население, это—справочная работа. Справочная работа со стенной газетой, освещающей жизнь села, и работа с газетой, связывающей село с жизнью всего населения республики,—вот эта сторона работы должна быть выдвинута на первый план. Работа с газетой имеет колоссальное значение. Необходимо дать крестьянам газету, но надо сказать, что мы не умеем пропагандировать газету. Сейчас есть „Крестьянская Газета“, которая стоит 15 копеек в месяц. 15 коп. в месяц группа крестьян в 3 человека может найти, и когда слышат эту цифру, то спрашивают, как выписать эту газету. И всякая изба-читальня, всякая волбиблиотека должна принимать подписку. Иногда бывает так, что сама волбиблиотека не знает, как выписать центральную газету. У нас имеется описание обследования одной волости Уральской области, и там рассказывается, как выписывалась центральная газета. Выписывали кто другой, как волбиблиотека. Это—целая история, которая продолжалась 6 месяцев, и окончилась тем, что центральная газета так и не пришла. Пропаганда выписки газеты чрезвычайно важная задача. Ясно, что газета—это только приманка, которая может в каждом селе привести к коллективному использованию этой газеты, к организации передвижек, изб-читален, возбудить самодеятельность и т. д. Задача волорганизатора, которую дал съезд на одну волость, в значительной мере заключается в том, чтобы такой зародыш избы-читальни создать в каждом селе, в каждом местечке. Может быть, через некоторое время он вырастет в

настоящую избы-читальню. Работа избы-читальни, конечно, не может вестись без книги. Само собой разумеется, что работа с газетой вызывает интерес к определенным вопросам. Газета заинтересовала, а следующий шаг—это дать книжку по вопросу, который заинтересовал, научить прочесть это книжку. Изба-читальня связана с чтением вслух газеты, брошюры и т. д. Эта работа помогает работе библиотекаря.

Тут у меня имеется два типа записок. Один тип записок—это те, которые пишутся избачами и при том комсомольцами, которые категорически ставят вопрос: издать инструкцию, чтобы волбиблиотекари подчинялись избачам. В других записках выражается некоторая боязнь, в них не говорится, что волбиблиотеки должны работать отдельно, но выражается сомнение насчет увязки в работе. Надо смотреть, что за волбиблиотека и что за изба-читальня, что за волбиблиотекарь и что за избач. Тут нужно считаться с интересами дела, потому что, несомненно, изба-читальня не может вести работу без книги. И во всякой избе-читальне должен быть хотя бы зародыш книги. И он есть, и чем больше будет библиотека, чем лучше она будет организована, тем лучше пойдет изба-читальня. С другой стороны, изба-читальня может увеличить силу волбиблиотеки, потому что она может взять определенную работу на себя. Не может же волбиблиотекарь все делать. Он должен учить работать с книгой. Надо объяснить, прочесть определенные места, побеседовать. Это уже громадная работа и нельзя на библиотекаря возлагать все—и плакаты пиши, и ходи по избам, и в избах читай, не разорваться же волбиблиотекарю; он должен поставить свою работу с книгой. Умелый избач сумеет поставить работу так, что сгруппирует не только молодежь, но даже и ребят. Ребята в некоторых местах составляют для избача настоящий бич, и один избач придумал обливаться ребята из ведра водой, чтобы отделаться от них. Но тут, конечно, мог бы прийти на помощь избачу учитель и организовать ребят и ребята тогда могли бы оказать избе-читальне громадную помощь.

Избач должен оповещать все села о том, что делается в избе-читальне. Если бы мы отвели определенные часы, то они стали бы великолепными распространителями. Учитель мог бы сообщать о пришедших газетах, о новостях из этой газеты, и все ребята распространили бы эту новость и сообщили бы, что вот вечером в избе-читальне будет читаться газета и вестись беседа. Необходимо добиться такой увязки, увязки не внешней, а по существу работы. Напр., надо втянуть учителя в работу избы-читальни, выписывать книги, которые его интересуют, устраивать школьные отчеты избы-читальни и т. д. Затем, если есть врач, то нужно и врача притянуть к работе избы-читальни; агронома, если он имеется, нужно заставить работать в этой избе-читальне. У нас есть в Псковской губернии одна читальня, которая обслуживает полторы тысячи крестьян, несмотря на то, что учитель получает те же несчастные 10 р. Эта изба-читальня не имеет особенных средств. Тем не менее она пользуется колоссальной популярностью. Это потому, что работники обнаружили большую инициативу, сумели заинтересовать крестьян.

Здесь говорили, что неправильно распределяются книги, что эти книги нужно свезти в одно место и перераспределить. Т.т., я должна вас от этого предупредить. Я сама в начале революции была свидетелем такого перераспределения книг в Казани. Тогда в Казань свезли книги со всей губ. и собирались их перераспределить. Сейчас это уже

наверное сделано, но тогда книги лежали год и два без всякого движения (это было еще до образования Татареспублики). Механическое собирание и распределение книг мы рекомендовать никак не можем, ибо самое главное в политпросветительной работе—это не закрывать тех учреждений, которые уже существуют. Задача волорганизатора, волбиблиотекаря заключается в том, чтобы сделать эту работу жизненной, стянуть как можно больше масс и организовать их. Это удастся сделать тогда, когда вопрос о средствах не будет стоять так остро. Я считаю, что 15 коп. в месяц не такая большая сумма, чтобы этих денег нельзя было собрать. Нужно только организовать подписки на газеты и тогда работа будет налажена. Здесь один товарищ говорил о том, чтобы Главполитпросвет выписывал за свой счет газеты для всех крестьян. Главполитпросвет не может этого сделать, потому что у него нет таких денег, но нужно на местах возбудить интерес к чтению газет, организовывать подписку, производить чтение и разбор газет. Если вы сумеете сделать это на местах, политпросветработа в деревне будет развертываться

В нескольких записках с большой опаской говорят относительно передвижек, указывают на то, что нужно посылать специального книгоношу. Затем говорят, что если не будет специального человека, то передвижки послать нельзя. Но дело обстоит так, что в каждой деревне есть или бывший красноармеец или комсомолец, который ходит в избу-читальню за газетами или за чем-нибудь другим. И вот его то нужно сделать книгоношей. Нельзя, конечно, заранее сказать, что книгоношей должен быть обязательно красноармеец или комсомолец, потому что один комсомолец сумеет справиться с этой работой, а другой не сумеет. Но во всяком случае в деревне есть активный элемент, на который можно опереться. Конечно, если мы будем думать о том, что без лишнего человека ничего не сумеем сделать, то наша работа останется на месте.

Одна записка спрашивает меня относительно того возраста, на который должна быть рассчитана изба-читальня. Смысл этой записки таков, что самым активным элементом у нас является комсомолец. У нас есть такие места, где работа избача не оплачивается (напр. в Уральской области должность избача является выборной, при чем он ничего не получает за свою работу). И вот на эту „почетную“ должность идут комсомольцы. В конце-концов получается, что они избу-читальню превращают в комсомольский клуб, причем на этой почве происходят столкновения со взрослыми мужичками, которые дают в эту избу-читальню керосин, дрова, а иногда даже отводят под нее избу. Очевидно, что если эта записка написана комсомольцем, то он желает получить от меня директивы, что изба-читальня должна быть рассчитана на комсомольский возраст; если же она исходит от взрослого, то очевидно, что он хочет получить от меня совет, как можно отманеврировать избу-читальню от комсомольцев. Я думаю, что комсомольцы сами понимают, что, конечно, молодежь в деревне играет очень активную роль, но в то же время нельзя забывать, что одной из важнейших задач культурно-просветительной работы является культурный подъем деревни вообще. Никак нельзя превращать избу-читальню в комсомольский клуб, а надо дать возможность работать и молодежи, и взрослым.

В одной записке предлагают антирелигиозную пропаганду сделать обязательной. Я бы советовала от этого воздержаться, потому что анти-

религиозную пропаганду надо вести с умением; иногда получаются совершенно обратные результаты. В отчете одной избы-читальни Московской губернии говорится о том, что доклад по религиозному вопросу делал товарищ, приехавший из Москвы, но он не сумел ответить на заданные ему вопросы и позорно сбежал, дискредитировав таким образом все дело антирелигиозной пропаганды. Иногда заставляют учителя вести эту антирелигиозную пропаганду, несмотря на то, что он к этому совершенно не приспособлен. Когда он отказывается и говорит, что не может этого делать, то пишутся письма в Главполитпросвет—что это у вас за учитель, который даже антирелигиозной пропаганды не умеет вести? Но умелый псковский организатор поступает таким образом: учитель там оказывается негодным для антирелигиозной пропаганды, но у него есть сад и он сажает яблони,—и вот организатор избы-читальни ставит его не на антирелигиозную пропаганду, а на то, чтобы он показал на деле кружку крестьян, которые этим интересуются, как производить омоложение яблонь. Вот это есть организация: поставить каждого на ту работу, к которой он годен. Важно очень осторожно подходить в деревне к этому вопросу, потому что вопрос не только в том, что крестьяне не понимают этого вопроса, верят в попов и т. д. Главный вопрос в том, что плоха организация. В особенности деревенская женщина-крестьянка страшно одинока, плохо организована. Если мы сумеем в деревне бедняков и середняков организовать и сплотить с рабочим классом, то это будет одна из лучших форм антирелигиозной пропаганды. Когда человек организован, когда он чувствует себя членом организации, в которую он придет в трудную минуту, то тогда сами собою падут его религиозные предрассудки. И мы видим и в рабочей среде, что там, где есть рабочая организация, где она глубоко внедрилась в жизнь рабочих, там пропадает всякая религиозность, а в деревне пока никакой организации нет, и там еще долгое время будет процветать религиозность. Я, конечно, не хочу этим сказать, что не нужно вести антирелигиозной пропаганды, но нужно не торопиться, потому что сразу неумелым подходом можно отшибить читателя, которого постепенно можно подвести к вопросу через естествознание, дать научные объяснения, дать историю религии, все те вопросы, которые нужны для того, чтобы сознательно отвернуться от религии.

Затем дальше о том, как вовлекать женщин (через посиделки и т. д.). Вовлекать в чтение нужно иногда, не только в избах-читальнях и волостных библиотеках, но нужно иногда чтобы волостные библиотекари и избачи шли на посиделки и там устраивали чтение книг, брошюр, которые могут заинтересовать.

Как быть с литературой, с переводом на языки нацмен? Конечно, надо переводить как можно больше всю подходящую литературу и на украинский язык и на другие. И тут важно будет не растрчивать сил, а переводить именно те книги, которые нужны. Если кто-нибудь займется переводом Тургенева и затратит на это большие силы, потому что это классик, то это будет не целесообразно. Надо именно ту литературу переводить в первую голову, которая нужна деревне.

Беллетристика является могучим средством потому, что беллетристика действует на эмоциональную сторону, заставляет человека переживать известные вещи довольно сильно, и поэтому беллетристикой на-

до бы пользоваться в широком размере. Но надо сказать, что в данную минуту мы переживаем переходный период: с одной стороны, старые классики плохо могут быть впитаны деревней, они вообще настолько относятся к далекому периоду, что могут быть в большинстве случаев интересны только частично. И не потому, чтобы что-нибудь там было особенно недоступное для деревни, но потому, что они не созвучны современной деревни, непонятны и чужды, говорят о быте, который уже совершенно сошел со сцены и ни для современной молодежи, ни для активистов, ни для красноармейцев наших не говорит ничего ни уму ни сердцу. А беллетристика, конечно, приносит тогда пользу, если она затрагивает известные струны души, дает известные переживания. Что же касается современной беллетристики, то она еще очень слабо развита, очень напыщена, и тут к каждому отдельному произведению нужно подходить с большой осторожностью, нужно проверять впечатления, не полагаться на себя и на свой вкус, а стараться прислушаться к тому, что говорит молодежь, взрослые крестьяне. Наша оценка может расходиться очень часто с оценкой деревенского читателя. Тут важно нащупать то, что именно созвучно этому деревенскому читателю, что его захватывает.

Эта работа должна проводиться в широком масштабе и не только по отношению к популярным книгам, но также в еще большей мере по отношению к беллетристике.

Сегодняшнее обсуждение, высказывание т.т. с мест нарисовало уже перед нами те перспективы, по которым должна идти деревенская работа. Она, конечно, должна идти в направлении к широкой смычке с самодеятельностью. Важно, конечно, комплектование. На эту сторону дела должно быть обращено большое внимание. Важно следить за увязкой всей работы, за всяким полезным ростком культурной работы в деревне, чтобы развить его дальше, и чтобы действительно деревню поднять на тот уровень, чтобы она стала сознательной, чтобы средняк и бедняк мог организовать и чтобы он понял, что ему надо как можно крепче и плотнее сомкнуться с рабочим классом. (Бурные аплодисменты).

Утреннее заседание 2 июля.

Доклад Ф. Сеньюшкина: „Задачи рабочей библиотеки“.

Я буду говорить о работе среди фабрично-заводского пролетариата, о рабочих библиотеках. На с'езде эти наиболее важные отрасли работы нам придется как-то увязать. Я думаю, что мы после обсуждения тезисов и проработки их в комиссии найдем эту связь между городскими и деревенскими библиотеками, так как этот вопрос чрезвычайно важный и от него будет во многом зависеть намечающаяся смычка между рабочим классом и крестьянством.

Организационных вопросов, вопросов взаимоотношений с Главполитпросветом я не буду касаться совершенно, потому что этих вопросов коснется тов. Смушкова и затем мы проработаем этот вопрос в комиссии. Моя задача методическая.

Работа заметно оживилась после соглашения с Политпросветом, которое достигнуто нами еще осенью прошлого года. За этот год после соглашения библиотечная работа значительно развернулась, но, к сожалению, учета этой работы не имеется, а имеется только учет по всероссийскому обследованию культработы за середину лета 1923-го года. Статистические сведения по обследованию были получены от 62 губерний, что составляет примерно 42 проц. наших библиотек. По этому обследованию выяснилось, что у нас союзных библиотек 1.608. Из 1.608 библиотек,—библиотек при губпрофсоветах 13, при губотделах—153, при уотделениях—127, при фабзавкомах—627, при рабочих клубах—727. Таким образом, низовые библиотеки у нас—это основа всей работы. Вы видите: по фабзавкомам библиотеки составляют 37 проц., по рабочим клубам 51 проц., а всего низовые библиотеки составляют 88 проц. Это важная основа и мы и впредь главное внимание будем обращать на низовые наши ячейки при заводах и фабриках. Подписчиков имелось 336.000. Это примерно составляет 10—15 проц. всех рабочих. Задача охвата массы рабочих еще стоит перед нами.

Библиотекарей было 2.521; платных—1.731, т.-е. 69 проц. и бесплатных—790, т.-е. 31 проц. Мы видим, как уже в 1923 году началась работа по привлечению к бесплатному обслуживанию товарищей, интересующихся библиотечным делом. Последнее время этот вопрос еще больше продвинулся в сторону бесплатного обслуживания.

Количество книг—3.390.725. В среднем на одного человека приходилось 9 книг, на одну библиотеку—1.896.

Средняя посещаемость библиотек 32 человека. Состав библиотек следующий: обществоведение—14 проц., профдвижение—6 проц., белле-

тристика—37 проц., детские книги—6 проц., прочие—31 проц. и не распределено—6 проц. Таким образом, всего не распределено 37 проц., т.-е., попросту сказать, их, очевидно, ни к какому отделу отнести нельзя. Это балласт. Имеются жалобы на недостаток книг, на плохое комплектование и т. д. и жалобы весьма основательные. Конечно, по обществоведению 14 проц. и есть, но какое это обществоведение. Там есть ряд старых брошюр издания еще 17 и 16—15 года, а другой раз и раньше, тех брошюр, которые сейчас уже не представляют ценности. Их нужно выбросить, а они между тем относятся к обществоведению. Профдвижение 6 проц. Как будто хорошо, но какие это 6 проц.? Имеется большой процент библиотек в рабочих центрах, где по профдвижению давали Гриневича „История профессиональных движений“. Гриневич—меньшевик и выдавать его книгу за „профдвижение“ нельзя. Ходкую беллетристику, как Джон Рид редко редко встретишь. Можно сказать, что беллетристики новейшей очень мало и во многом ее требуется дополнить. Что касается детских книг, то еще встречается Чарская. Правда, по соглашению с Политпросветом недавно был составлен список, и по нему прошла основательная чистка и еще будет проходить. Мы почистим то, что нужно, но это, конечно, уменьшит наш библиотечный актив. Таким образом, жалобы на недостаток книг основательны и нам придется обратить внимание на комплектование. Между прочим, за этот год только центральное издательство профсоюзов бросило на места по комплектованию библиотек до полумиллиона экземпляров новейшей литературы, так что некоторое освежение за последнее время имеется.

Теперь несколько слов о составе подписчиков. Рабочих—52 проц., служащих—34 проц., членов семьи—14 проц. Так как члены семьи относятся в большинстве к рабочим (на фабриках и заводах), то рабочие и члены их семьи есть основа читателей нашей библиотеки. Дальше мужчин—65 проц., женщин—35 проц. Интересно отметить, что чем библиотеки ниже, т.-е., приписаны к фабрике или заводу, там число женщин меньше—в среднем 35 проц., а при библиотеках губотделов количество женщин доходит до 45 проц. Женщины из служащих наиболее интеллигентные, подготовленные пользуются библиотеками в губотделе или Г.С.П.С., а менее развитые, менее подготовленные работницы пользуются фабрично-заводской библиотекой. Итак, нам предстоит большая работа по вовлечению женщин в библиотеку, в чтение. Далее, 74 проц. взрослых и 26 проц. подростков—довольно значительно. Вот краткие статистические сведения, которые нам необходимы для того, чтобы строить выводы на дальнейшую работу. Оговариваюсь, что это было год тому назад, что значительное изменение уже есть, но относительные цифры имеют значение и для настоящего времени.

Посмотрим-же на что сводятся у нас жалобы. Во-первых, библиотек мало. Передвижек весьма мало. Я даже не называл цифр, т. к. они не точны и оперировать ими я не хотел бы. Количество книг—9 книг на читателя в среднем, как-будто бы ничего, но мы считаем из них много негодных. Подбор сравнительно неважный. Затем библиотеки не все работают при клубах и не слиты с клубной работой. Регулярные средства союзами на пополнение еще не всегда отпускаются. Иногда это идет от случая к случаю, а не по смете, из месяца в месяц, что мы считаем ненормальным. Наконец, мы видим недостаточный подбор библиотечарей. Я лично справлялся в большой библиотеке у библиотечарши:

есть у вас передвижка, товарищ?—И получил ответ: „А что это за штука“? Она не знает. Эта библиотечка не знает, как увязать работу библиотекаря с клубами, как обслужить кружки и т. д. Библиотекари и политически не подготовлены; с производством не связаны. Я не говорю, конечно, о всех. У нас есть уже сейчас хороший кадр библиотекарей, действительно общественников, понимающих огромные задачи, которые стоят перед рабочим классом, в смысле политического воспитания рабочих. Но есть и иные библиотекари, а раз они есть, то их нужно устранить. Все библиотекари должны быть соответственно подготовлены и высоко нести ответственное знамя библиотекаря рабочей библиотеки.

Какие задачи стоят перед рабочей библиотекой? Прежде всего, эти задачи определяются не только фактическим состоянием, но и совокупностью тех политических и экономических условий, которые мы переживаем. Это прежде всего повышение рабочей активности и общественности. Если Вы посмотрите на фабрики и заводы, то увидите точно улей пчел—различные общественные организации. На всероссийском партийном съезде тов. Молотов приводил пример, что на одной московской фабрике при 415 рабочих имеется 52 общественных ячейки, которые работают сейчас очень недурно. Посмотрим, какие ячейки на заводах и фабриках имеются: имеется МОПР—помощь международным заключенным, ОДВФ—помощь воздушному флоту, „Доброхим“—помощь организации химической обороны страны, кружки по изучению ленинизма, кружки по изучению профдвижения, научные кружки, литературные кружки, кружки политграмоты и т. д., ряд кружков драматических, ИЗО и т. п. кружки НОТ—научной организации труда, изучения производства. Затем различные производственные совещания, вечерние курсы, стенные газеты, кружки рабкоров и т. д. А тут еще—Ленинский призыв, сотни тысяч рабочих, которые предъявляют ко всему повышенные требования. Нужно обслужить все эти многочисленные кружки и обслужить не шаблонным образом—каждый кружок предъявляет свое требование. Рабочие библиотеки, чтобы обслужить эти кружки, кружки НОТ, кружки по ленинизму, по профдвижению, художественные и т. д., должны иметь действительно высоко развитых библиотекарей, развитых политически и общественников. Библиотекарь не-общественник, типа до-революционного времени,—обслужить и связаться с массой, понять дух работы, дать общее направление, конечно, не сможет. Здесь должен работать ответственный товарищ, на которого возлагаются огромные задачи. Мы ставим задачей библиотеки обслужить рабочих и сплотить их вокруг задач партии и профдвижения, вокруг задач советской власти. Библиотека должна являться методом подобного сплочения рабочих масс. Кроме того, конечно, библиотека должна помочь осознать рабочему ту политическую жизнь, которая сейчас его окружает. А осознать — это значит воспитать его в классовом, коммунистическом направлении. Это вторая задача, которую мы считаем чрезвычайно важной. Может ли эти задачи выполнить только одна библиотека? Конечно, нет. Только одна библиотека, не может обслужить все эти задачи. Эти задачи должны обслужить ряд культурных учреждений и государственных, и союзных. И библиотека должна явиться звеном этих культурных учреждений, направленных к единой цели—классового воспитания и развития. Так мы и должны рассматривать библиотеку, как одно

из звеньев культурных учреждений и в первую очередь—клуба. Но культурные союзные учреждения обслуживают также и задачи союзов. Каковы же союзные задачи? В общем союзы, по определению В. И. Ленина, должны быть школой коммунизма, и мы говорим, что культурные учреждения, в том числе и библиотеки, должны быть подчинены этим задачам.

Школа коммунизма охватывает все, о чем я говорил: и политическое воспитание, классовое коммунистическое воспитание, и производственное воспитание, и навыки к общественной жизни, которые член союза получает в своем союзе. Школа коммунизма, как понимал ее тов. Ленин, охватывает широчайшим образом все стороны рабочей жизни. Все наши культурные учреждения, в том числе и библиотеки, должны быть подчинены общим задачам этого обслуживания союзов. До сих пор библиотека этого не делала. Вы видите, какие сложные задачи возникают перед библиотекарем. Кто может провести их? Библиотекарь старый, подготовленный академически, или рабочий, непосредственно вышедший из рабочей среды, подготовленный соответствующим образом, связанный с производством, связанный с бытом рабочих, знающий психологию рабочих и знающий то производство и профдвижение, где он работает? Мы считаем, что эти многообразные задачи могут обслужить лучше всего товарищи, выдвинутые из низов, из рабочей среды, конечно, соответствующим образом, подготовленные. Пусть т. т. не думают, что выдвинутые из рабочих низов не смогут осилить и понять методики, подхода к читателю и т. д. Нужно над ними только поработать и соответствующим образом их подготовить.

Я бы хотел остановиться еще на некоторой основной, особой задаче, которая имеется в рабочей библиотеке—это производственное воспитание. Как у крестьянского библиотекаря имеется задача своего рода производственного воспитания, освещение вопросов земледелия, агрономии и т. д., так и у фабрично-заводского библиотекаря должна быть задача:—производственное воспитание, ознакомление с техникой производства и т. д. Вот висит плакат: „Наша цель—коммунизм, средство---книга и задача—производство“. Наши библиотеки практически уже приступили к этому, это лучший пример, как библиотеки должны обслуживать задачи производственного воспитания. Библиотеки, конечно, должны иметь не только плакаты, но и соответствующий подбор книг. Все это, конечно, требует систематического руководства читателем и систематического руководства подбором литературы. Литература должна быть популярна и доступна массам. Кроме того, подбор литературы должен быть индивидуализирован. Здесь есть сторонники, которые полагают, что достаточно в центре написать хороший каталог и по этому каталогу комплектовать все библиотеки. Это величайшая ошибка, потому, что каждая библиотека требует индивидуализации в зависимости от степени развития рабочих, их состава, много ли мужчин или женщин, от национальных особенностей и т. п. Библиотека не есть учреждение, а есть живой организм, имеющий общественный характер, которая вовлекает в свою работу наибольшие массы рабочих и организует, и пробуждает их активность и самодеятельность. Это чрезвычайно важно, потому что ряд т. т. библиотекарей предполагает, что кружков не нужно при библиотеке, что это выдумки и одни слова. Между тем, мы знаем на практике, как хорошо библиотеки организуют кружки „друзей книги“, по

переплету книг и по приведению библиотеки в порядок. Тот библиотекарь не на месте, который не сумеет привлечь даже тех мальчиков, которые окружают избу-читальню, и тем более не сумеет заставить рабочих и подростков полюбить и поработать над своей библиотекой. С этим будет сочетаться и пропаганда книги. Эта пропаганда, связанная с общей клубной работой, показывает, что библиотека не есть отдельное учреждение, а есть учреждение тесно связанное с клубом. Но этого мало, мы идем дальше и говорим, что библиотека есть часть клуба, что библиотека во всей своей работе должна быть подчинена единому клубному плану, а, значит, должна работать по плану правления клуба. Здесь также чрезвычайно важный принципиальный вопрос. Я думаю, что и товарищ Смушкова в своих тезисах, и товарищ Эпштейн в своем докладе, также подчеркнули, что библиотека должна быть теснейшим образом связана с клубом, а это значит—проводить единый план и работать по плану правления клуба. Вы знаете, товарищи, что оживление активности рабочих в первую очередь отразилось на клубной работе. Значит, будет не зазорно библиотекарю работать под руководством клуба, под руководством той общественности, которая прет у нас со всех сторон. Каким образом должно это происходить? Кружки должны обслуживаться книгой и доклады тоже должны обслуживаться книгой. В Ленинграде перед докладом приходит библиотекарь с книгой, сначала, конечно, делает выставку книги, а потом знакомит предварительно с тем вопросом, который будет поставлен на докладе. Этим он заинтересовывает товарищей, дает книги некоторым из них, а после доклада уже сами рабочие требуют у него по данному вопросу те или иные книги. То же самое собрание необходимо обслужить диаграммами, плакатами, лозунгами и т. д. Все это уже имеет место и долго останавливаться на этом не стоит. Но здесь нам необходимо отметить следующее: если на заводе учреждена библиотека и кроме библиотеки нет ничего, нет ни красного уголка, ни клуба,—то эта библиотека, по нашему мнению, должна разворачиваться уже больше, чем библиотека. Она должна разворачиваться в красный уголок и даже, может быть, в зачаточную клубную ячейку. Работа ее тогда расширяется соответствующим образом. Кроме газет там может быть собеседование, в кружках может быть обсуждение ряда специальных вопросов и т. д.

Мы видим из статистических данных, как у нас мало библиотек и как сравнительно мало рабочие обслуживаются книгой. Надо поставить вопрос так, чтобы не рабочий шел к книге, а книга пошла бы к рабочему. Кажется, маленький вопрос, но на практике у нас этого нет. У нас в Ленинграде, на Путиловском заводе, где работает 6 или 7.000 рабочих, это дело поставлено сносно. Раньше у них была очень маленькая библиотека, которая обслуживала очень незначительное количество рабочих. Но вот явился инициативный товарищ, который завязал в клеенку книги и пошел во время обеденного перерыва к рабочим, непосредственно к станку. Эта непосредственная работа у станка дала огромнейшие результаты. После рабочие пошли за книгой на стационарную библиотеку и библиотека, раньше пустовавшая, стала абсолютно загруженной. Но этого мало, надо пойти с книгой туда, где рабочий живет, в общежитие. Те товарищи, которые работают в Донбассе или в других местах, где есть бараки, т.-н. общежития, знают, что эти рабочие — наиболее

отсталые, что они плохо одеты, мало развиты и в клуб никогда не ходят. Вот туда надо двинуть передвижки, надо там организовать красный уголок, надо передвижки организовать в чайной и т. п. При этом надо помнить, на какого читателя мы ориентируемся: на головку, т.-е. на рабочих, которые наиболее политически развиты и активны, на середняка или на массовика. Конечно, библиотека будет обслуживать верхушку, но наша задача держать курс на массовика, на малограмотного рабочего, на женщину-работницу и на тех, среди которых только ликвидирована неграмотность. Это обстоятельство нам здесь на с'езде необходимо подчеркнуть. Мы должны иметь связь с ликпунктом и с клубами, где ведется ликвидация неграмотности через посредство индивидуальной обработки. Такие клубы есть и там библиотеку надо связать с этими малограмотными и постараться закрепить грамотность за ликвидировавшими свою неграмотность.

Переходя к вопросу о недостатках библиотекарей и о недостаточной их подготовленности, мы выдвигаем пункт о необходимости Главполитпросвету при помощи профсоюзов организовать широкую сеть курсов для библиотекарей и инструкторов. Здесь должна быть не только подготовка, но и переподготовка.

Следующий вопрос — о работе среди национальных меньшинств. Главный недостаток в этой работе, конечно, отсутствие книг. И здесь хорошо было бы, чтобы с'езд подчеркнул необходимость в центре, прежде всего, наладить издательство по национальным вопросам. Этим могут заняться и ВЦСПС, и соответствующая национальная секция ЦК партии и Главполитпросвет. Нам необходимо это, конечно, не для всех народностей, населяющих наш союз, а хотя-бы для основных групп: для киргиз, для татар, для калмыков, тюрков и т. д. У нас есть библиотеки, которые не имеют книг на тюркском или еврейском языке, или имеют их очень мало, между тем, как читателей указанных национальностей очень много. Первая задача — обслужить читателя на родном языке.

Мы выдвигаем тезис — шефство рабочих библиотек над деревенскими, над избой-читальней. Шефство может выразиться в том, что рабочая библиотека превратится в передвижку в деревню и будет способствовать комплектованию изб-читален. На это дело союзом должны отпускатся средства ежемесячно. Но это, товарищи, одна часть. Если бы наши все свыше 3.000 библиотек это шефство приняли и если бы, хотя бы тысяча библиотек, сумели передвижку в деревню бросить, это дало бы, если даже не очень много, то во всяком случае значительно. А в дальнейшем при развитии сети, при утверждении наших библиотек, эта работа имела бы еще более значение. Но мы думаем, что и этого мало, и здесь выступают библиотеки союзов, работающих в деревне. У нас есть союз Всеработземлеса, который непосредственно работает в деревне, есть союз строителей, который соприкасается с деревней, железнодорожников, сахарников и ряд других союзов, которые там работают. Эти библиотеки должны помочь обслужить и деревенское население. Будет намечен путь смычки городской библиотеки с деревенской, смычка рабочего с крестьянином. На практике нам придется изыскать методы и организационные формы. После этого с'езда, после разрешения ряда организационных вопросов, можно выразить одно пожелание: рабочие библиотеки методически должны и будут руководиться политпросветом, совместно с политпросветом сеть рабочих библиотек должна быть расширена, укреплена. Только тогда

библиотека сможет выполнить ту огромную задачу, которую мы на нее возлагаем, т.-е. обслужить нужды рабочего класса и нужды профдвижения,— как школы коммунизма.

Доклад М. А. Смушковой: „Итоги и перспективы библиотечного дела“.

В первые годы революции библиотечная сеть, никем не регулируемая, как мы знаем, стихийно начала расти. Каждое учреждение, каждая организация заводила себе библиотеку. Вл. Ильич в речи на 1-ом внешкольном съезде говорил о том, что рост библиотек у нас идет стихийно, мы не умеем владеть этим стихийным движением, не умеем организовать и привести его к какой то норме. И действительно в первые годы революции мы знаем, что не было учреждения, не было организации, где не было бы библиотечки, хотя бы маленькой, хотя бы захудалой. Точно мы не знаем, сколько было библиотек, точного учета, хотя не было, да и сейчас его еще нет. Но по тем сведениям, которые имелись у Наркомпроса, по 253 уездам (т.-е. по 73 проц. всех уездов РСФСР) имелось 36,517 библиотек, значит по всем 500 уездам было до 50 тыс. библиотек, а возможно, что и еще больше. Ясно, что на такую большую сеть книжного запаса, который имелся в распоряжении у нас, не могло хватить. В 17—18—19 г.г. книжная продукция была очень незначительная. Эти библиотеки укомплектовывались не из новой литературы, а из литературы, которая свозилась из помещичьих усадеб и потом распределялась по городам и волостям. Состав был ниже всякой критики, поэтому, конечно, и сеть работать не могла. Если некоторые библиотеки и были случайно укомплектованы лучше, то тоже развернуть работу они не могли, потому что книжный состав был очень небольшой. Таким образом, эта масса библиотек работала очень экстенсивно, поэтому нужно было придумать что то, чтобы как то упорядочить библиотечное строительство. Вл. Ильич на 1-м внешкольном съезде сказал:

„Книг у нас мало, но, кроме того, мы не умеем взять книжки, которые есть. Мы продолжаем страдать в этом отношении от мужицкой наивности и мужицкой беспомощности, когда мужик, ограбивший барскую библиотеку, бежал к себе и боялся, как бы кто-нибудь у него не отнял, ибо мысль о том, что может быть правильное распределение, что казна не есть нечто ненавистное, что казна—это есть общее достояние рабочих и трудящихся—этого сознания еще у него быть не могло. Не развитая крестьянская масса в этом не виновата и с точки зрения развития революции это совершенно законно,—это неизбежная стадия. И когда крестьянин брал библиотеку и держал у себя тайно от других, он не мог поступать иначе, ибо он не понимал, что можно соединить библиотеки России воедино, что книг будет достаточно, чтобы грамотного напоить и безграмотного научить. Сейчас нужно бороться с остатками дезорганизации, с хаосом, ведомственными спорами. Это должно составить нашу главную задачу. Мы должны использовать те книги, которые у нас есть, и приняться за создание организованной сети библиотек, которые помогли бы народу использовать каждую имеющуюся у нас

книжку, не создавать параллельных организаций, а создавать единую планомерную организацию“.

Это была директива, и после 1-го внешкольного с'езда в 20 году был поставлен вопрос о том, что нужно всю сеть как то сорганизовать и привести к какому то единству. И 4-го ноября 20 года был подписан декрет о централизации библиотечного дела. Этот декрет прошел очень большие мытарства. Дело в том, что мы страдали не только от мужицкой наивности, о которой говорит в своей речи Вл. Ильич. К сожалению, в наивности были грешны и те все ведомства и члены Малого и Большого СНК, через которых пришлось проводить декрет. Чуть ли не год мы тащили его и в конце концов он вышел. Согласно этого декрета, все библиотеки РСФСР связывались в одну сеть и передавались в ведение Наркомпроса. Для координирования работы учреждений, которые имели библиотеки и хотели продолжать работу, была создана Центральная Библиотечная Комиссия. Центральная Библиотечная Комиссия наметила общий план организации сети и целый ряд соглашений с организациями, ведшими библиотечную работу, с кооперацией, с ВЦСПС и с другими. Это соглашение должно было наладить библиотечное дело. Но нужно сказать, что каждое учреждение за свою библиотеку все-таки цеплялось, каждую библиотеку приходилось вырывать насильственно. Дело в том, что все библиотеки нельзя было включить в сеть Наркомпроса механически. Нужно было эти библиотечки распределять, некоторые закрыть, другие перевести на окраины и т. д. Сделать это было достаточно трудно. К концу 21 года, к 1 октября вместо 50.000 библиотек у нас оказалось уже 12.250. Мы надеялись, что в конце концов нам удастся создать планомерную сеть. В 21 году началась новая экономическая политика, которая сорвала нашу сеть. Казалось бы, что с новой экономической политикой вопрос централизации будет разрешаться значительно проще, потому что сейчас каждое ведомство должно было жить по твердой смете, нужно было пересмотреть вопрос о целесообразности содержания части мертвых библиотек. До нэп'а грешны были политпросветы, у них на одной улице было по 10—15 библиотек, которые не работали. К концу 21 года эти библиотеки не были еще сведены к меньшему количеству. Значит, с нэп'ом, когда Наркомпрос особенно был ущемлен, казалось бы, что централизация для библиотек политпросвета пойдет быстрее и нэп будет иметь только благотворное влияние, но директивы во время дать не сумели, смету урезали сразу катастрофически, с начала должны были ассигновать средства на 20.000 работников, потом сократили до 4.000. Многие работники, особенно в деревнях, просто разбежались, потому что им не выплачивали жалованья, и библиотеки расхищались. Таким образом, и небольшие книжные запасы, которые имелись, тоже сильно пострадали в начале нэп'а. Нэп не только не оказал никакого благотворного влияния, но, наоборот, была сильно сокращена сеть политпросвета. Если в январе 21 г. было 50—60 библиотек на уезд, то в апреле, после нэп'а только 29 библиотек на уезд, а в сентябре 23 г.—17 библиотек на уезд и только позже начинается стабилизация сети и некоторый рост. Таким образом, нэп катастрофически сократил сеть политпросвета и, кроме того, нэп еще в другом отношении напортил: начался опять стихийный рост библиотек различных ведомств, так что единство сети было сорвано.

И вот пришлось снова торговаться с ВЦСПС, стали поднимать вопрос о кооперации, так как все ведомства с начала нэп'а подняли голову и стали требовать даже возвращения тех библиотек, которые по декрету о централизации перешли к политпросвету. В конце концов с ВЦСПС после долгих мытарств, которые длились не меньше 8 месяцев, удалось достигнуть соглашения, и по этому соглашению дело теперь у нас обстоит, как будто благополучно. Работа, как гласит 1-й пункт инструкции по обслуживанию рабочих книгами, ведется согласованно и по единому плану. Организация библиотек должна происходить с ведома политпросвета в том случае, если у союза есть достаточно средств на содержание библиотечного персонала и на пополнение книг. Таким образом, не всякий союз может открыть библиотеку без всяких разговоров, а политпросвет обсудит вопрос, может ли этот союз поднять эту библиотеку, пополнить ее книгами, содержать персонал и т. д. Мелкие предприятия должны обслуживаться передвижками при условии выделения специальных работников. В случае, когда развитие этой работы тормозится отсутствием средств у политпросвета, профсоюзы должны содействовать политпросвету в получении средств, профсоюзы должны привлекаться к финансированию курсов, работники профсоюзных библиотек должны входить в объединение библиотечных работников. По этому соглашению, казалось бы, у нас все обстоит благополучно, передвижки выдаются из нашего фонда, план намечается совместно и я считаю, что если-бы на местах придерживались бы этого соглашения, у нас единство сети было бы сохранено и библиотеки были бы связаны в одно целое. Но на местах дело обстоит не так, и только в некоторых крупных центрах есть согласованность в работе: в Ростове, Ленинграде, Костроме работа более или менее согласована. Но нигде нет полного согласования, и политпросвет не достаточно авторитетен. Профсоюзы опять поднимают вопрос о том, что они могут сами вести работу и что они должны ее сами вести. Тут съезд должен подчеркнуть необходимость согласования работы, иначе конечно, дело у нас не пойдет. Наиболее остро обстоит у нас дело с профсоюзами. Правда, и с другими организациями у нас не совсем достигнуто полное соглашение. В центре с Союзом Молодежи соглашение у нас достигнуто. По этому соглашению Союз Молодежи не ведет сам работы, работа ведется по единому плану, политпросвет намечает с Комсомолом план развития сети и те пункты, которые должны быть обслужены передвижкой, а Комсомол только идейно руководит работой, указывает, какие кампании должны быть проведены в связи с общей работой Союза Молодежи. Такие соглашения имеются на бумаге, но все же это только на бумаге (подчеркиваю), так как на местах это не достигнуто и придется над этим поработать. Так говорил Владимир Ильич: „создание сети—дело нелегкое, и много, много нам придется поработать в этом отношении“. Нужно создать основную политпросветскую сеть и приобщить к ней сеть, которая возникла в результате нэп'а. Должна быть произведена передача на договорных условиях библиотек политпросвета хозяйственным органам.

Теперь обратим внимание на основную сеть. Что представляет собой основная сеть политпросвета. Основная сеть политпросвета строится из трех типов библиотек: библиотека центральная, библиотека городская-районная, библиотека волостная и изба-читальня. Что представляет собой библиотека центральная? Организации центральной губернской, уездной

библиотеки мы придаем в настоящее время большое значение, так как сейчас с переходом к нэп'у, когда у нас нет инструкторов и нет библиотечной секции, центральная библиотека (губернская, уездная) должна стать руководящим центром, руководящим аппаратом, через который политпросвет руководит всей работой уезда и губернии. Кроме функций руководства, центральная библиотеке должна иметь еще функции библиотеки, как таковой и должна обслуживать не только массового читателя, но и квалифицированного. Поэтому центральная библиотека должна иметь при себе и книгохранилище, и отделение, которое обслуживает массового читателя. У нас везде существуют центральные библиотеки и везде стремятся к созданию книгохранилищ. Я считаю, что создание книгохранилищ—дело, может быть, и не плохое, но сейчас оно нам не совсем по карману и нам нужно сейчас думать о том, чтобы при центральных библиотеках был развернут фронт передвижек и массовых абонементов, а уже во вторую очередь мы должны думать о том, как бы концентрировать запасы книг уездных или губернских в центральной библиотеке. Так что на создание этого массового абонемента мы должны обратить самое серьезное внимание. Центральная библиотека должна явиться опытно-показательной для губернии и уезда. При ней должен быть создан и практикум, кабинет политпросветработы или библиотековедения, чтобы библиотекари, приезжающие из уезда, могли здесь получать кое-какие сведения, инструктироваться в центральной библиотеке и затем соответственно строить работу на местах. Итак, центральная библиотека является руководящим центром не только в смысле организационном, но и в смысле методическом. При центральной библиотеке должно сосредоточиваться и объединение, которое работает в помощь центральной библиотеке и о работе которого я скажу ниже.

Кроме центральной библиотеки в городе должны быть библиотеки и районные, но районных библиотек не должно быть много. К сожалению, у нас увлекаются созданием этих районных библиотек. До сих пор, даже с нэп'а, когда у нас очень жесткий бюджет, во многих городах имеется лишнее количество районных библиотек. Районные библиотеки по характеру работы должны отличаться от центральных библиотек. Районная библиотека—это массовая библиотека, обслуживающая массового читателя. Это я говорю, не касаясь столичных городов, где работа районных библиотек носит иной характер. Но в уездных городах и в мелких губернских районная библиотека—это библиотека, которая обслуживает окраинное население, рабочих, которое именно несет книгу в толщу масс. Тут возникает вопрос, как согласовать библиотечную работу с клубной работой и нужно ли увязывать библиотечную работу с клубной работой? Тов. Сенюшкин в своем докладе заявил, что я являюсь сторонницей объединения библиотечной работы с клубной и считаю, что библиотека является именно кусочком, придатком этого клуба. Конечно, это не так. Я считаю, что библиотека (и никто из вас не будет возражать мне) должна тесно увязать свою работу и с клубом, и с ликпунктом, и со школой, вообще, со всеми учреждениями данного района. Иногда выгодно и территориальное объединение с клубом. Но здесь нужно помнить одно, что библиотека должна оставаться учреждением самостоятельным, что библиотека обслуживает не только членов,—это ни в коем случае,—но и не теряет своего районного характера и обслуживает всех граждан района. Библиотека должна иметь отдельный ход,

чтобы не было такого случая, что дверь в нее была закрыта. Иногда вход в библиотеку бывает через зрительный зал и она как бы служит придатком к клубу. От этого я, т.т., вас предостерегаю, хотя считаю, что иногда территориальное объединение и выгодно для библиотеки (лишь в том случае, когда библиотека остается самостоятельной).

Теперь останавлиюсь на третьем типе—это волостная библиотека. К сожалению, у нас волостная сеть очень небольшая и деревенская работа у нас не была развернута достаточно и до нэпа. Количество волостей у нас очень большое, книг настоящих у крестьянства нет.

У нас имеется бесконечное количество изб-читален и мы знаем, что, конечно, в большей мере эти избы-читальни не жизненны. У нас имеются диаграммы, которые показывают количество бездействующих изб-читален и библиотек и в первый период революции процент бездействующих был бесконечно велик. Сейчас и XIII партс'езд, бывший недавно, подчеркнул необходимость обратить самое серьезное внимание на эту низовую деревенскую библиотечную сеть. Сейчас у нас, повторяю, дело обстоит с ней очень скверно. Если к моменту централизации было из общего количества 13.000 волостных библиотек 11.000, то сейчас с нэпом у нас наблюдается катастрофическое снижение сети, именно снижение деревенской сети. Не так давно у нас имелось не больше 4.000 библиотек и только сейчас у нас начинается стабилизация сети и количество деревенских библиотек у нас около 5.000. Но библиотеки эти влачат в конце концов все-таки жалкое существование, потому что книг нет. По тем отчетам, которые имеются у нас в центре, мы знаем, что если произвести изъятие их этих библиотек, то останется каких-нибудь 30 % годной или относительно годной литературы. Поэтому развертывание низовой сети—задача не легкая, не легкая, потому что, во-первых, на рынке нет достаточного количества популярной литературы, годной для крестьянства и во-вторых, средств для развертывания сети не хватает. Но тем не менее есть постановление XIII партс'езда, что необходимо обратить внимание на эту деревенскую работу и есть постановление, сулящее нам некоторые блага, а именно, что на волость должно быть 4 политпросвет-работника, и нужно усилить книжное снабжение. Мы видим, что в конце концов в этом году с деревенской сетью дело обстоит несколько лучше. В будущем надеемся, что будет еще лучше: вероятно, что-нибудь мы получим из центральных средств, и, вероятно, содержание библиотекаря будет включено в местный бюджет. Так что мы думаем, что в 24—25 гг. наша деревенская сеть несколько укрепитя. Согласно постановлению XIII с'езда, на волость не укрупненную (сейчас идет процесс районирования, по которому количество волостей уменьшится) должна быть одна изба-читальня, которая является центром политпросветработы данной волости, при которой должна быть и волостная библиотека. Сейчас, поскольку дана директива, что изба-читальня является политпросветцентром, во многих местах идет слияние волбиблиотеки с избой-читальней. Против слияния, конечно, возражать нельзя. Точно также как хорошо увязать работу в городе с клубом, также хорошо увязать работу волбиблиотеки с избой-читальней, если позволяет помещение. Но, к сожалению, политпросветы, проводя это слияние, руководились соображениями не деловыми, а материального характера. При слиянии волбиблиотеки с избой-читальней они, прежде всего, сокращали волбиблиотекаря и волбиблиоте-

ка, сливаясь с избой-читальней, превращалась в маленький склад книг, потому что заведующий избой-читальней книг не знает, работать с книгой не умеет, и, таким образом, работа сводилась к нулю. Сейчас, не возражая против территориального слияния, мы подчеркиваем необходимость сохранения самостоятельного работника. Это подчеркнул и съезд, и мы можем надеяться, что от слияния избы-читальни с волбиблиотекой работа только выиграет. Таким образом, сеть строится по одной избе-читальне на волость. Изба-читальня имеет при себе и волостную библиотеку.

Как же должно быть обслужено безконечное количество населенных пунктов в волости? Тут и встает вопрос о необходимости развертывания передвижной сети. Мы возражаем против сельских и школьных библиотек не потому, что вообще принципиально возражаем. Конечно, чем гуще будет сеть, тем лучше, но сейчас нам нужно подумать о том, как при наименьшей затрате сил и средств обслужить большее количество населенных пунктов. Поэтому сейчас стоит вопрос о возможно большем развертывании передвижной сети и я подчеркиваю, что при создании центральных библиотек нужно укреплять передвижные фонды. Нужно помнить, что эти фонды должны обслуживать не только фабрично-заводские города, значительное количество передвижек у нас падает все-таки на город, а не на деревню. Надо помнить, что фонд должен строиться таким образом, чтобы в нем было максимальное количество популярной литературы, подходящей для крестьянства. Сейчас наша основная задача — густая передвижная сеть в деревне. К 21-му году было передвижек 836. На первое октября 22 года имеется их 1453, на 1-ое апреля 23 г. — 3595, на 1-ое октября 23 года — уже 4652 и на 1-ое июня 24 года 7877. Рост довольно внушительный и сейчас мы считаем, что количество передвижек должно все более и более расти и к 10-летию Октябрьской Революции мы ставим лозунг: 50 тысяч передвижных библиотек. Теперь дело создания фондов, конечно, достаточно трудное. Средств на пополнения фонда у политпросвета и центра мало и поэтому нужно стремиться, чтобы идея фонда стала популярной, и чтобы к субсидированию фонда были привлечены различные учреждения, которые пользуются этими передвижками. Мы знаем, что кое у кого средства есть, есть у профсоюзов, немного у кооперации, но эти средства большей частью распыляются и очень не рационально тратятся. Мы знаем случаи, когда маленькие предприятия покупали себе полное собрание сочинений Ленина, Маркса, Энгельса и т. д. Такие случаи есть не только в провинции, но и в центре в Москве. Маленькие предприятия, которые насчитывают десяток грамотных и малограмотных рабочих, приобретают эту литературу, не умея в ней разобраться. Сейчас это очень широко распространено, потому что отдел периодических изданий Госиздата раскинул очень хорошо сеть своих агентов. Эти агенты приходят и обрабатывают библиотекарей и, главным образом, заведующих клубами, председателей культкомиссий, те покупают книги и таким образом идет преступное распыление средств. Это нужно прекратить и тут нужно договориться, чтобы во что бы то ни стало согласовать работу, чтобы не было распыления сил и средств, и в резолюции это необходимо подчеркнуть. Если же мы начнем укреплять фонд совместными силами, то, конечно, через некоторое время можно что-нибудь сделать.

Теперь разрешите перейти к работе, которая должна развертываться вокруг библиотек. Чтобы провести большую широкую работу, чтобы

действительно согласовать ее со всеми учреждениями и организациями, библиотекарям нужно работать. Нельзя просто согласоваться, сговориться с политпросвету с культотделами профсоюзов. Конечно, это то же необходимо, но... необходимо еще, чтобы было создано объединение библиотечных работников, которое втягивало бы в свой состав и профсоюзных, и кооперативных библиотекарей, и др. и чтобы там совместно обсуждались все нужды. В процессе такой работы можно было бы достигнуть согласования в работе и изжить параллелизм, который у нас сейчас имеется. Поэтому созданию этих объединений мы придаем большое значение. Лозунг объединения был брошен в конце 21 года, в 22 году этих объединений насчитывались единицы, а сейчас сеть объединений довольно широка. Правда, сведений о всех объединениях мы не имеем, а иногда имеем слишком отрывочные, но все-таки работа по объединению библиотечных работников развернулась; за 1924 год начинает развертываться сеть уездных объединений. Какие же задачи мы возлагаем на эти объединения? Во-первых, эти объединения должны быть созданы в помощь центральным библиотекам для того, чтобы согласовать, объединить всю работу и увязать ее в одной общей цели. Для этой цели объединения ставят доклады о работе каждой библиотеки, готовят материалы для кампаний, выставок и т. д. Работа выполняется значительно лучше, избегается кустарничество и получается некоторая экономия сил и средств, ибо вся работа делается коллективно. Кроме того, объединения являются центром переподготовки и подготовки библиотечных работников. Сейчас у нас библиотечные работники двинулись вперед, но, принимая во внимание те огромные задачи, которые стоят перед библиотекарями, можно сказать, что они подготовлены не достаточно, у них не хватает политической подготовки. Объединения должны стать центром этой подготовки. На том, как объединения должны работать, я не буду останавливаться, но я подчеркну одно—объединения не должны отрываться от повседневной работы; материал, который прорабатывается в кружках, должен быть предоставлен библиотеке; например, составляется список книг, они немедленно должны быть использованы для рекомендации читателям во всех библиотеках.

Теперь на библиотечные объединения мы возлагаем еще одну очень большую работу. Если до сих пор библиотечные объединения работали, главным образом, в масштабе города и пытались объединить и увязать работу городскую; сейчас библиотечным объединениям мы предлагаем заняться регулированием библиотечной сети и в деревне. Некоторые товарищи относятся иронически к этому, но идти к этой задаче нам сейчас необходимо, и библиотечные объединения должны начать работу по укреплению деревенской сети. Т.е., это взято не из головы. Многие отчеты показывают, что объединениям удастся связаться с деревенской сетью. Как связаться, как помочь деревенской сети? Кое-где городские библиотеки являются шефами деревенских библиотек и библиотекари выезжают в волости и там инструктируют деревенских библиотекарей. Кое-где объединения создают краткосрочные курсы, кое-где создаются конференции недельные, или трехдневные, кое-где объединения пытаются создать кружки содействия этой сети. При желании и достаточной энергии можно помочь деревенской сети.

Губернские объединения должны, кроме того, в работе связаться с уездными объединениями. Последние за последний год возникли во

многих городах, но они недостаточно хорошо работают, потому что у них не хватает плана и работники их недостаточно квалифицированы. Губернские объединения должны руководить уездными объединениями. Задача губернских объединений—связаться с работой уездных объединений, а задача уездных объединений—возможно глубже проникнуть в низы и начать руководить волостной сетью.

Наряду с объединениями возникает вопрос о том, что при центральных библиотеках должны быть библиотечные советы. Вопрос о библиотечных советах недостаточно еще обсужден в нашей библиотечной прессе, недостаточно еще окрепла самая идея библиотечного совета. Мы считаем, что библиотечный совет должен состояться на началах представительства парткомов, профсоюзов и других советских организаций. С другой стороны, в библиотечный совет должны привлекаться и наиболее активные читатели. Какова же задача этих библиотечных советов? Мы считаем, что задача библиотечных советов, главным образом, должна состоять в пропаганде библиотеки, в агитации за библиотеку в советских и партийных органах. К сожалению, у нас библиотека не имеет прочного и определенного места в системе политпросветского учреждения и поэтому надо распропагандировать идею библиотеки и указать, что библиотека сейчас не место, откуда механически выдаются книжки, а действительно учреждение, которое связано в своей работе с текущей хозяйственной и политической жизнью страны. Такая пропаганда библиотеки может сыграть большую роль и помочь самим библиотекарям. Штат библиотекарей—очень маленький и работать ему без коллективной помощи чрезвычайно трудно. Поэтому при библиотеках должны создаваться кружки содействия читателей.

Как я уже сказала, штаты наших библиотек очень и очень незначительны. Фиксированного штата у нас до сих пор не было. В 21 году была у нас краевая конференция библиотекарей и там были выработаны примерные штаты, при чем эти штаты вырабатывались для каждого типа библиотек, в зависимости и от количества томов, и от количества выдачи и от тех отделений, которые имеются при библиотеках (штат для детских библиотек, для читальни, для фонда передвижек и т. д.).

Но эти штаты не получили никакого утверждения до прошлого года. В прошлом году штатная комиссия Наркомтруда их утвердила, сильно урезавши. В конце концов максимальные штаты, утвержденные Наркомтрудом,—15 человек на библиотеку. Ясно, что эти штаты для библиотек крупного типа очень малы. Кроме того, они недостаточно популярны на местах, они не были разосланы и как то вообще политпросвет прошел мимо них. У нас путаница со штатами получается и от того еще, что частично штаты находятся на содержании центра. Мы даем 8 единиц на губернские и 3 на уездные центробibliothеки из Главполитпросвета и Губполитпросветы считают, что эти единственные отпущенные центром единицы и являются нормальным штатом для данной библиотеки. Поэтому у нас библиотеки в смысле штатного обслуживания очень и очень плохи. Мы должны здесь в организационной комиссии проработать эти нормальные штаты. При библиотечном отделе Главполитпросвета в течение нескольких месяцев работала комиссия, которая ставила своей целью выработать нормальные штаты, изучив, какое количество времени нужно библиотекарю на тот или иной процесс: сколько ему нужно на писание карточки, сколько нужно на классифи-

кацию и сколько на выдачу. Учтя отдельные моменты работы библиотекаря, комиссия хотела установить нормальные штаты. Она не закончила своей работы, но кое-какие материалы есть. Их надо передать в нашу организационную секцию и проработать, потому что до тех пор, пока у нас не будет нормального штата, мы не сможем библиотечную работу развернуть сколько-нибудь интенсивно. Вообще надо сказать, что на местах библиотечному делу уделяют мало внимания и в смысле штатов нас режут. Бюджет нашей библиотечной работы на местах очень слаб. Из чего он складывается? Он складывается из сумм на хозяйственные расходы библиотеки, из сумм, которые идут на пополнение литературы и на содержание штата. В смысле содержания штатов эти суммы очень незначительны. Библиотекарь у нас получает очень мало. Есть места, где библиотекарь получает 8—12 р., больше 32—33 руб. он не получает нигде. Так что в смысле материального положения дело у нас обстоит достаточно скверно.

Кроме мизерного содержания штата, библиотека должна иметь еще некоторые средства на пополнение литературы. Как у нас с этим обстоит дело? Здесь положение тоже скверное. Мы знаем, что на местах средств на пополнение литературы почти нет. По нашим данным книжное снабжение Главполитпросвета составляет 82 проц. всего снабжения библиотек книгами и между тем снабжение Главполитпросвета очень и очень невелико. Но у нас кроме планового снабжения имеется еще и внеплановое снабжение. Внеплановое снабжение—это из центрального библиотечного коллектора. В центральном библиотечном коллекторе у нас было литературы довольно большой запас. На 1 октября 22 г. было 3 миллиона с лишним книг. На 1 октября 23 г. было уже 1.670.000 и на 1 апреля 24 г. у нас имеется библиотечной литературы 1.200.000. Таким образом, книжный коллектор центральный за эти годы снабжал довольно интенсивно библиотеки. Но нужно отметить, что, снабжая довольно интенсивно библиотеки книгами, он очень плохо сам пополнялся.

Коллектор жил, главным образом, за счет старых запасов. Сейчас запасы у нас уменьшились. Таким образом, рассчитывать на пополнение из центрального коллектора нельзя и перспективы книжного снабжения у нас неясны и, пока что, довольно безотрадны. В прошлом году у нас в среднем было дано на центральные библиотеки по 2.800 книг. Теперь придется значительно меньше. Где выход из этого положения? Мы считаем, что с'езд должен подчеркнуть катастрофическое состояние книжного пополнения и может быть с резолюцией с'езда нам что-нибудь удастся сделать (мы как раз составляем новые сметы). С другой стороны, конечно, нужно добиться того, чтобы на местах статья книжного снабжения попадала в сметы. И этого нужно добиваться, основываясь на постановлении XIII с'езда, который подчеркнул необходимость книжного пополнения. Главполитпросвет для того, чтобы облегчить закупку литературы местам, создал при себе фонд инвентаризации изб-читален, который ставит своей задачей отпуск литературы за плату на очень льготных условиях (25 или 20 проц. скидки и годовой кредит). Таким образом, через этот фонд, может быть, хотя отчасти, местам удастся пополнить фонд для обслуживания деревенской сети. Но я повторяю, что перспектив особенно радужных в смысле пополнения книг у нас нет.

Теперь перейду к третьей статье бюджета библиотек, это именно к хозяйственным расходам. Здесь у нас дело обстоит катастрофически

скверно. Все библиотеки в смысле хозяйственных расходов были сняты с центрального снабжения и были отнесены на местные средства. И, конечно, не мне вам говорить, как плохо обстоит дело в этом отношении. Вы знаете, что часто у библиотекаря нет средств даже на закупку бумаги, чернил и т. п. Не на что починить какой-нибудь замок и т. д. Здесь отчасти мы виноваты и сами, что недостаточно нажимали, что у нас нет типовой сметы библиотечной. Если бы она была, может быть, нам легче было бы и в центре этот вопрос поднимать, но когда нас спрашивают, сколько стоит содержание библиотеки, мы ничего сказать не можем, потому что у нас нет и жилищной нормы, мы не знаем, какая должна быть кубатура, сколько должно быть комнат, сколько потребуется на отопление, освещение и т. д. Наша задача—подработать вопрос типовой сметы, вопрос количества комнат, кубатуры и т. д. Здесь нужно выступить организованно, показать, что библиотека имеет какие то нужды и что это составляет довольно солидную сумму и что она не может без ущерба для работы экономить каждую копейку. В некоторых местах политпросветы, чтобы выйти из этого трудного положения, стали вводить платность и думали, что платность спасет их от всех зол и бед. Но, конечно, платность их не спасла, и я считаю, что эти политпросветы пошли по линии наименьшего сопротивления. Большинство политпросветов в этом соизналось. Там, где бралась платность, количество читателей падало. Для того, чтобы брать плату, нужно было держать специального человека. Брать плату со всех читателей нельзя было, приходилось делать исключение, и не смотря на это количество читателей все падало и падало. Главполитпросвет стоит на той точке зрения, что платности не может быть ни в коем случае, потому что она не дает возможности покрыть расходы, а главное—превращает библиотеку в учреждение для узкого круга читателей. Если рабочий идет в библиотеку и слышит, что там есть платность, он просто перестает ходить в библиотеку, хотя для него, может быть, и сделали-бы исключение. Кроме того, платность отражается очень плохо, как на читателях, так и на библиотекарях. Мы знаем случай, когда один политпросвет об'явил премию за наибольшее количество платных подписчиков. Если библиотекарь знает, что единственным источником существования библиотеки является платность подписчиков, то он будет стараться удовлетворить только подписчиков платных. На эти деньги он купит новой литературы, которую спрашивает этот подписчик. Он вытащит и положит на полку литературу, не подходящую для массового читателя. Введение платности очень вредно отражается на работе и совершенно недопустимо. Об этом особенно распространяться не приходится, потому что перед нами сейчас—библиотекари, среди которых вряд ли есть большое число сторонников платности библиотек. Если нам в ноябре 1923 г. на с'езде политпросветов удалось отстоять бесплатность, (несмотря на то, что там были завполитпросветы, а не библиотекари), то здесь я думаю все подтвердят единогласно принцип бесплатности библиотек раз навсегда.

Хотелось бы подчеркнуть необходимость обратить внимание еще на одну сторону дела, именно на правовое положение библиотекаря и библиотеки. У нас, к сожалению, на библиотечного работника в большинстве случаев и политпросвет, и даже, к сожалению, союз смотрят, как на работника технического. Когда встал вопрос о том, чтобы сравнить

библиотечных работников в смысле норм нагрузки с педагогами, т. е., чтобы вместо 6 рабочих часов дать ему 4, то нам пришлось выдержать колоссальный бой с профсоюзом. Правда, нам все приходится отвоевывать с большим боем. В конце концов через Цекпрос нам удалось провести вопрос об уравнивании с педагогами, т. е. о 4-х часовой норме. Но до сих пор этот вопрос не прошел еще через все инстанции. Он еще не получил разрешения в ВЦСПС. Задача съезда — подчеркнуть необходимость приравнения библиотечных работников к педагогам, и это поможет нам добиться вопроса утверждения в высшей инстанции, т. е. президиума ВЦСПС. Что касается уравнивания библиотекаря в смысле оплаты труда, то тоже нужно добиваться того, чтобы библиотекарь был уравнен с педагогом, как правило. Недостаточно оформлено и правовое положение библиотек. Каждый товарищ, вероятно, сможет сказать, как библиотеки перекидывались из помещения в помещение. Некоторые библиотеки за время революции перекидывались по 5-6 раз. Таких больных вопросов очень и очень много, и съезд должен предложить Библиотечному Отделу как то в законодательном порядке оформить все наши неувязки. Так не вырешен вопрос о порядке открытия и ликвидации библиотек. При ликвидации библиотек какого-нибудь учреждения или предприятия интересно знать, куда переходят книги, может ли учреждение продавать книги, или должно передавать политпросвету. Нужно как то переделать декрет о централизации.

Теперь разрешите перейти к вопросу о методическом руководстве библиотечной работы. Для того, чтобы развернуть широкую работу, для того, чтобы действительно наши библиотеки превратились в очаг коммунистического просвещения, нужно, чтобы библиотеки были достаточно подготовлены и чтобы в достаточном количестве была методическая литература, которой библиотекарь мог бы пользоваться. Нам в прошлом году с большим трудом удалось добиться издания журнала „Красный Библиотекарь“. Теперь мы имеем свой руководящий орган и от вас зависит, чтобы этот орган процветал. Кроме того, был предпринят ряд изданий. В прошлом году был выпущен ряд библиотечных сборников и сейчас мы продолжаем развивать нашу издательскую деятельность. Для проведения этой методической работы библиотечный отдел Главполитпросвета старается сделать все, что от него зависит, чтобы подготовка и переподготовка библиотечных работников шла успешно. Кроме того, сейчас нужно дать план работы об'единениям, дать программу, создать курсы. Сейчас Отдел разрабатывает целый ряд программ: программу краткосрочных курсов об'единения, программу педтехникумов, педфаков при совпартшколах

Теперь разрешите, т. т., перейти к выводам. Я считаю все-таки, что, несмотря на то, что у нас, конечно, имеется безконечное количество дефектов, нужно сказать что работа библиотечная начинает крепнуть. Количество библиотек на уезд с начала нэп'а катастрофически уменьшилось — с 65 библиотек дошло до 17 библиотек. Сейчас же на 1-е июня по последним сведениям, в среднем на уезд приходится 28 библиотек. Мы уже достигли не только стабилизации сети, но, очевидно, идет процесс некоторого расширения этой сети. Кроме того, рост передвижек у нас несомненен. Количество книг на одну библиотеку у нас также растет. Сеть, в общем, начинает понемножку крепнуть и начинает понемножку развертываться деревенская сеть.

Работа объединений у нас, как я уже сказала, расширилась, за последнее время охват работы объединений становится все большим и большим. Если вначале, при возникновении объединений в некоторых местах объединения вели только оргработу, в других местах занимались переподготовкой, то теперь все отделения занимаются и организационными вопросами, и переподготовкой. Кое где они идут дальше, спускаются ниже и начинают руководить деревенской сетью. Вопрос связи города с деревней у нас сейчас обстоит сравнительно благополучнее. В некоторых местах в центральных библиотеках имеется точный учет всех волбиблиотек, они поддерживают постоянную связь путем вызовов или путем созыва волостных работников. Политико-просветская работа библиотек растет. Выставка нашего съезда показывает, что сейчас политико-просветительная, внутренняя работа библиотек уже разворачивается и и сейчас библиотеки, не ведущие политико-просветительной работы, насчитываются единицами, а в городах просто нет таких библиотек. Постепенно библиотека становится действительно очагом коммунистического воспитания, и мы будем надеяться, что в ближайшее время она займет очень почетное место в деле коммунистического воспитания масс.

Но наряду с этими достижениями, т.т., конечно, нужно отметить целый ряд дефектов. Во первых, у нас очень тяжело материальное положение библиотечных работников. Это мешает развернуть работу во всю ширь. У нас недостаточно оформлено правовое положение и библиотек, и работников. У нас катастрофически, —я подчеркиваю,—катастрофически обстоит дело с книжным составом библиотек. У нас недостаточно налажена связь с учреждениями и организациями, ведущими библиотечную работу. Централизация не была проведена и съезд должен подчеркнуть необходимость усиления этой централизации и увязки работы всех учреждений и организаций, ведущих библиотечную работу. Иначе работа у нас развиваться не сможет. Затем, библиотечной работе не отводят достаточного внимания партийные и советские органы. Задача съезда подчеркнуть значение библиотеки, поставить библиотеку на должное место в системе политико-просветительной работы и привлечь внимание партийных и советских органов к библиотечному строительству. Я думаю, что в результате съезда общественное мнение изменится и библиотека займет соответствующее место в ряду других политико-просветительных учреждений. Тогда дело просвещения двинется вперед 7-мильными шагами, по словам Владимира Ильича. (Аплодисменты).

Вечернее заседание 2 июля.

Заключительное слово Ф. Сеньюшкина

Т. т., я думаю, что мне будет очень трудно отвечать всем тем многочисленным ораторам, которые открыли атаку на профсоюзы. В моем докладе ни слова не было упомянуто об организационных отношениях с политпросветом, т. к. у нас есть определенное соглашение, подписанное той и другой стороной. Доблер начала атаку в том смысле, что союзы ничего не делают, что они очень плохи, что подготовленных работников нет и т. д. Нас до сих пор упрекали в том, что профсоюзы большие забияки, что от них житья никому нет, что на местах они политпросветам рта разинуть не дадут. Если это так, как здесь, то судите, кто забияки, кто кого обижает? Нападающей стороной являются всегда политпросветы, они берут за шею профсоюзы, рта не дают разинуть, а потом кричат. От выступавших с мест мы нападок на профсоюзы не слышали. Говорилось только, что нет разграничения работы, и только, а, с другой стороны, яростно нападали. Можно было бы подумать, что здесь не с добра это говорится, нарочно было сделано, чтобы поменьше политпросветы ругали, а побольше ругали профсоюзы.

Председатель. Я очень извиняюсь, но если вы видели какие-нибудь непорядки в президиуме, вы должны были протестовать не сейчас, а тогда. Раз президиум выбран, нужно ему доверять, и в заключительном слове не выдвигать какого-то недоверия к президиуму.

СЕНЮШКИН. Так вот, т. т., я считаю, что та полемика, которая здесь развернулась по первому вопросу о взаимоотношении, не должна иметь места, т. к. вопрос уже разрешен и нами подписано соглашение. Думаю, что мы договоримся, съезд подтвердит соглашение и преподаст его к неуклонному проведению на местах. Это самое основное, что нам нужно, и мы этого достигнем.

Я останавлиюсь, главным образом, на другом вопросе, который вызвал уже принципиальные разногласия. Это—о роли библиотек в общей клубной работе. Действительно ли библиотеки, являясь частью рабочего клуба, должны подчинять всю свою работу общеклубному плану работы по заданиям правления клуба, а также обслуживать все формы и виды клубной работы и в первую очередь массовую политпросветработу, или же библиотеки должны жить самостоятельно и развертывать свой самостоятельный план? Вот в чем коренной вопрос, и мне кажется, т. т., что тут не должен иметь места вопрос о подчинении библиотек. Библиотеки все равно кому то подчиняются. Если это политпросветбиб-

блиотека, она подчиняется непосредственно политпросвету; если союзная библиотека, она в хозяйственно-административной деятельности подчиняется союзу (при чем, если библиотека—ГСПС или уездного отдела, или губотдела, то подчиняется Культотделу ГСПС). Тут споров быть не может. Если библиотека при фабзавкоме, где нет клуба, то там библиотекарь подчиняется культкомиссии или самому фабзавкому. Тут также не может быть спора. В данном случае мы говорим о библиотеках, которые находятся при клубах. Кому же там подчиняться: культкомиссии, фабзавкому или правлению клуба? Подчиняться культкомиссии мы считаем неправильным, так как профсоюзы мало обращали внимания на библиотечную работу и культкомиссии не вмешивались в эту работу. В результате получился отрыв от общеклубной работы, общее недостаточное пополнение книгами, жалобы ваши, что не дождемся копейки на новые книги,—все от того, что культкомиссии не были в курсе библиотечной работы. Затем это повело к взгляду свысока на библиотечную работу. Когда же понадобилось обслуживать кружки и массовую политпросветработу—лекции, доклады, экскурсии, когда клубы взялись за библиотеки вплотную, то они, конечно, сдвинули с мертвой точки эту работу. Если мы не хотим, чтобы заглохла наша библиотечная работа в дальнейшем, нужно именно связаться теснейшими узами с клубами. Вопросы о подчинении там вовсе не возникает. Клуб—это организация добровольная, с выборным правлением, там управляют коллегиально, через правление клуба, и в этом правлении клуба должен быть, конечно библиотечарь (разумеется, дельный библиотечарь, плохого не выберут). Нужно быть дельным библиотечарем, чтобы туда попасть, а если почему то библиотечарь не попал, то все равно он может участвовать с совещательным голосом. Кроме того, там образуются культсоветы, которые должны быть связаны с правлением. Так что тут идет вопрос не о подчинении, а о согласованной работе в едином клубном плане через клубное правление. Мой тезис правилен и его отрицать нельзя, если вы не хотите оторвать общей библиотечной работы, как политпросветработы, от клубной работы, противопоставить их друг другу.

Теперь несколько слов о том, что профсоюзные библиотеки очень плохо обслуживают, а политпросвет очень хорошо. Нельзя говорить такие слова, т. к. мы знаем, что и те, и другие обслуживают плохо. Я не скрывал в своем докладе, что у нас имеется масса недостатков, и что их нужно исправить. Но если сравнить ту и другую работу, то увидим, что профсоюзы не хуже работают, чем политпросвет.

Так как пока слабы и союзы, и политпросветы, то нужно друг друга подкреплять и помогать. Если нужны политпросвету средства, то мы, если они есть, должны дать, а политпросветы должны помочь в методическом руководстве и в курсах и т. д. Вот как я ставлю вопрос, а не так, чтобы одни забывали о других. Боязнь некоторых т. т. того, что правление клуба не справится с библиотекой—боязнь ни на чем не основанная. Здесь два момента. Одни боятся потому, что там люди темные, неграмотные и они нам в таком высоком учреждении, как библиотека все перепутают. Это первое опасение. А другое—то, что они не знают библиотечной работы. И то и другое неправильно. Что мое это утверждение не голословно, я прочту одну записку, присланную сюда: „Мне кажется, что вы неправы, требуя только подчинения библиотеки правлению клуба, так как уровень завклубом в большинстве случаев очень низок;

это—люди темные, невежественные, малограмотные, часто фанатические в своем усердии и понимании комплектования до того, что требуют изъятия из библиотек всех романов, особенно тех, коорые были посвящены царствующим особам и т. д.“ (с места: „Это не общий голос“). Есть стало быть в вас боязнь старого закала, как бы эти «хамы» не пришли и не напутали. Мы, конечно, это отмечаем. Другое опасение, что они не справятся с библиотекой. Нужно, конечно, их подготовить. Рабочий класс управляется не только с библиотеками, а со всем пролетарским госу-дарством. Нужно смело подойти к задаче, взять из низов рабочих библио-текарей, их подготовить, а остальных т. т. переподготовить; если же не-которых т. т. переподготовить мы не сможем, то придется распрощаться с ними на все 4 стороны.

Тов. Виленкин говорит, что взаимоотношения библиотек и клубов должны строиться на равноправности, причем библиотеки иногда могут заменять клубы. Я думаю, что после ряда выступлений товарищей, что библиотека есть часть общей работы, этот вопрос отпадает и никогда библиотека не может превратиться в развернутый клуб. Она может обра-титься в клубную, ячейку, но в развернутый клуб, который ставит себе ряд политпросветительных задач, никогда превратится не может, а если превратится, то будет тот же клуб у которого будет отделение биб-лиотеки.

Т. Тарасов опять таки напал на меня по этому пункту (и затем принципиально) и говорит, что это даже является уклоном к синдика-лизму. Но, т. Тарасов, вы попадаете пальцем в небо. Послушаем, в чем зак-лючается этот уклон к синдикализму. Здесь говорится: задачи рабочей библиотеки должны быть подчинены общим задачам союзной работы и об'единению вокруг союза, как школы коммунизма. Я уже пояснил в своем докладе, что мы понимаем школу коммунизма также, как нас учил тов. Ленин. Союзы являются школой коммунизма. Это значит, что рабо-чий получает в союзе организационные навыки, получает там удовлет-ворение своих культурных и экономических запросов, учится на работе союза управлять промышленностью и государством, развивается там по-литически, классово, ведет общественную работу. Совокупность всего этого и дает школу коммунизма. Задачи рабочей библиотеки должны быть подчинены этой общей всеоб'емлющей задаче быть школой комму-низма. В чем здесь синдикализм, я спрашиваю вас? По моему, здесь не-доразумение с чьей-то стороны, а не синдикализм, или просто неумение разобраться в том, что тов. Ленин называл школой коммунизма. Дальше т. Тарасов говорит о том, что руководство остается за политпросветами. Позвольте, а кто это отрицал, что руководство остается за политпрос-ветами? Мы никогда этого не отрицали и здесь я заявляю, что мы всегда в своих циркулярах и соглашениях говорили, что методическое и общее руководство остается за губполитпросветами в центре и на местах, а если вы не умеете руководить, это ваша вина. Нужно авторитетное руковод-ство знанием дела и нужно давать здоровую пищу. Нужны пере-движки политпросветам и мы говорим: надо дать на эти передвижки денег. Нет на библиотекаря денег у политпросвета, мы говорим: проф-союз поставь библиотекаря и его оплату. Нет книг у профсоюза—и губ-политпросвет дает книги на места и пополняет наши библиотеки. Вот как рисуются взаимоотношения.

Как быть с детскими библиотеками?

Каждая библиотека детская имеет книги, но это явление — случайное и у нас действительно в системе этого нет. Надо ли это ввести в систему или не надо? Я думаю, что не надо. Детей должен целиком обслуживать политпросвет через районные свои библиотеки. И только там, где политпросвет не имеет их, мы должны открывать детские библиотеки на фабриках и заводах, но опять таки по соглашению с политпросветом и так, чтобы эта сеть была под полным управлением политпросвета: у нас не только нет средств, но нет надлежащих руководителей, надлежащих знаний, а органы наробраза на местах должны эту работу провести.

Теперь я отвечаю товарищу из Баку. Он говорит: „Какая разница между союзной библиотекой и районной?“ и прибавляет: „никакой разницы нет“. И если он задает такие вопросы — его надо отправить в первый класс, чтобы он подучился. Тогда он узнает, какая существует разница между союзными и районными библиотеками. Он говорит: „Разве районная библиотека не так же заинтересована в производственном воспитании и разве она не так же будет учить рабочих?“ Все дело — в том, что на фабриках и заводах учатся не вообще производству, а данному производству той фабрики или завода, где работают рабочие. Если это металлическая фабрика, то изучают металлическое производство, но не химическое.

Следующий вопрос такой: есть ли у союзов особые задачи? Если вы, т.т., отрицаете, что у союзов имеются особые задачи, то вам также надо начать учиться с низов. У союзов особые задачи — обслуживать профессиональное движение и втягивать в него все большее и большее количество рабочих, чтобы эти рабочие знали, что такое охрана труда, социальное страхование. Вот какие особые задачи стоят перед профсоюзом и районные библиотеки эту задачу выполнить не смогут. Отсюда и у профсоюзных, и у рабочих библиотек есть специфические задачи — обслужить профессиональное движение.

Заключительное слово А. М. Смушковой.

Первый вопрос — о сети. Нас упрекали в том, что мы хотим администрировать, что мы жаждем во что бы то ни стало забрать все библиотеки, в том числе и профсоюзные, в свои руки и оказывать на них давление. Сами профсоюзы не возражают против единой сети библиотек. Но, т.т., тут явное непонимание единой сети. Понятие единой сети вовсе не заключается в том, что все библиотеки механически регистрируются в политпросвете. Когда Владимир Ильич говорил о необходимости создания планомерной сети, не надо было его понимать так, что все библиотеки передаются одному ведомству. Он говорил о том, что нужно создать единую планомерную организацию и устранить параллелизм в работе. На первом внешкольном съезде, как вы помните, он сказал следующее: „Сейчас необходимо бороться с остатками дезорганизации, хаоса на местах“. Существование бесконечного количества библиотек не

разрешает вопроса. Надо подумать о создании планомерной сети, и совершенно правильно ставил вопрос товарищ Тарасов в том смысле, что не должно быть (и у них в Ленинграде на практике и не существует) никакой разницы между библиотеками профсоюзов и политпросветов. Мы также должны добиться такого соглашения. То соглашение, которое у нас имеется с профсоюзами, говорит не о механической регистрации библиотек, а о том, что организация библиотек должна происходить с ведома политпросвета. Суждение об открытии библиотек принадлежит политпросвету. Политпросвет ставит этот вопрос не потому, что он хочет забрать в свои руки библиотеки, а потому, что созданием единой планомерной организации с прекращением распыления сил и средств можно обслужить все население книгой. Поэтому на проведении единой сети мы должны настаивать. Если придерживаться точно этого соглашения, мы сможем достигнуть единства в руководстве работой и увязки работы в одно целое.

Теперь—относительно типов библиотек. Мне указывали, что я мало назвала типов библиотек: центральные, районные, волостные, избы-читальни и т. д., о других типах, как-то: о сельских, подрайонных я не говорила. Но я и не должна была говорить, так как я говорила; только о политпросветских библиотеках и о правильной их организации. Других типов у нас не существует и существовать не может, потому что у политпросветов для этого нет средств. Поэтому в первую очередь мы создаем такие типы, о которых я говорила. Конечно, в каждом селе будет у нас когда-нибудь библиотека, но сейчас задаваться этой утопической целью нельзя. Нам нужно в первую очередь укрепить волостные библиотеки и укрепить фонды передвижек, чтобы можно было бы обслуживать все населенные пункты волости. Поэтому на те сельские библиотеки, которые кое-где существуют, влечат жалкое существование, мы не должны тратить денег, но и закрывать их нельзя; нужно их превратить в станцию передвижек, освежить их книжный состав из фонда. В городах есть библиотеки при предприятиях, и эти библиотеки, если хотите, можно назвать подрайонными. Но эти библиотеки до сих пор, как правило, были закрытыми библиотеками, обслуживающими только рабочих предприятия; это была, так сказать, дополнительная сеть. Может быть, нужно ввести термин «подрайонная библиотека» и сделать эти библиотеки подсобными к районным, открыв их, по возможности, для всех членов союзов.

Теперь—о детских библиотеках. Самостоятельные детские библиотеки не должны существовать. Они должны быть только отделениями при городских и районных библиотеках. Желательно, чтобы такие детские библиотеки были созданы при всех районных и подрайонных библиотеках. Но это сейчас не по средствам, так как все существующие библиотеки нуждаются в обновлении на 80 проц. Самостоятельных библиотек при школах существовать не должно; библиотечки школ должны состоять только из учебников и учебных пособий, а другими книгами обслуживаться из передвижного фонда.

Далее мне задавали вопрос, как быть с сетью в связи с районированием на укрупненную волость, когда по прежнему делению (такова директива партийного съезда) у нас к 1-му января 1925 года должно быть 10 тысяч библиотек. Но в связи с районированием встает другой вопрос: как быть с центральными уездными библиотеками расформированных уездов? Я считаю, что они могут быть превращены в районные

волостные библиотеки. Обыкновенно, центр укрупненной волости — это прежний уездный город.

Теперь — о связи волостной библиотеки с избой-читальней. Я уже упомянула, что волостная библиотека (в тех случаях, когда работа ее не проигрывает) должна быть слита с избой-читальней. Кто руководит работой избы-читальни? Изба-читальня является первичной ячейкой клуба. Таким образом, избой-читальней руководит не библиотечный инструктор, а клубный инструктор. Центральная же библиотека руководит библиотечной частью избы-читальни. Библиотека не должна терять своего лица в избе-читальне; точно также библиотека районная, которая соединяется с клубом, должна сохранить свою самостоятельность. Теперь, — в чем выражается эта самостоятельность? Выражается она в том, что библиотека не только обслуживает членов данного клуба, но и остальных граждан. В избе-читальне этот вопрос так остро не стоит, потому что там нет членства, а могут приходить все. Кто же должен руководить работой деревенской сети? Я указывала, что отдельные библиотеки должны взять руководство деревенской сетью, и что, может быть, правильно было бы прикреплять деревенские библиотеки к отдельным библиотекам города. Может быть, еще лучше было бы, чтобы наше библиотечное объединение в целом руководило этими библиотеками.

Теперь позвольте остановиться на работе центральных библиотек. Здесь мне задали массу вопросов о штрафах, о платности и о тяжелом положении библиотек. Я подчеркивала в докладе, что положение библиотек достаточно тяжелое, но настаивала и сейчас настаиваю на том, что из этого тяжелого положения мы не сможем выйти путем установления платности и штрафов. И если тов. Руднев упрекнул меня в том, что я очень сгустила краски, когда сказала, что с введением платности библиотека массового учреждения превращается в учреждение, обслуживающее только известную кучку, то и тов. Руднев тоже сгустил краски, когда сказал, что платность может спасти все, что благодаря платности они могли приобретать все им необходимое. А если это так, то, может быть, потому, что у них плата берется не только с нэпманов, но даже и с красноармейцев. Я категорически настаиваю, что платность ни в коем случае не допустима и ни в коем случае она не спасет положения. Вы меня спросите, что же спасет положение. Я уже говорила, что нам во что бы то ни стало нужно иметь типовую смету библиотек и постараться ее протащить через наши органы. Необходимо, чтобы было вынесено постановление, что библиотека (находится ли она на центральных средствах, на местных ли) должна получать определенную сумму на это содержание. Библиотека не может жить на гроши или совсем без денег, а нужно добиться, чтобы такая смета была проведена. Нужно в организационной секции такую типовую смету нам принять. И тогда при защите смет мы выходили бы не с голыми цифрами с потолка, а с обоснованными и, может быть, что-нибудь и вышло бы.

Теперь — вопрос относительно штрафа. Я считаю, что и штрафы тоже недопустимы. Некоторые т. т. считают, что штрафы эти помогают восстановить инвентарь, потрепанные, утерянные книжки и т. д. Я считаю, что штрафы ничему ни помогут, а штрафы и залоговые еще в большей мере отпугивают читателя, потому что залог в размере стоимости книги не всякий может внести.

Дальше, относительно об'единений. За последние дни мне не удалось подсчитать, сколько у нас сейчас имеется об'единений, но об'единения за последний год выросли количественно и качественно. Губернские об'единения у нас имеются почти во всех губернских городах. Может быть, они не всегда называются об'единениями; может быть, они называются бибсоветами, или библиотечными коллективами, но во всяком случае коллективная работа везде идет. За последний год начался рост и уездных об'единений. Дали ли нам что-нибудь эти об'единения? Они дали очень много. Там, где работает об'единение, там работа библиотек увязана, и в некоторых местах—прекрасно. Во всех городах, где есть об'единение, работа окрепла и квалификация этих работ тоже повысилась. Кое-где политическая переподготовка тоже закончена, так что я считаю, что мы нашли очень удачные формы и что в этом духе нам надо продолжать работать и об'единение спустить даже ниже уездного города.

Каковы же задачи об'единения, и входит ли в их компетенцию обсуждение профессиональных нужд? Тут мы как раз сталкиваемся с союзом, и ясно, что союз такой работы об'единениям не разрешает. Об'единение решает вопросы организационно-методические, но если мы начнем в об'единении обсуждать профессиональные нужды, то союз наложит свою руку. Поэтому от этого пока-что нужно воздержаться. Можно обсуждать может быть и профессиональные нужды в связи с теми вопросами, которые возникают в процессе нашей работы, вопросы нормализации труда, вопросы штатов,—с тем, чтобы их обсуждать и затем переносить в союз. Но в общем об'единение не должно носить характера профессионального об'единения.

Относительно правового положения библиотек, относительно определения в законодательном порядке различных сторон библиотечной работы у нас есть подработанный материал (для нормализации штатов, для нормализации вопросов помещения, кубатуры). Его нужно передать в организационную комиссию.

Утреннее заседание 3-го июля.

Доклад Э. М. Шершевской. „Работа передвижных библиотек“.

За последние годы учебы интенсивность работы библиотек всех типов сильно возросла, читальни полны, в абонементе долгая очередь на нужные книги. Число посетителей читален и подписчиков библиотек тоже сильно возросло.

Однако, присмотревшись ближе к охваченным влиянием и работой библиотеки группам, мы видим, что это, главным образом, работники умственного труда и служащие, разбавленные значительным количеством учащихся из этих же слоев. При наличии нескольких тысяч подписчиков, стационарная библиотека общего пользования считает в их числе рабочих и крестьян десятками, редко сотнями.

Исключение представляют немногочисленные районные библиотеки и их филиальные отделения, расположенные на рабочей окраине. Здесь процент читателей рабочих значительно выше, но и он далек от охвата широких масс; так например, Ростов на Дону из общего числа 33871 жителей имеет 13760 читателей рабочих; из них 27 стационарных библиотек (12 районных и 15 клубных) имеют вместе 5104 читателя (почти поровну), а передвижная сеть, считающаяся подсобной, охватывает 8656 читателей-рабочих; таким образом, благодаря интенсивно развитой передвижной сети, удалось вовлечь в сферу влияния библиотеки около 9.000 рабочих, из которых четыре пятых, наверно, еще очень и очень долго не добрались бы до стационарной библиотеки.

Если в городе, на ряду с вопросом об усилении передвижной сети, приходится ставить вопрос об орабочении читательского состава библиотек, то в деревне дело обстоит несколько иначе: по самому составу населения деревенские библиотеки имеют исключительно крестьянский читательский состав и здесь передвижки, с одной стороны, расширяют сеть библиотечных учреждений деревни; с другой — деревенская передвижка, освежая книжный состав имеющейся волостной или сельской стационарной библиотеки, поднимает и оживляет замершую по той или иной причине работу.

Продвижение книги в массу — одно из важных условий повышения ее культурного уровня — осознано и поставлено в порядок рабочего дня политико-просветительных, партийных, профсоюзных и шефских организаций.

Издание массовой книжки, удовлетворяющей научным требованиям, практическим и общим потребностям массового читателя из рабочих и крестьян — первостепенная задача издательской и литературной работы.

в стране. Книжка эта, не совсем еще удовлетворительная, удачная в большей или меньшей степени в отношении предъявляемых ей требований, уже начинает появляться. Тем не менее, издание массовой книжки и выпуск ее на рынок, это только—кончик вопроса. Необходимо создать и обеспечить условия фактического продвижения ее к потребителю-читателю. Вопрос этот может быть разрешен в двух направлениях: развития широкой сети низовой книжной торговли по действительно доступным ценам и постановки планового, организованного бесплатного обслуживания книгой при помощи первичной низовой библиотечной сети передвижек.

При исследовании возможной формы решения поставленного вопроса, наиболее достигающей нужных результатов, мы сталкиваемся со следующими фактами: выходя на книжный рынок, массовая книжка быстро распределяется по аппарату книжной торговли, и на первый взгляд создается впечатление полного распределения книжки; книжка тем не менее, попала в руки потребителя лишь в незначительном количестве по двум причинам: первая—аппарат книжной торговли недостаточно разветвлен и еще не охватывает деревни и рабочих окраин города; вторая—и пока главная—недоступно-высокая цена книги не соответствует не только средствам читателя рабочего и крестьянина, но и бюджету огромного большинства библиотек деревенской и городской периферии.

При таком положении книжной торговли необходимость укрепления и расширения неуклонно растущей передвижной сети становится особенно наглядной и неотложной, и должна быть поставлена к практическому осуществлению всеми заинтересованными организациями.

При оценке значения установления организационных задач передвижки обычно определяют их, как чисто вспомогательные, способствующие привлечению массового читателя в стационарную библиотеку. Установившаяся в последние два года практика передвижек выявила многообразие содержания работы передвижки, проводящей на деле все виды и формы политико-просветительной работы библиотеки. Этим самым определилось большое самостоятельное значение передвижной сети, проникающей в массу, не только физически приближая к ней книгу, но и организуя и используя все методы и формы работы с ней.

Особенно ясно это выступает в деревне, имеющей (и то пока только в плане) по одной избе-читальне и волбиблиотеке на волость. Здесь создание нужного количества библиотек не может быть решено расширением стационарной сети за отсутствием необходимых средств.

Таким образом, передвижка дает библиотечной сети возможность поставить действительно массовую работу не только по методическому подходу, практикуемому в стационарных библиотеках, но и по организационному построению.

Идея передвижной работы в России возникла в практике земской работы. Значительного развития передвижная система тогда не получила как по условиям культурно-просветительной работы того времени, так и по чисто подсобному значению передвижки, как средства привлечения в стационарную библиотеку.

С первых же лет революции передвижка получает в СССР широкое распространение; главным организатором и фактическим насадителем передвижной работы в период гражданской войны были—партийные комитеты и политотделы Красной армии. Острая потребность рас-

пространить срочно и широко новые книги среди частей армии и оторванных друг от друга районов, не давала возможности углубить их работу и остановиться на разработке организационных и методических особенностей работы передвижек.

Ликвидация гражданской войны и общее улучшение положения оживили работу передвижной сети. Совершенно ясно выявлена ее тенденция к количественному и качественному росту. Углубленная работа ее выдвигает специальные вопросы своей организации, практики и методики.

Такая плодотворность, многогранность и общий успех работы передвижной системы обусловлена основными органическими свойствами передвижки (во всех ее формах), выгодно отличающих ее от стационарной библиотеки не только в глазах организаторов работы и библиотекарей, но и в глазах обслуживаемой читательской массы; особенности эти четко выделяются и в экономическом, и в организационном, и в методическом отношении.

Экономические преимущества передвижной сети заключаются, прежде всего, в возможности широкого и полного использования всей книжной наличности. Разбивка ее на небольшие, соответствующие размерам фонда, комплекты дает возможность обслужить большое число организованных (предприятия, учреждения, гарнизонные и территориальные части) или территориально-объединенных (деревня), читательских групп, чего нельзя дать работой стационарной сети при наших нищенских средствах.

Для организации работы передвижки на месте также не требуется больших расходов по ее оборудованию, приспособлению помещения и т. п. Большую экономию дает невысокая оплата труда, так как передвижка работает всего два-три раза в неделю и неполный рабочий день; кроме того, библиотекарем передвижки часто является доброволец или выборный из обслуживаемой читательской группы, работающий бесплатно.

Методические преимущества работы передвижки заключаются: а) в работе с социально-однородным читательским коллективом, что облегчает изучение его запросов, сближение с ним, и тем самым дает библиотекарю возможность наиболее близко подойти к волнующим его вопросам, б) этим самым дается возможность достигнуть наибольшего соответствия книжного комплекта с производственными и социальными потребностями обслуживаемой читательской группы, ее культурно-политическим уровнем и бытовыми интересами; в) так как наибольшее количество книг комплекта вынуждает к особенно тщательному его подбору, то передвижку обычно стараются полностью приблизить к рекомендательному комплекту; г) незначительность размеров делает доступным изучение и подробное ознакомление с предназначенным для работы комплектом и этим обеспечивает наиболее правильное его использование; д) возможность быстрого распространения нужных книг среди определенной группы читателей, например, — обслуживание передвижками переподготовки работников просвещения, кандидатских кружков, текущих или ударных кампаний.

Удобства, предоставляемые передвижкой в организационном отношении, вытекают как из ее размеров, так и из простоты ее техники и учета ее работы. Небольшие размеры передвижки делают возможным доставку ее в самые глухие углы при помощи оказий. Кроме этого, эти скромные комплекты дают возможность обслужить большее количество подписчиков.

На ряду с острым и укреплением передвижной сети растет и многообразие организационных форм передвижной работы. Широко практикуются в настоящее время передвижка, коллективка, сохранились и станции выдачи. На Украине (в Одессе) хорошо организованная работа носит название „обменных пунктов“, предлагается также (Киев) термин „эластичный“ комплект, буквально, и в стиле ленинградского фонда, соответствующий передвижке и т. д. Такая пестрота разных обозначений одной и той же формы работы объясняется почти исключительно недостаточным выявлением достижений и обменом опытом. Пожалуй, уже вполне возможно дать более или менее точное определение отстоявшихся и основных форм передвижной работы, какими являются „передвижка“ и „коллективка“, и свести, хотя бы к некоторой системе и расклассифицировать учреждения, обслуживающие и организующие передвижную работу, и установить для них единообразную терминологию. Так например, передвижную работу в целом сейчас ведут коллекторы, базы и передвижные фонды. При этом есть коллекторы, ведущие исключительно работу по передвижной сети и не имеющие других (даже снабженческих функций); есть базы, ведущие снабжение стационарных библиотек и передвижную работу (Саратов); есть передвижные фонды, имеющие функции, помимо передвижной работы. В отношении организующих передвижную сеть и самостоятельно комплектующих передвижки учреждений следовало бы установить общий „передвижной фонд“; библиотека, служащая передаточной станцией между фондом и пунктом, работающая с помощью готовых передвижных комплектов, получаемых из фонда, называется „база передвижек“; место, где ведется непосредственная работа передвижки и выдача книг читателю, — „станция передвижек“, „передвижный пункт“, „обменный пункт“. Самый комплект книг по характеру своего подбора, по технике, размеру и характеру читательской группы — „передвижка“ (I, II степени трудности, специальная, по политграмоте, сельская и т. д.), „коллективка“ и „книжная сумка“. Эти термины охватывают собою основные разновидности передвижной работы и их особенности и, как кажется, могли бы на ближайшее время исчерпать ее формы.

Переходя к определению типов передвижек, следует отметить, что они даются для понятия в его чистом, теоретическом значении, и что на практике возможны и неизбежны разнообразные уклоны, не меняющие дела по существу, и что излишняя старательность в сохранении их чистоты и неприкосновенности выглядит иногда, как некоторая бюрократизация работы (Ленинград).

Что же такое передвижка в ее теоретическом определении?

Передвижкой следует условиться называть небольшой (примерно, от 50 до 300 книг), подобранный по принципу библиотечного ядра или определенной темы, комплект книг, обслуживающий постоянную читательскую группу более или менее длительный срок (1—2—3 месяца) и имеющий самостоятельный учет своей работы. Устанавливаемое иногда отличие коллективки от передвижки по источнику комплектования (фонд или стационарная библиотека) не имеет никакого значения. Многие стационарные библиотеки выделяют передвижки, а передвижные фонды работают с коллективным абонементом; в общем же коллективка является организационно-сопутствующей формой развитой стационарной и передвижной работы.

„Коллективка“ или коллективный абонемент не представляет собою выдержанного комплекта, статистика коллективки ведется в аппарате и, главное, по системе стационарной библиотеки, откуда она выдается. Кроме того, коллективка характеризуется большей активностью читателя, и в нее часто выдаются книги исключительно по конкретному требованию отдельных читателей обслуживаемой группы; в коллективке все взятые книги находятся в обороте; в передвижке та или другая незначительная „оборотная“ часть остается на полке.

Несмотря на то, что коллективка в организационном отношении выше и удобнее „классической“ передвижки, ее развитие ограничено районом города и пригородных поселений, так как активность читателя и возможность обменивать частями и в любые сроки требует частого общения с выдающей библиотекой. В деле обслуживания деревни коллективка пока не может иметь такого значения, как передвижка.

Книжная „сумка“—интересная разновидность передвижки, выдвинутая и поставленная к проверке Костромским Губполитпросветом. Она имеет в виду исключительно мелкие предприятия, глухие углы и пассивное в отношении к печатному слову и книге население, ведет разведку и первую работу по постановке более широкой работы. Подбор книг „книжной сумки“—самые доступные книги первого круга чтения и их очень немного (20—25).

Вследствие недостаточного выявления и учета опыта мест, растущая и углубляющая свою работу передвижная сеть переживает организационный кризис, неизбежный для первого этапа ее строительства. Благодаря этому не все упрощающие свойства передвижной работы использованы и нет организационной четкости в работе. Во многих местах передвижная работа до сих пор была по существу „сдвижкой“. Выданная „сдвижка“, уходя из коллектора или базы, уходила оттуда в „вечность“, ее работой не руководили, она не учитывалась. Сейчас уже всюду осознана недопустимость этого положения, и места, в массе своей, приступают к разработке вопросов практики и организации передвижничества. Это нужно использовать, и на основании учета и отбора имеющихся достижений дать единую общую и организационную линию.

Прежде всего, необходима правильная и четкая организация всего дела в целом; это в первую очередь ставит вопрос о выделении специального передвижного фонда из имеющейся (очищенной) книжной наличности. Это на первых же порах даст точное мерило возможности развертывания передвижной работы в нужном масштабе. Масштаб этот должен быть установлен соответствующей выработкой передвижной сети, нормальной для данного района, и порядка и очередности ее развертывания.

Размером сети, читательской активностью предположенных к обслуживанию групп, определится необходимый размер фонда и его пополнения в разные сроки. Соответствие мощности передвижного фонда необходимой напряженности работы не будет достигнуто сразу, но тормозящие работу нужды его—комплектование, оборудование и т. д.—будут бить в глаза и стимулировать энергию и инициативу работников к улучшению книжного состава и условий работы передвижного фонда, привлекая к этому местные и центральные учреждения.

Наряду с укреплением работ фонда должно идти укрепление работы передвижки на месте выработкой упрощенной общедоступной формы отчетности ее и статистики.

Не малое значение имеет также и установление определенной общественной дисциплины и норм в передвижной работе, во избежание возможной неслаженности сети в целом и, особенно, в деле охраны книжного состава фонда и передвижек. Для этого необходимо установить нестеснительные, но систематически и неуклонно действующие правила пользования передвижками. Передвижная сеть не должна иметь дела с двуногими „вредителями“. По обслуживаемому кругу читателей книги здесь должны выбывать только как „герои труда“, износившиеся на работе и павшие на славном посту.

Вопрос о структуре передвижной сети имеет не только принципиальное, но и несомненное практическое значение в деле внесения планомерности и систематичности в библиотечное передвижничество. Намечая основные формы этой сети в центре, невозможно полностью предусмотреть все особенности условий работы на местах. В этом отношении можно дать только наиболее типические случаи и указать соответственные коррективы к основной, принципиальной схеме. Хотя передвижка имеет большое самостоятельное значение, и задачи,—как первичная библиотечная ячейка,—передвижная сеть не может строиться независимо от стационарной сети; интенсивность передвижной работы, как это выявлено практикой, тем значительней и выше, чем крепче и слаженней работа постоянных библиотек; передвижки являются чрезвычайно важным, охватывающим массы дополнением к ним.

Центром библиотечной сети в целом для данного района является центральная, губернская или уездная библиотека.

Центром передвижной сети того же района должен быть передвижной фонд, являющийся основной частью центральной библиотеки. Передвижной фонд комплектует передвижки для обслуживания ими станций передвижек и руководит их работой письменным и личным инструктированием передвижников. В функции передвижного фонда следует включить, как постоянную задачу, подготовку необходимого подсобного материала (рекоменд. списки, плакаты и проч.) для широкого вовлечения передвижек в общую политпросветработу библиотек. Важной задачей фонда является обработка отчетных и прочих материалов о работе отдельных групп передвижек и передвижной сети в целом. Централизуя руководство в организацию передвижной работы в фонде, не следует, однако, сильно перегибать палки. Так например, губернский передвижной фонд не должен увлекаться „губернским масштабом“ своей работы; он должен обслуживать передвижками свой город и уезд, а работу уездных фондов своей губернии направлять и учитывать, получая, таким образом, возможность иметь учет и сводку работы губернской передвижной сети.

В очень больших городах (Москва, Одесса) практикуется некоторая децентрализация и работают районные фонды; слабым местом работы фондов крупных городов является невозможность обслужить в должной мере свой уезд.

Скомплектованная передвижка направляется прямо на место своей работы и в дальнейшем обменивается непосредственно в фонде, как это практикуется Донполитпросветом, Ленинградом, Костромой и другими городами.

При больших расстояниях или вообще затруднительных сношениях целесообразно выделение базы передвижек наиболее сложных и крепких районных или волостных библиотек, как подсобных инстанций в работе; они могут работать с готовыми комплектами, прямо направляя их в передвижной пункт или несколько перекомплектовывая их; в исключительных случаях возможно выделение небольшого вспомогательного передвижного фонда. Так например, в Челябинском округе, скомплектованные и выданные губернским коллектором передвижки идут через районные базы (при районных библиотеках), которые производят дальнейший обмен; материал о работе этих передвижек учитывается коллектором. В Можайском уезде, кроме центральной библиотеки, передвижки выделяют и волостные библиотеки.

Наличие использования крепких библиотек не значит, однако, что выделять передвижки и работать с ними может всякая библиотека. Отвечая на вопрос о состоянии передвижной работы, Царицынский уезд, например, сообщает, что за неимением своего фонда он „предложил“ волостям выделить передвижки; нельзя считать нормальным также наличие передвижного фонда в каждой волостной библиотеке Карелии, очевидно, работающих без надлежащего руководства. Бывают и другие мотивировки чрезмерной и необоснованной децентрализации; например, в Ярославском уезде передвижки выделяются только волбиблиотеками, так как уезд „боится“ выпускать в передвижки свои книги без переплета.

По способу связи передвижки с фондом, ее доставки на место и возвращения в фонд намечаются два основных вида: непосредственный обмен комплекта производится, как правило, в фонде или базе; изредка встречается перемещение передвижки, минуя фонд и базу, например, в упомянутой выше практике Челябинского округа; свободное круговое перемещение передвижки встречается также в Нижнедевицком уезде, Воронежской губернии. Бежецкий уезд, Смоленской губ. практикует книгоношество: передвижка, выходя из передвижного фонда, на спине передвижника переходит из одного населенного пункта в другой по намеченному маршруту; в дальнейшем обмен производится тем же порядком из другого набора книг.

Передвижка обслуживает книгой самые разнообразные читательские группы: здесь и политико-просветительные, и учебно-воспитательные учреждения, и организация города и деревни (изба-читальня, красный уголок, школа, ликпункты, сборные пункты допризывников, детдома, детколонии, школы, кружки политграмоты, самообразования, естествознания), и хозяйственные учреждения (прокатный пункт, лесничество, кожевенный завод, торфяные разработки), общественные учреждения (биржа труда, инвалидные дома) и т. д.

Перечисленный примерный круг учреждений и групп, охватываемых передвижками, определяет тождество идеологических задач передвижки с задачами библиотеки вообще. Содержание работы определяется практическими и культурно-политическими потребностями пункта, а методы — характером читательской группы.

Передвижка старается не отставать от стационарной библиотеки и в практике ее работы имеется более или менее систематическое ведение справочной работы, антирелигиозной пропаганды, плакатная и газетная работа, громкое чтение, содействие ликвидации неграмотности и т. д.

Массовый характер и задачи передвижной работы по вовлечению в сферу влияния и использования книги широких слоев рабочих и крестьян должен обеспечить в этой работе достаточное внимание и активную поддержку политпросветам со стороны партии, профсоюзов и кооперации.

Намечая план передвижной работы, необходимо согласовать его с нуждами организованных и деревенских масс. Необходимо положить предел ведению кустарного передвижничества, распыляющего средства и силы наиболее активных в этом деле организаций, особенно профсоюзов; каждый ЦК в отдельности закупает книжки для усиления библиотечной работы в профсоюзной массе, но из этих разрозненных усилий выходит немного хорошего. Вопрос о согласовании книжного снабжения необходимо поставить в первую очередь в разрезе укрепления работы передвижной сети. Передвижной фонд, его укомплектование, его работа в целом должны быть взяты под непосредственное наблюдение, руководство, содействие и широкое использование проф.-и парторганами. Отпускаемые этими организациями деньги на книжное снабжение должны идти на пополнение объединенного фонда. Общественность, широкая гласность и информация фонда необходимы, чтобы обеспечить его работе внимание активнейшего, сильнейшего строителя социализма—трудящихся; необходимо использовать всякие массовые собрания, конференции, отделы „Рабочей жизни“ и „На местах“ местной печати. Привлечением широкой советской общественности удастся укрепить в общегосударственных интересах одну из важнейших частей библиотечного строительства.

В 1922 г. на местах намечается серьезная плановая работа передвижной сети, и с этого времени наблюдается непрерывный ее рост. В первый, самый тяжелый, период число широко разбросанных по республике „сдвижек“ уменьшилось до 1453 (100 проц.), но вскоре вновь начинается уже постоянный рост сети—и на 1 апреля 1923 г. выражается числом 3565 (147 проц.) станций передвижек. В дальнейшем имеем: на 1 октября 1923 г. 4562 (320 проц.), на 1 июня текущего года 7877 (549 проц.).

Интересные данные получаем при исследовании распределения передвижек между городом и деревней. В октябре минувшего года из 4562 (100 проц.) приходилось на город 2368 (50,9 проц.), на деревню 2326 (41,9 проц.); на 1 июня с. г. имеем из 7877 в городе—3139 (41,9 проц.), в деревне—4579 (58,1 проц.).

При дальнейшем исследовании распределения работающих передвижек устанавливается преобладание городских передвижек в промышленных районах и деревенских—в земледельческих.

Таким образом, рост передвижной сети в деревне идет довольно интенсивно. Приведенные цифры характеризуют положение по 234 уездам (44 губерниям, 9 автономным областям). Не удалось собрать сведений по союзным республикам, в некоторых местах ведущим интенсивную передвижную работу (Баку, Одесса, Киев и др.).

В учет не вошли также данные о работе коллективного абонементов, о практике которого не удалось собрать более или менее значительный цифровой материал.

В общем и целом, передвижки комплектуются из передвижных фондов, по 244 уездам имеем 202 фонда. Они, за небольшим исключением,

очень плохо организованы и еще хуже укомплектованы. Почти во всех них имеется большое число экземпляров одного названия ведомственной и агитационной литературы периода военного коммунизма. Новая ходовая литература составляет в них незначительную часть.

Кроме того, в некоторых фондах имеются еще вообще неподходящие книги, хотя всюду проведена чистка книжного состава. В учтенных 202 фондах имеется 1.012.025 экземпляров книг, при чем есть фонды совсем маленькие—500—700 книжек и есть фонды, имеющие за 100.000 томов; в среднем на фонд приходится около 5.000 книг, из которых, наверное $\frac{3}{4}$ подлежат изъятию.

При таких условиях необходимо немедленно заняться перекомплектованием и пополнением фондов, и доведением до 5.000 на уездный фонд реально обращающихся и нужных книг. В противном случае интенсивный рост передвижной сети может катастрофически прекратиться, о чем нас уже предупреждают определенные цифры и факты.

Почти отовсюду сообщают, что новых передвижек комплектовать не из чего, а старые обменивать не на что. Вся ходовая литература находится в передвижках, весь „мертвый запас“ лежит, не двигаясь.

На 1 октября 1923 г. в передвижках, в обороте, находилось 632.710 экзempl. (100 проц.). Из 1.012.025 экземпляров, имеющих в фондах, в передвижках находится всего 564.546 (89,2 проц.), т.-е. имеем падение обращающейся книжной наличности в передвижках на 11 проц.

Это цифровое предостережение становится весьма серьезным в связи с сокращением размера передвижных библиотек: со 136 книг в среднем в 1923 году она уменьшается до 70 в текущем, причем городская передвижка в размере упала со 160 до 80 в городе, и деревенская—со 112 до 60. Эти размеры, будучи недостаточны сами по себе и терпимые в рамках существующей сети еще некоторый период, создают прямую угрозу делу развертывания всей передвижной работы в ближайшем будущем.

Общее сокращение книжной наличности работающих передвижек и уменьшение на половину размеров самого комплекта объясняется, во-первых,—ростом сети, во-вторых—чисткой фондов, в третьих, большой изнашиваемостью, в виду выросшего оборота книг в передвижках,—и самое важное—слабым пополнением, чрезвычайно отстающим от роста работы.

Число книг в передвижках упало, уменьшились размеры и городской и деревенской передвижки, но перераспределение их изменилось: на 1 октября 1923 г. имеем в городе 376.241 (59,5 проц.), а на 1 июня текущего года—254.485 (51,7 проц.); в деревне имеем в 1923 г. 256.469 (40,5 проц.), а сейчас 272.618 (48,3 проц.). И число передвижек и число книг в них в деревне возросло. Таким образом, книга при помощи передвижек начинает, наконец, проникать в деревню, обслуживая хозяйственные и политические потребности деревенского читателя, и на городскую окраину, удовлетворяя интересы читателя рабочего района.

В противоположность стационарной библиотеке, читателем передвижки в городе является почти исключительно рабочий, в передвижке при фабрике или заводе составляющий почти все 100 проц.; значительное количество передвижек по школам, учреждениям несколько понижает этот процент.

Читатель деревенской передвижки преимущественно—крестьянин, и здесь о социальном составе говорить не приходится, но нужно отметить

возрастной момент: по данным ста пятидесяти волостей читателей до 18 лет—92 проц., старше 18 лет—8 проц. Задача деревенской передвижки—не только обслужить активную, уже читающую молодежь, но и привлечь к чтению или хотя бы к слушанию взрослое деревенское население.

Как втягивает именно свежая книжка, приходящая в передвижной фонд библиотеки, видно из практики отдельных уездов. Так, Ново-ржевский уезд, Псковской губ. в 30 деревенских передвижках имеет 2224 читателей; из них крестьян 1664, прочих 600, мужчин 1600, женщин 624. Эти цифры говорят сами за себя.

Число подписчиков городских передвижек очень значительно, от 40 до 200; число читателей деревенской передвижки в среднем 20. Если взять для города и деревни в среднем 30 подписчиков, то получаем 233.160 чел. обслуженных книгой; из них около ста тысяч приходится на деревню.

Это—маленькая капля в море стомиллионного крестьянства; это—первые шаги нашей работы; от дальнейшего обеспечения ее зависит переход к счету читателей передвижки миллионами. Читатель передвижки еще не учтен в цифрах; еще меньше, чем о количестве читателей по передвижной сети, знаем мы его интересы и особенности. Попытки изучения их имеются в городе; только-только намечаются они в деревне; по имеющимся частичным данным можно определить лишь общий производственный уклон его интересов (сельско-хозяйственный, в связи с различными видами городской промышленности и т. д.). Необходимо систематически настойчиво, хотя бы и очень медленно, изучать его интересы не только в связи с производством, но и в связи со всем его общественно-бытовым укладом.

Несмотря на отсутствие более или менее точных, данных совершенно ясно, что передвижная сеть стоит перед решением задачи охвата и вовлечения широких слоев рабочих и крестьян в сферу книжного влияния.

Между передвижкой и читательским коллективом стоит библиотекарь-передвижник. Он должен обладать качествами, необходимыми библиотекарю-политпросветчику, и уметь близко и попросту подойти к коллективному читателю.

Вербуются передвижники различными путями, и связь их с фондом и передвижками неодинаковая, в зависимости от структуры работы. Библиотекарь, идущий с передвижкой из фонда, да еще получающий жалованье, это в передвижной сети—исключение, встречающееся только в столицах. Эти библиотекари проинструктированы, более или менее знакомы с методами библиотечной работы, но мало знают среду, в которую идут работать. Другие, пока только крупные, города имеют инструкторов, руководящих работой передвижек, в большинстве—городских.

В огромной массе своей передвижник—член читательского коллектива и добровольно, безвозмездно несет свою работу. Малоискушенный в вопросах библиотечной работы и работы с книгой, он хорошо знает свою группу, близок и понятен ей; впитывает ее читательские запросы, и его знакомство с библиотечной работой начинается, можно сказать, с изучения читательских интересов.

Несмотря на вероятность большой квалификации работников из фонда, следует предпочесть им работников из читательских коллективов, выбирая наиболее энергичных и развитых. Особенно важен доброволец-библиотекарь в деревне, где, кроме хорошего знания читательской группы, он может сохранять с ней постоянную связь; а это, при нашем бездорожьи и трудности сношений деревни с городом—чрезвычайно важное обстоятельство.

В городе передвижки вербуются из передовых и активных рабочих. Это—комсомолец, член культкомиссии, секретарь завкома, передовой рабочий на заводе. В деревне это—комсомолец, избач, секретарь ячейки, учитель, председатель сельсовета, демобилизованный, передовой крестьянин.

И тут и там, это—актив советской общественности в массах.

Количество передвижек и охватываемые ими массы неуклонно растут. Наряду с этим идет углубление и усложнение их работы. Для благоприятного дальнейшего развития передвижная сеть нуждается: во-первых, в организационном оформлении и укреплении фондов, их техники и системы работы; во-вторых, в освежении и пополнении книжного состава фондов с доведением здорового, обращающегося книжного ядра до 5.000 книг; в третьих, в активной материальной поддержке советской общественности и государства при укреплении работы и добывании средств. Кроме того, в общую работу по переподготовке и подготовке работников просвещения необходимо включить вовлечение библиотекарей-передвижников; библиотечные объединения должны всеми способами содействовать их самообразовательной работе, и должны позаботиться о правильной постановке инструктирования посредством личного посещения и переписки.

Необходимо позаботиться также о том, чтобы передвижная сеть была постоянно связана с основными задачами страны и партии в деле культурно - хозяйственного строительства: ликвидацией неграмотности и выдвижением низовых работников.

Практический план развертывания передвижной работы должен быть таков, чтобы к десятилетию Октября довести число передвижек до 50.000; в предстоящий год необходимо провести укрепление существующей сети и довести ее до 20.000 пунктов; дальнейшее развертывание в организационном отношении не должно встретить серьезных затруднений. Печать должна позаботиться о надлежащем качестве и количестве художественной, деловой и научно - популярной книжки для массового читателя. Государство и советская общественность должны найти необходимые средства на два с половиной миллиона экземпляров этой литературы, по одной книжке на десять дворов. Этим будет обеспечено выполнение одного из важнейших заветов Ильича, поставленного к осуществлению XIII съездом партии: усилить (не на словах, а на деле) связь печати с массами, приблизить ее к ним и сосредоточить главное усилие на разъяснении основных вопросов жизни быта и миллионов рабочих и крестьян.

Заключительное слово Э. М. Шершевской.

Товарищи, разрешите сначала ответить на вопросы. Был вопрос о том, как ведется передвижная работа среди национальных меньшинств. По материалам Главполитпросвета, она пока никак не ведется. Некоторая характеристика того, как это на местах происходит, имеется. Среди национальных меньшинств популярные книги только на русском языке не доступны; русскими книгами они не могут пользоваться, и передвижение русских книг для обслуживания деревенского населения наименее бесплодное занятие. При помощи передвижек русская литература могла бы обслужить интеллигенцию национальных меньшинств, давая ей указания по дальнейшей работе с населением на его родном языке путем громких чтений и бесед. Передвижную работу среди национальных меньшинств сейчас еще чрезвычайно трудно поставить. Допустимо ли взимание платы за передвижку? Все т. т. отвечают, что нет, но ленинградская практика смотрит иначе; там плата, правда---не совсем, но взимается. Я думаю, что на плату за пользование передвижкой надо поставить крест, и деньги для передвижек получать другим порядком. Затем, вопрос о технике передвижек. Необходимые по ней указания даны в „Наглядном пособии“ Главполитпросвета. Нужно ли ломать существующую организацию для того, чтобы перестроить ее по намеченному здесь плану? Конечно, нельзя ломать работу, которая есть, но нужно перейти к ее оформлению и укреплению, не прекращая выдачи передвижек из фонда, из библиотек и параллельно ведя работу по созданию и укреплению фонда. Конечно, комплектовать нужно на основании предварительного обследования и учета интересов, условий работы и быта читательского коллектива.

Как далеко передвижка проникает в деревню? Пока она проникает не очень глубоко в те места, которые отстоят недалеко от железной дороги или от уездной библиотеки.

Вопрос об участии в работе передвижного фонда общественности. Ответ на этот вопрос дан практикой самарской и одесской передвижной работы. Я считаю, что передвижная работа должна быть взята под специальное внимание и наблюдение общественных организаций. При передвижном фонде должен существовать специальный совет или бюро, устанавливающее масштаб и план работы и изыскивающее необходимые дополнительные для развертывания работы. Как инструктировать передвижников? Я предложила бы в работе объединений выделить работу по инструктированию и переподготовке передвижников, выделить секцию передвижников. Такая практика имеется в Донполитпросвете и в Костроме. Инструктирование передвижек на местах возможно при помощи библиотекарей ближайших библиотек или инструкторов из фонда. Но еще чрезвычайно трудно дать что-нибудь типичное, так как надо учитывать общие обстоятельства на местах.

Состав взрослых читателей городских передвижек точно не учтен; в общем, это, по преимуществу рабочие городские и, прежде всего, фабрично-заводские. Была записка, что стационарные библиотеки больше обращают внимания на индивидуальную работу с отдельными читателями, на работу с книгой. Как быть, если они начнут выделять фонды и выделять в них не то, что нужно? Я думаю, что съезд должен дать определенные директивы в этом вопросе. Всю массовую литературу—прежде

всего,—в фонд все имеющиеся в библиотеке средства — на укрепление фонда, а затем уже на укрепление индивидуального абонементов, в последнюю голову—на книжки для удовольствия.

Причины уменьшения и ухудшения состава передвижных фондов очень просты. Во-первых, книжки изнашивались в передвижке, а заменить их нечем. Во-вторых, в некоторых местах произвели чистку тех книжных комплектов, которые выделялись, и, в третьих, самая серьезная причина, на которую нам особенно нужно обратить внимание, это—отсутствие всякого пополнения. При постоянной большой систематической утечке книг из передвижек и передвижных фондов мы не имеем пополнения.

Как дать гарантии охраны в передвижках? Я думаю, что самая большая гарантия, это—характер передвижной работы, привлечение читательского коллектива к этому делу, но все-таки необходимы и некоторые формальности в виде обязательной подписки, привлечения к ответственности и проч.

Теперь я перехожу к заключительному слову. Здесь т. Слуховский возражал против моего положения, что передвижка стоит дешевле, чем другие формы библиотечной работы. Передвижка тоже что-нибудь стоит, но если при помощи передвижек мы обслуживаем определенное количество пунктов, то обслужить их при помощи такого же количества стационарных библиотек при тех же средствах мы не сможем.

Что лучше: коллективка или передвижка? Я считаю, что все лучше, ибо не везде может быть привита передвижка, но при всякой передвижной работе естественно развивается и коллективка. Практика передвижных фондов показывает, что станция, получив передвижку для работы, через некоторое время предъявляет требование на несколько книг дополнительно, и нет основания эти требования не удовлетворять. Таким образом, передвижка должна быть эластичным комплектом для передвижной работы,—самый подходящий выход. Коллективка может выдаваться и из специального фонда, как это делается в Москве, в виде самостоятельной работы, и затем он может быть спутником стационарной работы и передвижной. Что лучше—передвижка или коллективка? В городе можно провести коллективку; но как проводить передвижку в деревне? Конечно, там мы имеем передвижку в ее чистом виде и нам придется на ней пока остановиться. Здесь поставлен вопрос: передвижка—цель или средство? Передвижка, конечно, не цель; цель передвижной работы, это—использование работы с книгой в деле коммунистического воспитания; но передвижка сейчас получает самостоятельное значение, как организационная форма библиотечной работы. Здесь много говорилось о болезнях нашей передвижной работы и о недостатке книг, и что мы книг не приобретаем, и денег нет. Я думаю, что мы все же выйдем из этой полосы и общими усилиями преодолеем эти препятствия, мобилизуя вокруг передвижной работы общественное мнение советских, партийных и профсоюзных организаций.

Задачи передвижной работы необходимо сочетать с нашими другими ударными задачами в деле ликвидации неграмотности, обслуживания неграмотных, восстановления народного хозяйства. Надо поставить себе задачей укрепление организационной структуры передвижной сети и укрепление состава передвижных фондов, освежение и пополнение их,

и доведение сети к 10-летию Октябрьской революции (когда практическая работа по ликвидации неграмотности даст новые большие кадры низового читателя, впервые подходящего к книге) до 50.000.

Доклад И. Цареградского: „Массовая внебиблиотечная пропаганда книги и библиотеки“.

Почти все докладчики начинали свое вступительное слово с того, что наш съезд проходит под лозунгом: „книгу в массы!“. Но до сего момента съезд рассматривал, главным образом, организационную сторону проблемы, как нам территориально и организационно приблизить книгу к массе. Еще в 23 году тов. Ленин выдвинул задачу, которая раньше всего относится к нам, библиотекарям, и на которую, к сожалению, я не встречал в нашей библиотечной литературе ни одной ссылки, ни слова. В книжке „О кооперации“ он писал: „Без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения массы к тому, чтобы пользоваться книгой, нам своей цели не достигнуть“... Здесь ставятся собственно даже две задачи — приучить население к книге и сделать так, чтобы эта книга стала повседневным орудием труда, орудием рабочего и крестьянина. В своей статье „О коллективном пользовании книгой“ Н. К. Крупская опять ставит вопрос в такой же плоскости. Она говорит: „Важно, чтобы пропаганда библиотеки ставилась не только как пропаганда отдельной библиотеки, а как пропаганда библиотеки вообще, пропаганда умения и привычки пользоваться библиотекой“.

Если вы — наконец — посмотрите резолюции XIII съезда партии, то там вы опять-таки увидите, как категорически ставится сейчас вопрос о приучении пользоваться книгой широких масс рабочих и крестьян. „Поставить обслуживание широких масс основной и первоочередной задачей наших издательств, обратить особое внимание на низового крестьянского малограмотного читателя“... — говорится в резолюции о печати. „...В области распространения сосредоточить все силы и денежные средства на максимальном продвижении книги и газеты в широкие массы“.

Так настойчиво всей нашей общественностью, партией, всем ходом общественно-политической и культурной жизни ставится вопрос о продвижении книги в широкую массу, захвате работой с книгой не только активного рабочего и крестьянина, не только середняка в культурном отношении, но и низовика-рабочего, малограмотного крестьянина т. е. о проникновении книги в самую гущу рабоче-крестьянской массы. Речь идет о захвате работой с книгой огромного большинства крестьянства, „населения“ С. С. С. Р., „миллионов“, — следовательно об очень широкой, массовой работе. При чем вопрос о необходимости этой работы ставится довольно категорично т. Лениным и XIII партийным съездом. А ставится так потому, что раньше всего, это — вопрос большого политического значения. В связи с все углубляющимся и развивающимся переходным периодом; нэпом, экономическая ситуация все время усложняется. И нам надо устранить огромные культурные „ножницы“ между миропониманием и взглядами широких масс и существующими экономическим и политическим положением.

А если мы ставим так вопрос, то естественно, что это приближение книги к массе должно идти по двум путям: по пути, о котором здесь говорили—пути укрепления и расширения библиотечной сети, организации плановой сети передвижек и по пути углубления и расширения нашей активной работы. Вопрос о приближении книги к массе—не только вопрос об издании книг для массы, вопрос организационный. Не в меньшей степени это—вопрос об активности наших работников, вопрос методический.

Мы своей библиотечной работой охватываем только верхние слои рабочего класса и крестьянства, верхние слои молодежи. Мы обслуживаем, главным образом, активного рабочего и крестьянина,—в большой степени советского служащего, интеллигента—да и из них не массовиков в должной мере. Середняк рабочий, крестьянин—кое-как обслуживается нашими библиотеками. И уж совсем почти не обслуживается массовик.

Тов. Сеньюшкин приводил здесь очень интересные цифры. Он говорил, что 336000 читателей имеется в союзных библиотеках. Он хотел этим показать широкий размах работы профсоюзов, показать грандиозные, мол, цифры. Но эти цифры показывают как раз обратное: на 6½ миллионов организованного пролетариата в профсоюзах имеется всего 336000 читателей, в профсоюзных библиотеках, главным образом обслуживающих эту массу. Тут еще нужно иметь в виду, что чем менее квалифицирован рабочий, тем слабее читаемость им книг. Из этих 336000 человек может быть 150000—массовики-рабочие. Возьмем другие цифры: по одному союзу коммунальников, из 150000 членов союза только 12% обслуживается книгой. В г. Баку, в 16 городских библиотеках, в конце 23 г. на 26700 читателей—квалифицированных рабочих было всего 1092 человека, не квалифицированных 1544, в рабочем районе на 19694 читателей было 1092 квалифицированных и 2608 не квалифицированных. Эти цифры характеризуют нашу читательскую среду. Ясно, что читательская потенция рабочей и крестьянской массы нами не использована полностью. Даже теми книгами, которые имеются в библиотеках, мы можем обслужить большую массу. Возьмите ячейку на любом предприятии,—сколько членов ячейки состоят читателями? Обычно из 30-40 членов всего 3-4. Возьмите сельские библиотеки, избы-читальни: 15-20 человек читателей, это—нормальная цифра; 40 человек, это—большое количество.

Масса слабо втянута в библиотеку; еще в меньшей степени она затронута всей нашей методической, работой, активной работой. В Хамовническом районе Москвы рабочие и красноармейцы на вынесенной в сад выставке—не представляли себе даже, что это за выставка книг; аннотации же, альбомы газетных вырезок, а для иных и библиотечные плакаты—были китайской грамотой: они все это видели впервые. Не затронута же масса, потому что вся активная работа проводится в стенах библиотеки, с ней сталкиваются только те, кто посещает библиотеку. Не затронута масса и потому, что те формы и методы, которыми мы оперируем, не достигают ее. Для работы с массой, в большом масштабе нужны и массовые приемы. Вести среди нее пропаганду приходится своеобразными „библиотечными иерихонскими трубами“, дальнобойными орудиями.

Нужно сейчас такое построение активной библиотечной работы, чтобы она заставила обратить внимание на библиотеку пассивной, отсталой массы. Так, чтобы огромная масса тех, кто не читает книг, вынуждена была, даже помимо своей воли, наталкиваться на книгу, на пропаганду ее, останавливать на ней свое внимание. Активная работа должна быть построена таким образом, чтобы рабочий и крестьянин во всей своей повседневной деятельности политической, хозяйственной и культурной—чувствовали практическое значение книги, необходимость читать ее.

Такая задача будет еще долго стоять перед нами—и тогда, когда мы даже укрепим организационно сеть. Будет стоять она—и даже возрастет, когда будет ликвидирована неграмотность. Первый этап продвижения книг к массе (и в городе, и в деревне) от источников ее производства—несомненно будет всегда через библиотеку, избу-читальню.

Покупательная способность нашего крестьянства и рабочих по отношению к книге очень слаба, и первое время крестьянство будет приучаться к книге через библиотечную книгу. Мы и должны сделать так, чтобы была потребность в этой книге, было желание ежедневно идти за книгой в библиотеку.

Все это означает, раньше всего, что центр тяжести всей библиотечной работы надо перенести на широкие массы, как читающих, так и не читающих. То, что многие библиотеки сейчас замыкаются в своих стенах и ведут работу с ограниченным кругом читателей—недопустимо. Нельзя выдвигать на первый план, как принято у нас называть, „углубленную“ работу, когда широкие массы не обслужены; нельзя работать только с сотнями, когда миллионы не знают о книге, но в ней нуждаются. Многие возражают против такой постановки вопроса. Расширяя работу—говорят они—вы развиваете верхоглядство; надо строить работу библиотеки так, чтобы обслужить каждого читателя в отдельности. В качестве подтверждающего довода—приводят лозунг Ильича: „Лучше меньше, да лучше“. Нет, товарищи,—этот гениальный лозунг здесь не к месту. Если уж основываться на мыслях и указаниях Ленина, то разрешите мне привести цитату из его беседы с Кларой Цеткин об искусстве:—„Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие, утонченные бисквиты, тогда как рабоче-крестьянские массы нуждаются в черном хлебе?“ Это, конечно, вполне относится ко всей нашей культурной работе, особенно библиотечной,—призванной обслуживать эти рабоче-крестьянские массы. Библиотека тоже должна раньше всего стремиться дать насущный хлеб этой массе, т.е. привлечь ее к книге, научить читать книгу, сделать книгу орудием ее труда.

Как же можно выполнить эту ответственнойшую задачу внедрения книги в широкую массу?

Первое: вынесением активной работы из стен библиотек; внебиблиотечная пропаганда чтения, книги и библиотеки—один из наиболее важных моментов работы на ближайшие годы.

Второе: большую часть своей работы библиотека должна базироваться на коллектив рабочих и крестьян; каждая библиотека должна иметь ряд коллективов в обслуживаемом районе и систематически вести в них работу, привлекая читателей, пропагандируя определенные книги и т. п.

Если вы посмотрите на практику библиотечной работы за этот год—год оживления—вы увидите, что те библиотеки, которые идут в

ногу с современностью, на этот путь и становятся. А становятся потому, что жизнь на это их толкает.

Украинский военный округ провел кампанию „Все за книгу“. Этой кампанией было охвачено более 100 тысяч красноармейцев. Владимирское библиотечное объединение провело в губернском масштабе „Неделю книги“. В Москве губотдел союза текстильщиков провел кампанию „Неделя книги“, захватившую 200 тысяч рабочих и служащих. В Москве, в саду Мандельштама, был устроен вечер-выставка, который посетило около 2.000 человек. Такая же работа проводится по фабрично-заводским предприятиям. На Наро-Фоминской фабрике в Моск. губ. был устроен вечер книги, который охватил 700 человек только взрослых рабочих. На ф-ке „Красная Роза“ в Москве такой же вечер книги посетило 500 человек, тогда как читателей в библиотеке всего 150 человек.

Здесь дело мы имеем с тысячами, сотнями. Какую работу им нужно проделать другими путями, другими формами, чтобы обслужить такую массу? Конечно, эти массы нельзя вполне охватить, завоевать для библиотеки в короткое время вечера, недели, даже месяца. Все это делается постепенно. Но именно при помощи массовых методов эти массы будут втягиваться в работу с книгой. Потому что эти методы говорят о книге не только тем, кто читает эту книгу, но также и тем, кто современно не читает книг, кто не имеет о книгах никакого понятия и кто даже ничего не знает о существовании библиотеки. Когда мы строим массовую работу, то эта работа-то и должна быть направлена к этим группам не читающих книг, кому книга ничего не говорит.

Какие же основные задачи в этой массовой внебиблиотечной работе?

Первая задача, это—привлечение читателей. Привлечение читателей собственно, мыслится как работа вне стен библиотеки. Иначе привлекать читателей нельзя. Читатель, попавший в библиотеку, не нуждается в дальнейшем привлечении, с ним нужна уже другая работа. Необходимость же привлечения читателей достаточно обоснована в приведенных выше цифрах. Нужно только выяснить, насколько массовая работа служит привлечению читателей. Вот некоторые цифры результатов внебиблиотечной пропаганды в отношении привлечения читателей. В Украинском военном округе массовая кампания „Все за книгу“ дала такие результаты. На 100 человек красноармейцев комсостава, в сентябре до кампании, было 52 читателя, а в декабре, после кампании,—82 читателя, в январе же—92 читателя. Кампания и была основным стимулом, который двинул эту массу красноармейцев в библиотеки. Во Владимирском Губвоенкомате была организована внебиблиотечная стенная газета, и она так пропагандировала книгу, что в течение месяца по выходе в свет этой газеты, число подписчиков увеличилось на 50% а через 3 месяца—на 125%. В Московской губернии, в Озерках был устроен „Вечер книги“, и после этого вечера записалось в библиотеку 124 читателя.

Все эти цифры очень красноречивы. Они говорят о том, что внебиблиотечная работа рассчитана не на отдельных лиц; она двигает в библиотеку массы.

Много дают также внебиблиотечные выставки. Возьмем выставки, которые мы устраивали к разным кампаниям. Кто посещает эти выставки? Главным образом, их посещают наши читатели; обыкновенно не-

сколько десятков человек, в лучшем случае,—несколько сот. Но вот была устроена выставка в одном из городов во время „Дня книги“, там было выставлено 1.056 книг,—ежедневно эту выставку посещало до 500 человек. Во Владимире, в центральной библиотеке, во время кампании недели книги была устроена грандиозная выставка; ее посетило 1.500 человек. Наши же выставки, которые мы систематически устраиваем, не связаны с массами рабочих и их не посещает такое количество людей.

Массовая пропаганда книги в смысле руководства массовым чтением—еще более ударная задача. Нужно обратить внимание на пропаганду доступных для широких читательских масс книг. Мы самообманываемся, думая и говоря, что книгу все знают, что ее не надо пропагандировать. Мы самообманываемся, думая, что массы знают те книги, которые являются самыми элементарными и без которых невозможно знакомство с современностью, без которых невозможно дальнейшее развитие читателя. Мне, в Хамовниках, пришлось проводить во время „дня книги“ игру. И когда я спросил более 100 окружающих меня взрослых рабочих, красноармейцев и молодежи о „Библии верующего и неверующего“ (так поставил вопрос: „Кто знает библию, которую должен прочесть каждый?“) то никто не мог мне на этот вопрос ответить. Только один пионер знал. Он назвал „Библию“ Ярославского. Рабочие весьма этому удивились и начали записывать название этой книги. Это было в Москве, где библиотечная пропаганда довольно широка. Другой пример. Там же я предложил вопрос о Синклере. Оказалось, что Синклера никто не знает, причем даже не знали, как произносится это имя. Вот примеры того, что массы не знают элементарных книг, которые мы считаем достаточно пропагандированными. Нужно взять круг элементарных книг, который должен знать каждый рабочий и крестьянин, как базу, как орудие культуры, и этот круг книг всячески, массовыми путями пропагандировать. Нужно, чтобы наши рабочие не только знали об этих книгах, но чтобы у них явилось желание прочитать эти книги. Это—первое в отношении массовой пропаганды книги.

Второй момент, это—пропаганда книги, как орудие труда и производства. Мы говорим, что каждый рабочий, каждый крестьянин, каждый партиец раньше всего должен пользоваться книгой для своей работы. Товарищи, пойдите в любое предприятие, в любую ячейку и спросите: знает ли рабочий и крестьянин или даже партиец, какие книги, связанные с работой, имеются в библиотеке? Не знает! Если мы хотим приблизить и сделать книгу орудием работы каждого человека, сделать так, чтобы книга помогла рабочему и крестьянину в их строительстве, в их повседневной жизни, надо—бросить в массы те книги, которые связаны с работой определенных коллективов. Надо сказать всем рабочим, что вот для вас важны такие то книги, эти книги связаны с вашим производством, строительством СССР, вы должны их знать и читать. Эту работу мы сумеем проделать только тогда, когда мы выйдем из стен библиотеки, понесем книгу в эти коллективы. И имеющийся опыт показывает, что массовая пропаганда книг гораздо сильнее, гораздо значительней привлекает читателя к книге, чем обыденная библиотечная, активная работа. В Томске, во время „Недели книги“, была устроена широкая выставка, в несколько тысяч книг с 60 лозунгами и 40 плакатами. И эту выставку в течение вечера посетило 3 тысячи человек.

Каждый смотрел на эти книги, брал их, просматривал. В Озерске было выставлено—как я уже говорил—1056 книг; ежедневно читатели брали 60—80 книг. Вы знаете, что на таких выставках обыкновенно выставляются книги, которые рекомендуются. Что же значит то, что брали ежедневно от 60 до 80 книг? Это значит, что эти 60—80 книг нужно было рекомендовать другими путями, чтоб они попали к тем же читателям. Приводинская библиотека, находящаяся в сельском районе, выяснила, что читатели мало читают сельско-хозяйственную литературу. Тогда была устроена массовая выставка сельско-хозяйственной литературы в 400 книг. В результате этой выставки в течение месяца все, что читатели могли взять, было взято и использовано.

Возьмем другую форму работы. Шествия книг, участия в кампании путем такого шествия. Посмотрим, какие здесь результаты—в смысле массовой пропаганды книги. В Новозыбкове было устроено шествие книг, связанное с 1-м мая. В Николаеве было устроено шествие книг, связанное с Октябрьской революцией. В Москве было устроено 2 шествия книг—одно, связанное с Коминтерном и другое—связанное с КИМ'ом. Товарищи, проводившие эти кампании, определенно пишут, что после таких шествий значительно увеличился спрос на книги. В Серпухове на „вечер книги“ зрители записывали названия пропагандируемых книг. Во время „шествия книг“, устроенного новозыбковцами, один старик старообрядец подошел к библиотекарю и говорит: „Раньше я не знал, что есть книга „Как умирают и рождаются боги“,—надо будет зайти к вам почитать ее“. Тут же он записал название и ее и „Библии“. Никаким другим путем мы не могли бы обратить внимание старообрядца на эту книгу. Когда мы устраивали книжное шествие в Москве, то кругом раздавались голоса—„Я читал эту книжку“, „Эту книжку надо прочесть“, и т. д. На „вечере книги“ мы наблюдали тоже не безинтересные факты. Спрос на те книги, которые участвовали на „вечерах“, усиливался. Это все и есть массовая пропаганда книги, массовое руководство чтением.

Наконец, третий вопрос, который стоит перед нашей массовой библиотечной пропагандой, это—организация общественности вокруг библиотек. Мы говорим, что на нас не обращают внимания наши общественные организации, месткомы, профсоюзы и т. д. Так было и так будет дальше, если масса не будет заинтересована всецело нашей работой не будет ощущать ее вокруг себя: в домах коммунах, в месткоме. Работники мест пишут: „Большая, важная задача—убедить все население СССР, что библиотека входит необходимым звеном в сцепление жизненных потребностей“. Это—правильная постановка вопроса. Об этом говорила и Надежда Константиновна Крупская, указывая, что именно библиотека есть нечто неотъемлемое от жизни рабочего. И только благодаря массовой работе мы сможем добиться этого. Вот что пишут библиотекари проводившие массовые кампании: „Главное, что библиотека сумела поставить себя в центре внимания населения, привлечь к себе внимание со стороны равнодушных, сумела разъяснить свою, непонятную для многих, работу. В „день книги“ книга и библиотека были на устах у многих тысяч людей, которые раньше никогда о книге не думали. Удельный вес значительно увеличился“, пишут из Московского уезда. „Главное это—то, что библиотека громко заявила о себе, на нее стали обращать внимание, учли ее значение, „пишут о результатах „дня книги“ в библио-

теке „Освобожденный Труд“. „Авторитет библиотеки вырос в несколько раз“, — доказывают товарищи из Украинского военного округа. Итак, организация общественности является нашей массовой внебиблиотечной работой, ибо широкая масса не идет в библиотеки, а нам нужно оказать влияние именно на нее.

Большое значение имеет привлечение внимания общественности к технической работе вокруг библиотеки. Нужно организовать массу и читателей, как участников и как организаторов нашей работы. Когда мы устраиваем „вечера книги“, нам необходимо участие месткомов, участие читателей. Если мы устраиваем шествие книг, нам нужна поддержка парткома, всего командного состава, губисполкома и т. д. Нам нужно привлекать всех к практической работе вокруг библиотечного строительства. Когда в Москве проводились в отдельных библиотеках массовые кампании, то на целом ряде собраний комсомольцев и партийцев, и особенно — рабочих, делались доклады о значении книги, работе библиотеки. В Московском уезде создавались во всех волостях комиссии, в состав которых входили представители разных общественных организаций. После проведения кампании масса была уже заинтересована библиотечным строительством, она подошла к нему, имела уже некоторое представление о библиотечном деле. На фабрике Госзнак в связи с массовой кампанией были сделаны в 30 цехах доклады о библиотечной работе. Ясно, что эти доклады, хотя они были слабы и не дали ожидаемых результатов, но они все-таки дали 30 цехам понятие о библиотечном строительстве. После этого был организован целый ряд комиссий, которые участвовали в шествиях, в вечерах и т. д. Всюду привлекается та масса, которая стояла далеко от библиотечного дела. В шествии в Новозыбкове участвовали красноармейцы, работницы и крестьянки. Здесь в Москве участниками суда над вредителями книги были взрослые рабочие с производств.

Закрепление этого привлечения к нашей работе общественного внимания должно выражаться в организациях читателей. Мы привлекаем широкие массы к практической работе, привлекаем для участия в шествиях, пьесах и т. д. Это уже создает некоторую спайку вокруг библиотеки, которую можно потом претворить в организованное ядро читателей. Кроме того, непосредственно „вечера книги“ и массовые кампании должны ставить своей задачей пропаганду организации читателей. Напр., в Дубининском клубе после „вечера книги“ записалось 11 человек в члены кружка.

Не малое место в нашей массовой работе занимает также задача материального укрепления библиотек. Если мы не говорим массе о книге, если не говорим о своей работе, она не идет к нам, во всяком случае относится к нам пассивно, — не дает средств. Строя же массовую работу, привлекая внимание к библиотекам, тут же одним из результатов этого привлечения мы можем ставить материальное укрепление библиотек, путем сборов и т. д. В Каменской библиотеке московского уезда во время „дня книги“ собрано было 386 книг; в Обираловской библиотеке собрали 250 книг. А вот „скромный“ результат „недели книги“ в Витебской губернии: собрано 183 червонца и 9.243 книги. Какая другая работа, какое толкание по месткомам и губотделам может дать такие результаты? Некоторые конкретные задачи, стоящие сейчас

непосредственно перед нами, только и могут быть выполнены при массовой библиотечной пропаганде.

Мы только в этом году имеем ряд достижений в летней работе с книгами. Обыкновенно с наступлением лета библиотеки замирают. Зависит-ли это явление от библиотекарей или оно об'ективное? Отчасти только не зависит. Мы не уделяем достаточного внимания специфическим условиям в библиотеках, а читатель уходит к природе, в сады, за город, в поле, и т. д. Летом библиотека должна идти туда, куда идет читатель, на экскурсии, на прогулки, в сады, в дома отдыха, и т. д. Библиотечная работа летом только и может базироваться на внебиблиотечной пропаганде.

Серьезная и важная задача—обслуживание ленинцев,—разрешением которой мы должны заняться во всю широту. 200 тысяч ленинцев должны стать нашими друзьями, нашими читателями, активным ядром читателей. Если мы этого не сделаем, то мы пропустим мимо себя часть партии. В то же время это значит, что мы пройдем мимо крупнейшего явления нашей жизни, будем в стороне от благодарнейшей задачи воспитания новых ленинцев. Наша политическая и культурная задача—привлечение ленинцев в библиотеку.

Но ленинец не идет сам в библиотеку. Его нужно звать туда из ячеек, из политкружков, комиссий и т. п. Следовательно, нужно провести внебиблиотечную пропаганду — и пропаганду массовую — ибо 200.000 иначе нам не охватить.

Встает перед нами во всей широте вопрос о работе среди национальных меньшинств. Вы знаете, что среди них очень небольшое число грамотных, большинство из них не имеет понятия о библиотеке. Здесь опять-таки нужна массовая пропаганда книги и библиотеки.

Как же методически строить всю эту массовую пропаганду чтения книги и библиотеки?

Массовая работа, об'ектом которой является наименее культурный слой населения, должна вкладываться в такие формы, которые могли бы заинтересовать этот слой. Эта работа должна быть рассчитана на впечатление от формы. А уж в эту форму должно быть вложено соответствующее нашим задачам содержание. Для массовика-зрителя нужно воздействие на зрение, слух, наконец,—воздействие на любознательность.

Последнее время часто говорят о недостаточном влиянии на читателя списков, библиотечных плакатов — это вполне естественно. Они не могут быть единственными формами воздействия на массовика — они просто слабы для массовика. В с. Всехсвятском под Москвой библиотека, видя бесплодность обыденных приемов своей пропаганды книги вынесла книжную выставку в сад, устроив ее очень оригинально — рассчитав на любознательность. Половина посетителей рабочего сада была в результате увлечена выставкой. Новизна, внешняя эффектность библиотечных шествий привлекает к книге тех, кто на иную пропаганду не обратил бы внимания. В Серпухове „вечер книги“ ждали все с нетерпением, даже старики, желая поглядеть, „как будут на сцене книги ходить“.

Отсюда — придание крупных, театральных форм массовой пропаганде книги и библиотеки: „вечера книг“, библиотечные пьесы, частушки, игры, инсценировки судов над вредителями книг, не читающими книг и т. п. В Москве недавно издана «Красной Новью» книжка „Ве-

чер книги". В ней есть одно место, в котором проводится пропаганда систематического чтения. На сцену вваливается крестьянин, прочитавший за одну ночь 7 книг на самые разнообразные темы. От „Ключей счастья“ Вербицкой, до Коваленковской политграмоты. В результате такого чтения у него „повреждение мозгов“. Эта комическая по форме сцена подводит зрителя к вопросу о систематическом чтении. Или вот другой пример такой массовой формы: массовое пение. Вывешивается большой плакат с песней — и вся аудитория, не зная песни, поет ее по тексту плаката. А в песне этой говорится, что нужно прочесть Синклера — „100 проц.“ или Шлыкова „От трехполья к многополью“. Лучший показатель того, что такие формы захватывают, что именно они уместны и целесообразны, — это большое количество вечеров, инсценировок, судов, проведенных за последнее время. В Харькове одна железнодорожная библиотека провела силами своих кружков 10 «вечеров книги». И имеющийся небольшой опыт показывает, что они дают реальные результаты, — воздействуют на зрителя. Работники мест пишут: „Постановки судов оказывают несомненно большую услугу, чем самые строгие правила обращения с книгой. На многих судах наблюдалось, что у зрителей создается впечатление, что их будут также судить, если они не будут возвращать книг“. И таких форм много. Пойдите на выставку Красной армии на нашем съезде, так вы увидите коробку папирос, на которой ведется пропаганда книги.

Теперь перейдем к вопросу о путях работы. Раньше всего, должна быть взята установка на коллективы. Коллектив, это — замкнутое ядро с более или менее определенными интересами. В общественные разнообразные ячейки мы и должны давать соответствующий материал, связывая пропаганду книг с их работой. Ячейке Доброхима надо давать литературу по химии, ячейке МОПРа мы должны давать литературу о международном рабочем движении, в ячейки комсомольские, в политкружки надо бросать литературу политическую.

Возьмем месткомы. Многие ли из работников месткома читают профессиональную литературу? Но если по месткомам неустанно долбить о том, что в библиотеке имеется определенная литература по профессиональной работе, являться на делегатские собрания и заседания и всюду говорить не только устно, но и плакатами, выставками об этих книгах, то в результате, конечно, спрос на книги увеличится. В одной библиотеке не было читателей женщин. Тогда библиотекарь начал ходить на делегатские собрания женщин и на них твердить о том, что в библиотеке имеются книги о женском движении, литература о женщинах, — и в конце концов ему удалось привлечь в первую же неделю 10 человек женщин в библиотеку. Формы работы в коллективах самые разнообразные: аннотации, громкие чтения, настенные каталоги.

Библиотекарь должен прислушиваться, присматриваться к тому, что делается кругом, вне стен библиотеки и намечать, какие ячейки, какие коллективы и чем нужно сейчас обслужить. Эти ячейки, эти коллективы надо учесть и на них надо базировать свою работу.

Следующий путь работы, это — установка на определенные пункты, не имеющие определенных коллективов, где собирается масса, где скопляются рабочие и крестьяне. Такие пункты могут быть в месткомках, в разных учреждениях, у церквей, у волостных исполкомов, у домов коммун, при входе в заводы, и в самых разнообразных организациях.

Каждый библиотекарь должен наметить несколько таких пунктов, в которых он и будет проводить свою работу. Мы обслуживаем слабо цехи, цехи-то и могут быть такими пунктами. Если этого не сделаем мы, то библиотека не будет популяризировать себя и обслуживать широкую массу. Более широкий путь массовой работы — обслуживание каких-нибудь эпизодических собраний, с'ездов, конференций, театральных постановок и т. п., по которым можно связаться с массой. Библиотека должна следить за такими явлениями и должна стараться их обслужить.

Последний путь этой широкой массовой работы, это — кампании библиотечные, рассчитанные на самую широкую массу, на массовую психологию. Это массовая кампания „за книгу“, „вечера“, и „день книги“, участие в различных шествиях, инсценировках, пение библиотечных частушек, вечера рецензий и т. д. И еще один путь, который нам нужно завоевать для нашей массовой библиотечной пропаганды. Это — пресса. И не столько печатная газета, сколько стенная газета. Их у нас имеется более 3000, их читает огромная масса тех, кто никогда не читает книг и просто газет. Их читают рабочие, малограмотные и неграмотные, — последние слушают, как им читают. Стенная газета, это — одна из действительных сил нашей общественности, и нужно, чтобы все эти стенные газеты были пронизаны и библиотечной пропагандой. Мною было просмотрено до 500 стенок газет два месяца тому назад и только в 20 были заметки о пропаганде книги. В каждой стенгазете, которая имеется на предприятии, или в какой-либо организации, мы должны определенно завоевать место. Это важнее, чем поставить библиотечную газету в стенах библиотеки.

А как, товарищи, проводить массовую работу вообще, в деревне? Не смутят ли крестьянина предлагаемые массовые приемы, можно ли там вообще строить массовую работу? Конечно, можно. Ячейки РЛКСМ, ячейки РКП, комитеты взаимопомощи, красные уголки и т. п., это — те коллективы, которые мы можем и должны обслуживать. Много здесь говорили, что волостная библиотека должна обслуживать и близлежащие села. Конечно, и эти села должны стать пунктами массовой пропаганды книги и библиотеки. В ряде сел избы-читальни установили свои пункты пропаганды книги около церквей. Когда благоверный христианин идет молиться богу, он встречает в 10 шагах от церкви плакаты, газетные вырезки, стенгазеты, рассчитанные на то, чтобы произвести впечатление на зрителя, когда он даже не думает о книге. Затем, возьмем ярмарки. Это — торговые пункты, где скопляется большое количество крестьян. Одна из библиотек, кажется, Харьковская, имени Короленко, вышла для пропаганды книги на ярмарку. Она взяла оркестр. И что же? Крестьяне очень заинтересовались выставкой, разглядывали ее. Затем, большой пункт, это — волостные с'езды и беспартийные крестьянские конференции. Я не знаю опытов из нашей практики выхода на эти конференции. А ведь это — один из лучших пунктов, где можно вести пропаганду книги и привлекать общественность к библиотечной работе. Сельские и волостные сходы, особенно волостные, должны стать постоянными пунктами массовой библиотечной пропаганды. Ни один волостной с'езд не должен быть упущен. Наконец, важно участие в различных волостных праздниках, которые должны быть базой политпросветработы. Ни один волостной праздник не должен быть обслужен без массовой библиотечной пропаганды. Здесь мы имеем уже опыт одного библиотечного шествия. В с. Яковлевском, Ив. Вознесенской губ. устроили „похороны за-

мученных книг". Тт. пишут, между прочим, что многие старушки, не зная, в чем дело, плакали навзрыд. Такая форма встретила к себе большое внимание со стороны крестьян. Вот как должна строиться работа в деревне.

Сам собой напрашивается вопрос, как нам, отдельным библиотекарям, всю эту массовую работу выполнить. Никогда массовая работа не может быть творчеством отдельного библиотекаря. Она должна быть результатом работы библиотечного коллектива, различных объединений, работы учителей и всех культурных сил района. Кроме того, эта работа должна основываться, на привлечении к ее выполнению читателей и вообще общественных сил. Библиотекарь должен быть организатором, инициатором массовой работы. А вывешивать газету и плакаты в цехах — это должны делать читатели. Не библиотекарь должен снарядиться в карнавальное шествие, а читатели, из читательских кружков, рабочие, комсомольцы. Иначе мы эту работу не выполним. В Москве проводится сейчас следующая работа: комсомольские организации во всех районах организовали коллективы по работе с книгой. Создается ядро; оно зимой будет теми щупальцами, через которые наши библиотеки смогут вести пропаганду книги и проникнуть туда, где нет книг и газет, — в низовую среду рабочей молодежи. Такие же организации должны иметь все библиотеки при массовой работе.

Второе условие при проведении массовой работы — наличие определенного ядра. Пусть сотня читателей принимает участие в работе библиотеки, но должно быть ядро, которое во время шествия, во время „дня книги“ проводит работу и объясняет плакаты. Массовая работа всегда противопоставляется углубленной. Массовая работа — это, говорят, „одно говорение“, а углубленная работа, это — оформление читателя. Думать так, это значит, по меньшей мере, — просто не понимать работу. Если мы будем так подходить к массовой работе, надо будет ее снять с порядка дня. Массовая работа должна быть продумана, как вся общая работа. Должны быть установлены те цели и конкретные задачи, которые должны будут быть ее результатом. Должен быть определенный учет этой работы. Обязательно нужна предварительная проработка всех вопросов, которые положены в основу той или иной массовой работы. Нельзя строить „вечер“ так, как построили его совработники, когда вышло 100 чел. на сцену с книгами, но ни один из них не знал, что за книгу он изображает: вся работа превратилась в театральщину — не была, конечно, работой углубленной. Хамовники устроили „шествие книг“ — оно было подготовлено за несколько дней; конечно, это не работа. Конечно, здесь углубленности мало. Тут как раз к месту сказать — лучше меньше, да лучше. Предварительную подготовительную работу надо проводить не только среди коллективов, которые выполняют ее, но и среди остальной широкой массы. „Вечера“ и „день книги“, это только озавершающий момент. Перед этим нужно провести большую работу в кружках, на рабочих собраниях и т. д. На этот путь становятся те организации, которые правильно понимают характер массовой работы, некоторые библиотеки месяцами готовились ко „дню книги“ и он был лишь завершающим моментом. Перед „днем книги“ проводились доклады на собраниях рабочих, парт'ячеек, писались заметки в газетах и т. п. Обслужены были не только те, кто были на „вечере“. Обыкновенно говорят, что массовая работа рассчитана только на массовую психологию и не захватывает

отдельных лиц. Нет, она захватывает, и захватывает часто более, чем индивидуализированная работа. Массовика она захватывает больше. Мне пришлось проводить игры в Хамовниках. После них ко мне подошел товарищ с беседой по поводу книг, которые я пропагандировал. В одной из библиотек текстильщиков проводилась в связи с „вечером книги“ большая подготовительная работа, и, в результате, отдельные лица, отдельные работницы, которые не ходили в библиотеку персонально,—приходили и говорили: Я хочу записаться в библиотеку почитать“. Вот что пишет о таких фактах товарищ из Московского уезда: „В библиотеку пришел один из тех граждан, который был врагом библиотеки и даже не пускал своих детей в библиотеку. После массовой кампании, после „дня книги“ он пришел в библиотеку, купил книгу и подарил библиотеке и стал одним из самых активных читателей“. Разве это не привлечение отдельных товарищей? Нужно лишь работу строить продуманно, нужно обязательно готовить и определенно проработать ее так, чтобы она методически давала определенные результаты. Против положений о массовой работе возражают: читателя мы будем привлекать, а есть ли книга в библиотеке? Чте же, мы будем провоцировать рабочего и крестьянина, вызывать неудовольствие? Такая ликвидаторская постановка вопроса не правильна. Наши издательства сейчас укрепляются, перспектива расширения издательской работы несомненна. Массовому читателю, как я говорил, нужно дать круг наиболее элементарных книг. Приблизительно сотни 2 таких книг мы можем найти и сейчас. А с этой сотней можно уже работать пару лет с массовиками рабочими и крестьянами. Наша задача—создать материальную базу, чтобы увеличить количество книг. Но это увеличение количества книг должно идти по пути увеличения не отдельных названий, а количества экземпляров одного и того же названия. Встает вопрос: как добыть деньги на эти книги? На государственственный карман рассчитывать не приходится.

Массовая работа—это как раз один из путей привлечения общественного внимания, а, следовательно, и общественных сил и средств. Общий рост потребности в книге заставит уделять и больше средств на приобретение книг, на библиотеки. Когда вы пропагандируете крестьянина вашей работой, когда вы убедите его, что книжка ему нужна и что у вас есть книжки, которые могут ему помочь,—он на сходе подаст свой голос за поддержку библиотеки. То же сделает партиец рабочий, член месткома, исполкома, когда поднимется вопрос о средствах для библиотек, если мы его заинтересуем книгой, библиотекой. Ибо они будут чувствовать, что книга им нужна. Небольшой пример—на траурном собрании Иваново-Октябрьской фабрики под Москвой в день посвященный памяти Ильича, было решено отчислить однодневный заработок на покупку венка. В это время на фабрике проводился „день книги“. И через два дня, под влиянием развитой пропаганды книги, постановлено эти деньги отпустить на организацию библиотеки-читальни, 500 руб. прошли на книги. Довольно яркий пример: стоял такой серьезный вопрос, как памятник Владимиру Ильичу. И благодаря энергичной работе, которую провели библиотекари, ячейка и рабочие согласились отдать деньги на книги. Если мы будем широко развивать работу, то такие примеры будут не в единственном числе.

Теперь, как быть нашим центральным библиотекам? Должны ли они вести массовую работу? Должны, и им надо выйти из своих ака-

демических рамок. Они должны, являться помощниками остальных библиотек в массовой работе. Массовые библиотеки не могут провести подготовительную работу — центральные, уездные, городские библиотеки должны явиться организаторами, помощниками, инициаторами, лучшими советчиками, составлять списки книг, разрабатывать программы и т. п. Когда проводится массовая кампания, они должны спрашивать себя, что они вложили в эту работу. Кроме этого, всякая библиотека, самая крупная, должна иметь ряд пунктов, в которых она должна проводить работу, связанную, конечно, с теми задачами, которые стоят перед библиотекой. Например, обслужить пропагандой книги театры смогут только большие библиотеки. Ни одной библиотеки не должно быть в ближайшие годы, которая вела бы всю работу только внутри своих стен.

На ближайшие годы в нашей библиотечной работе должен преобладать элемент массовой работы. Эта массовая работа должна в основе своей иметь круг элементарных книг, который должен быть в ближайшее же время разработан. Методисты, библиотечная литература, пресса, объединения, отдельные библиотекари, должны заняться разработкой, экспериментированием на местах форм массовой внебиблиотечной работы. Я предлагаю съезду установить день массовой библиотечной пропаганды, „Всесоюзный библиотечный день книги“ (Апплодисменты). Всесоюзный день книги должен проводиться в сентябре. Я полагаю, что его можно назначить на одно из ближайших воскресений после 15 сентября. Этот день не должен быть связан с другим праздником, но так как будний день нам не подходит для массового праздника кампании, то, чтобы захватить всю массу, мы и должны остановиться на воскресении. Этот день должен явиться ударным моментом, после которого самым широким образом библиотеки начнут наступать на читательскую массу, захватывать эту массу в связи с осенним и зимним читательским сезоном.

Позвольте закончить мой доклад небольшой цитатой из одного библиотечного стихотворения, которое очень удачно формулирует все мысли, которые я приводил здесь:

Пропаганду книги
В коллективы,
На улицы,
На собрания,
На празднества, шествия
И всякие заседания — выносите...
И через рупоры —
Выставок, плакатов
Аннотаций, библиотечных вечеров и докладов, —
В эти коллективы вклинившихся —
О книге проповедуйте.
На стены заводов,
На ворота налог-контор,
У кооперативов, театров
И даже просто на сельский забор —
Клейте пропагандирующее книгу.
... Туда — к рабочему классу,
В крестьянскую массу,
Свое книжное оружие направляйте!

Вечернее заседание 3 июля.

Доклад А. Я. Виленкина: „Политико-просветительная работа в стенах библиотеки“.

Товарищи, приступая к докладу о формах и методах политпросветительной работы в общественных библиотеках, необходимо сделать раньше две оговорки: прежде всего, мне желательно построить свой доклад исключительно на опытном материале, но я этого сделать не мог. Об'ективное изучение методов, охватываемых нашими библиотеками, привело меня к такому убеждению, что мы в настоящее время в области методики, в массовых библиотеках зашли до известной степени в тупик. Те задачи, которые поставлены перед массовыми библиотеками в течение последнего времени, практически подавляющим большинством библиотек разрешены. Сейчас перед библиотеками встает вопрос, что же делать дальше? Из таких соображений я буду строить свой доклад в том направлении, чтобы отдельным библиотекам выйти из этого методического тупика. Вторая оговорка, это—то, что когда мы говорим о методах работ библиотек, то совершенно естественно возникает вопрос о каких библиотеках мы говорим. В силу этого нам приходится в своих построениях ориентироваться на таких библиотеках, которые здесь представлены большинством слушателей, а именно—на массовых городских библиотеках, на библиотеках районных, фабрично - заводских и клубных. Перед нами встает вопрос, в каком направлении должны развиваться политико-просветительные библиотеки, какое место библиотеки должны занимать в общей системе политпросветительных учреждений, а, с другой стороны,—каковы задачи политпросветительных библиотек. Правда, эта формулировка будет до некоторой степени декларативного характера, но это имеет значение. Библиотеки в последнее время еще отстают от темпа других учреждений политпросвета, и получается неправильное представление о том месте, которое должны занимать эти библиотеки. Библиотеки должны являться органическим звеном общей цепи политпросвета, и они должны колебаться в таком же направлении и таким же темпом, которым двигается вся цепь. Тем самым мы устанавливаем такое положение, что библиотеки являются неотъемлемой частью системы политпросвета, что они не должны отставать от других учреждений политпросвета и плестись в хвосте. Какие конкретные задачи стоят перед библиотеками? Мне кажется, что без опасения впасть в большую ошибку мы можем установить пять основных задач, которые стоят перед библиотеками, как перед политпросветительными учреждениями. Первая задача, это—приобщение рабоче-крестьянских масс к активному участию в советском и про-

фессиональном строительстве. Вторая задача, это—овладение идеологией, которая осталась в наследие от капитализма. Третья задача заключается в широкой постановке агитации и пропаганды за интенсификацию и рационализацию труда. В области сельско-хозяйственных библиотек мы будем широко агитировать за сельское хозяйство, и в области рабочих библиотек мы будем говорить о производстве. Четвертая задача, это—ознакомление масс с культурным наследием прошлого, под углом зрения классовой идеологии, критический подход ко всем накопленным ценностям в капиталистическом мире, а также—знакомство с умелым пользованием этого культурного наследия прошлого. Пятая задача, это—задача коммунистического воспитания библиотек. До сих пор мы почти об этой задаче не думали. Мы рассматривали библиотеку, как учреждение вспомогательное при политпросветительных учреждениях, которые ведут работу по коммунистическому воспитанию. Пора начать смотреть на библиотеки, как на воспитательные учреждения. Вот пять задач, которые покрывают все то, что стоит в области политпросветительной работы по отношению к библиотекам. Сейчас существует тенденция чисто искусственно, чисто механически определить задачи библиотек отдельного типа. Мне кажется, что цель и задачи всех библиотек, входящих в систему политпросвета, едины. Эти задачи не должны быть поставлены каким-нибудь искусственным путем; мы должны конкретизировать их, поскольку мы берем за основу, что библиотека является звеном в системе политпросвета, поскольку подход к разрешению этих политикопросветительных задач в библиотеках не должен отличаться от решения этих задач в других учреждениях. Отличием является только то, что библиотека является аппаратом работы с книгой через книгу. Во всех остальных отношениях, в смысле подхода, в смысле принципов построения, задачи библиотек совпадают с задачами других учреждений. Как во всех других учреждениях политпросвета, в такой же степени для библиотек обязательно подходить к вопросу от сегодняшнего дня, удаляясь к дням прошедшим. Начинать с конкретного местного, локального и переходить к общему, отвлеченному. Словом, моменты актуальности, злободневности, ударности, по которым проходит политпросветработа в целом, одинаково обязательны и для библиотек. Я умышленно не выделил, как отдельную задачу, пропаганду ленинизма. Мне думается, что подход к пропаганде ленинизма в библиотеке не может рассматриваться, как отдельная задача, ибо какие бы проблемы ни стояли перед библиотеками, нужно всегда подходить к их разрешению через ленинизм.

Нам надо, раньше всего, установить два весьма существенные положения. Первое положение должно заключаться в том, откуда мы должны начинать работу по пропаганде книги, а второе,—к кому мы должны обращаться в этой пропаганде. В тезисах т. Покровского, напечатанных в „Книгоноше“ перед с'ездом указывалось, что основной предпосылкой к пропаганде книги в библиотеке должна являться устная рекомендация книги библиотекой. Принципиально, против этого положения, разумеется, возражать не приходится. Достичь того положения, при котором библиотечарь может взвалить на свою спину всю тяжесть ответственности за пропаганду книги, взять на себя эту колоссальную задачу—быть посредником между книгой и читателем,—это подход правильный. Но вопрос заключается не в теоретическом одобрении, а в том, можем ли мы практически сейчас подойти к этому вопросу. На этот вопрос, товарищи,

я склонен отвечать в отрицательном смысле. Мне кажется, что есть еще ряд объективных причин, по которым еще преждевременно делать ставку на устную рекомендацию книги. Помимо самой подготовки библиотекаря, помимо ряда привходящих обстоятельств, определяющих качество библиотечарей, есть ряд мотивов другого порядка, которые в настоящее время затрудняют делать ставку на устную рекомендацию книги. При нынешнем состоянии нашей библиотечной техники, при колоссальной нагрузке библиотек читателями, делать ставку на устную рекомендацию книги является рискованным. Библиотеки отказываются от массовой работы вокруг библиотек, отказываются от проведения „дня книги“, потому что при нынешнем состоянии библиотечной техники и при скудности книжного запаса они не могут справиться с лавиной читателей. Делая ставку на устную рекомендацию книги, мы можем остаться в положении игроков, которые бросают на карту и все свое состояние, и свой кредит. А ответственность наша слишком велика, и мы эту рискованную ставку сделать не можем. Поскольку мы отвергаем, как немедленную меру, устную рекомендацию книги, постольку мы должны наметить пути, при помощи которых мы можем заменить эту устную рекомендацию. Устная рекомендация, направление чтения должны быть до известной степени материализованы, должны быть облечены в устойчивые формы, которые бы гарантировали от возможных недомолвок, от возможных ошибок. Другая сторона вопроса — к кому мы должны обращаться с пропагандой книги? Должны ли мы идти к индивидуальному читателю, или должны поставить задачу — обслужить группового массового читателя? Я думаю, что время ориентации на индивидуального читателя, время тепличного взращивания отдельных читателей еще не пришло. Основной задачей является руководство чтением определенной группы, определенной категории читателей, организованных по тому или иному принципу, — в основном, по социальному и образовательному. Поскольку в наших библиотеках не все читатели равнозначущи, постольку перед нами стоят определенные конкретные ударные задачи по отношению к отдельным группам читателей, — постольку чрезвычайно важно выделить эти группы и именно на них направить все усилия библиотек. Не устная рекомендация книги, а материализованная рекомендация книги, и ориентация на массового группового читателя. Эти два принципа должны быть положены в основу построения методической работы в библиотеках. Точкой отправления политпросветработы в библиотеках, разумеется, является книга. Момент укомплектования имеет в данное время второстепенный интерес по сравнению с моментом перекомплектования. Практически невозможно поставить крест на все существующие библиотеки. Именно с этой точки зрения к вопросу и нужно подходить. Вехи, которые намечены инструкцией Главполитпросвета в смысле очистки библиотек, могут нас в известной степени удовлетворить. Но вопрос нужно поставить широко. После изъятия останется много литературы, хотя и не вредной, но абсолютно пассивной. Очередная задача по отношению к нашему книжному фонду заключается в том, чтобы из массы литературы, оставшейся после изъятия, выделить наиболее активную литературу, которая может служить материалом для конкретных задач в области политпросвета. Отсюда наша задача в смысле организации книжного состава библиотек, заключается в организации основного рабочего ядра библиотек. Мы создадим базу, на которой мы можем в дальнейшем

развивать политпросветработу в библиотеках. Основное рабочее ядро библиотек не должно представляться чем то стабилизированным, чем то законченным и устойчивым. Это ядро должно непрерывно пополняться новой литературой, отвечающей конкретным задачам сегодняшнего дня. По мере пополнения ядра новой литературой должен идти процесс выветривания из него литературы, которая останется и уже потеряла часть своей активности и скорее приближается к понятию пассивной литературы.

Чем нам компенсировать наш временный и вынужденный отказ или вернее ограничение роли устной рекомендации книги? В этом отношении наиболее серьезную, наиболее решающую роль будет играть все таки каталог. Правда, тот систематический каталог, с которым мы имели дело, в подавляющем большинстве осужден. Мы неоднократно слышали, что систематический каталог ни в коей мере не может служить орудием приближения книги к читателю. Перед нами стоит задача создания нового типа каталога, который мог бы выполнить задачу увязки читателя с книгой. Этот каталог должен быть рекомендательным. Мы должны твердо стать на путь выделения тех книг, за которые мы отвечаем и которые мы безбоязненно может дать читателю, учитывая, что они могут принести взвешенный и оцененный нами политпросвет эффект. Но сейчас не мы должны сделать поправку. Рекомендовать книгу неизвестную читателю вообще нельзя. Очевидно, что при построении нашего рекомендательного каталога мы должны прислонять этот каталог к определенной категории читателей, мы должны ориентироваться на определенную группу читателей. Отсюда возникает вопрос о построении систематического рекомендательного каталога целевого характера, рассчитанного на определенные конкретные группы читателей. Второй признак нашего рекомендательного каталога лежит в отказе от систематического каталога. Нужно окончательно стать на точку зрения замены систематического каталога, каталогом тематическим, предметным. Он должен давать ответ, что читать по таким то вопросам. Наконец, третий признак этого каталога—это, что систематический каталог (поскольку нам придется, очевидно, иметь дело с рядом каталогов) не должен быть в отношении рубрик чем то стационарным и застыть в определенные формы. Мы достигнем существенного эффекта только, если подойдем к этому каталогу, как периодически, непрерывно меняющемуся, чтобы те рубрики, которые сейчас имеют значение, завтра можно было устранить потому, что жизнь и конкретные очередные задачи должны выдвигать новые рубрики и необходимость пересистематизации наших книг в пределах этого каталога. В связи с предстоящим десятилетием годовщины всемирной империалистической войны, очевидно, наш рекомендательный каталог придется пополнить рубрикой, которая месяц тому назад не существовала, и которая может быть отомрет через несколько месяцев после проведения этой кампании. Таким образом, момент рекомендательности, момент типичности и предметности этого каталога и момент непрерывного изменения—эта задача, которая стоит перед нами как политпросветчиками. Уделив такое большое внимание рекомендательному каталогу, я отнюдь не хочу этим умалять и другие формы приближения книги к читателю. Я не хочу считать, что библиотечный плакат и выставка являются чем то второстепенным по отношению к каталогу. В связи с принятием рекомендательного каталога и плакат и книжная выставка не должны отмереть, а должны развиваться одновременно. Задача плаката

и выставки—дальнейшая конкретизация и выделение из каталога тех книг, которые являются наиболее ударными и существенными. Каталог будет воздействовать на разум читателя, тогда как плакат или выставка несомненно имеют существенный элемент эмоциональности и полезны, одновременно действуя и на разум, и на сознание наших читателей.

Как приблизить этот каталог именно к данной группе читателей? Я думаю, что ключ к решению этого вопроса лежит в дифференциации выдачи, в новом построении этого дела. Из всех участков нашей работы в библиотеке, проблема выдачи является той проблемой, которая наименее до сих пор интересовала библиотекарей. Сейчас нужно особенно тщательно отнестись именно к процессу выдачи, ибо здесь и лежит ключ к решению задачи обслуживания определенных групп читателей. В каждом отдельном случае нужно выделить те группы читателей, которые в данной библиотеке представляются наиболее важными и ударными. Это в значительной мере зависит от локальных условий. Если библиотека расположена в центральном районе города и не имеет крупного процента рабочих, то наши взоры должны быть устремлены на группы комсомольцев, рабфаковцев и совпартшкольцев. В других библиотеках с преимущественно рабочей клиентурой мы будем выделять другие категории читателей: ленинский призыв, школы ликвидации неграмотности и т. д. В каждом отдельном случае библиотека устанавливает и выделяет те категории, работа с которыми в данный момент и представляется наиболее существенной и ударной. Как провести эту дифференциацию. Это вопрос техники. Нужно отказаться от группировки формуляров всех читателей в одном ящике, как делается сейчас. Из этих ящиков нужно выделить и сгруппировать по социальному и по образовательному принципу отдельные категории наших читателей, прикрепив их к определенному библиотекарю и дать в руки этих читателей целевой каталог, построенный на удовлетворении запросов именно данной категории. Таким образом, мне мыслится дифференциация читателей и выдача. Это будет правильный подход к разрешению конкретной задачи сближения библиотекаря с вполне определенной группой читателей, имеющей целью изучать, с одной стороны, эту группу читателей, как социальную категорию, и, с другой стороны, проверить на практике целесообразность построения рекомендательного каталога, внести в него коррективы, основанные на изучении индивидуального читателя в пределах этой группы. Словом, этим путем разрешается целый ряд самых существенных задач в области библиотечной практики. Вплотную к этому вопросу примыкает вопрос самообразования в библиотеке. Для нас не секрет, что та работа в области организации самообразования, которая сейчас развивается во всех губерниях, не достигает еще положительных результатов, и не достигает не потому, что сама идея организации и постановка этой работы не хороша, а потому, что эта работа организационно оторвана от библиотек. Если построить ее на библиотечной базе, она значительно выиграет. Вопрос об организации руководства чтением должен войти в качестве одной из очередных задач в работу наших библиотек. Где она должна территориально уместиться—этого вопроса я предрешать не хочу, но думаю, что наши справочные столы, наши справочные отделы при библиотеках должны явиться теми базами, где будет сконцентрирована работа по руководству самообразовательной работой. Наряду с этим своевременно поставить вопрос о помощи само-

образованию. Если мы включим в наш рекомендательный каталог известную сумму книг, в пределах которых читатель определенной группировки мог бы черпать, что ему нужно, то мы можем эту задачу еще углубить, если поставим перед собой конкретную целевую рациональную постановку самообразовательной работы в библиотеке. Как это конкретно мыслится? Отдельные библиотеки и даже подавляющее большинство городских библиотек могут привлекать своих читателей к чтению книг по определенному циклу, к чтению книг по определенным спискам, основательно проработанным. Путем выработки этих списков, путем применения их к отдельным группировкам читателей мы можем установить целый ряд серьезных списков и каталогов.

Вопрос об организации читательской среды не входит в мой доклад, но мне кажется, что в данном пункте слишком ясно намечается увязка для коллективного чтения. Вопрос об организации и руководство планомерной и систематической самообразовательной работой в библиотеках должен развиваться именно в самой библиотеке. Только такой способ может гарантировать жизнедеятельность каждой библиотеки. Только этот способ приравнивается к определенным группам читателей, как по социальному признаку, так и по образовательному признаку. В эти кружки идут элементы приблизительно равноценные, приблизительно одинаково подготовленные и, следовательно, дающие основание рассчитывать на жизнедеятельность того или иного кружка.

Политико-просветительная работа в библиотеке идет организованно, а в подавляющем большинстве мы имеем дело со стихийной работой. Мы знаем в каждой библиотеке целый ряд фактов, когда библиотека уделяет много сил и внимания и средств на проведение кампании второстепенного порядка, упуская ряд кампаний, значение которых больше предыдущих. Мы знаем, что в значительной мере те или иные методы политико-просветительной работы в библиотеках зависят от индивидуальных склонностей.

Чтобы вплотную подойти к рациональному построению политико-просветительной работы в библиотеке, нужно иметь в виду и соответственное построение производственного плана в библиотеках. Построение работы на основании производственных планов является первоочередной задачей в деле правильного развертывания политико-просветительной работы. Здесь задача заключается в составлении материала для этой работы. Жизнеспособность каждой библиотеки будет определяться тем производственным планом, который будет создан в ее недрах при коллективных усилиях всего ее персонала. В основу производственного плана должны быть положены, с одной стороны, активная оценка политико-просветительных задач, с другой, совершенно конкретная оценка сил и ресурсов, которыми библиотека располагает и, наконец, правильное распределение этих функций и задач между теми силами, которые в данной библиотеке имеются.

Только в таком случае мы сможем отойти от традиционной фразы, что библиотека всегда занимается текущей работой, и добиться того положения, при котором каждая библиотека закрепит свое положение в смысле продвижения вперед, в смысле разрешения тех или иных конкретных политико-просветительных задач. Параллельно с вопросом о построении производственного плана в библиотеках должен стоять воп-

рос о пересмотре учета нашей работы,—именно о пересмотре формального учета, потому что иначе, как формальным, нельзя назвать тот учет работы, который мы производили—наши таблицы, отчетные сведения, отчетные бланки. Должен быть поставлен вопрос об учете не формальном, а целевом. Если мы не знаем, в каком направлении развивается политико-просветительная работа, то на основании отчетных планов мы имеем возможность судить, какова деятельность данной библиотеки,—положительная или отрицательная. Судить о значении книжного состава библиотеки о степени интенсивности и развертывания в ней политико-просветительной работы можно только на основании увеличения количества подписчиков. Но в общем и целом это еще не дает основания говорить о том, что данная библиотека работает хорошо, ибо в целом ряде случаев можно подходить не только с положительной меркой, но и с меркой отрицательной.

Каждое отдельное задание политико-просветительного характера, которое мы наметили в нашем производственном плане, немедленно должно сопровождаться заранее оформленной оценкой того подхода, который мы применяем в данном случае. Этот подход должен быть определенно зафиксирован нашим производственным планом. Все эти пути, о которых я говорил, в настоящее время только намечаются, только нащупываются. В этой области у нас нет никакой методики, никакой практики. Намечая вехи этой работы, мы должны поставить себе задачей, с одной стороны, подработать методику всех этих вопросов, а с другой стороны—постараться практически на живом опыте их проверить. Насколько практика покажет жизнеспособность этих моментов, за это я боюсь ручаться, но мне думается, что вехи, которые мною намечены, в известной степени будут способствовать или вернее помогут выйти из того методического тупика, в котором находится в настоящее время подавляющее большинство наших библиотек. (Апплод.).

После доклада тов. Виленкина заслушивается большой доклад тов. Троцкого „Ленинизм и библиотечная работа“. Доклад не помещен в „Трудах съезда“, так как он экстренно был выпущен отдельной брошюрой в количестве 30.000 экз. и разослан на места.

Утреннее заседание 4-го июля.

Заключительное слово И. Цареградского.

Товарищи, во-первых, я отвечу на записки. Есть ли какая-нибудь литература о массовой работе библиотек? Есть книжка Украинского Военного Округа „День книги в Красной армии“, есть книга Александра и Цареградского „Вечер книги“. В издании Ленинградского Военного Округа выходят „Материалы для клубной и библиотечной работы“, в них имеются частушки, пьесы, затем есть две пьески „Все за книгу“, есть пьеса „Библиотека ночью“ в Библиотечном сборнике ГПП, вып. II; Этого, конечно, недостаточно.

Товарищи пишут о том, что нужно создать методическую литературу о массовой работе. Конечно, нужно. Но только при участии вашем, только в том случае, если вы будете посылать материалы вашей работы этим товарищам, можно будет создать такую книжку. Я думаю, что материалы не должны создаваться только в центре. Мы имеем опыт в Москве, имеем целый ряд пьес здесь, но мне из Духовщины, уездного города, прислана пьеса, которая значительно лучше, чем те пьесы, которые фигурируют у нас. Я думаю, что создание нужной нам методической литературы должно идти по двум линиям: разработки теоретической—методистами и конкретного описания опыта непосредственно на местах, проявления инициативы рядовыми работниками.

Следующий вопрос—о методической работе летом и о работе в домах отдыха и т. д. Летом работа должна быть перенесена в сады [и на бульвары и т. п. Я об этом упоминал и лишь не конкретизировал. Насчет домов отдыха нужно Главполитпросвету проводить определенную политику, договориться с Наркомздравом. Я сам в прошлом году был объектом наркомздравского лечения. В доме отдыха в Сухуме я наблюдал, как больным пришлось читать Лескова, потому что лучшего ничего не было. Это, товарищи, недопустимо. Один товарищ пишет, что «день книги» хорошо провести с 1 по 15 октября, так как в деревнях в этот период кончается страдная пора. Я указывал, что лучше это сделать с 1 по 15 сентября, потому что в октябре рабочие начинают идти в библиотеки, но, конечно, это не окончательное предложение. В записках спрашивают, как провести ту или иную форму работы, напоминают, что я упустил сказать о кино и т. п. Товарищи волбиблиотекари меня упрекают, что я им не дал точного практического материала. Я думаю, что было бы плохо, если бы я построил так свой доклад. Мы здесь собрались говорить не о том, как делать плакаты, а о том, какую работу нам проводить в ближайшие годы, о тех уклонах, которые она должна принять,

наметить ее вехи, и я думаю, что это было сделано в докладе. Если бы я стал конкретизировать, указывать как использовать кино, общие собрания, волконференции и т. п. и перечислять все эти формы, то мне не хватило бы не только одного часа, но и целого дня. Узко-практические разъяснения несомненно не входят в задачи нашего съезда. И если товарищи этим интересуются, то их следует направить на курсы библиотечного дела или к соответствующей литературе—и там они найдут ответы на все свои вопросы.

Многие выступавшие в прениях вообще возражали против массовой работы. Выступает ряд товарищей и заявляет, что не надо нашей массовой работы, ибо книг нет. И в то же время они говорят, что они у себя устраивали живую газету, шествие книг и т. д. Зачем же вы сами устраиваете, если говорите, что не надо этого делать? А устраиваете потому, что библиотека ищет выход из нынешнего ее положения, потому что библиотекарь, который учитывает нужды массы, не может ужитья только в стенах библиотеки. Если вы сделаете список тех форм и того, что проведено нашими библиотекарями в СССР в деле внебиблиотечной массовой пропаганды, то этот список выйдет таким длинным, что из него можно было бы отпечатать мандаты на 2 библиотечных съезда. Если товарищи возражают, говорят, что всей этой работы не надо, то чем они объясняют, что библиотекари все больше и больше на этот путь становятся? Это происходит потому, что библиотечное дело, состояние общест-венности у нас развиваются. У нас в СССР ни одни только Голодаевки, Обираловки не меньше, чем Голодаевки. Сейчас покупательная способность массы организаций гораздо выше, чем 2—3 года тому назад. Я не говорю, что у нас деревня богата. Но я думаю, что это большой пессимизм,—считать, что деревня абсолютно нища. Мы, конечно, не можем со всех Голодаевки брать деньги, но в общем масштабе СССР у нас есть каналы, откуда можно черпать средства.

Здесь сейчас Госиздат устраивает выставку книг. На эту выставку и на празднование юбилея Гиза ассигновано—20.000 рублей. На эти деньги можно было бы организовать 200 библиотечек для Голодаевки. Когда вы говорите о Голодаевках, то надо помнить, что есть и Обираловки на подобие гизовской выставки. (Аплодисменты). Дело съезда сказать, что надо найти определенную равнодействующую, которая регулировала бы все такие расходы. Товарищ из ЦК железнодорожников говорит, что у них нет денег на библиотеки, вместе с тем ЦК железнодорожников съезду железнодорожников устраивает грандиозную профсоюзную выставку, которая стоит очень много денег. Коммунальщики заказывают 17 знамен (которые стоят 1.700 рублей)—тоже громадные деньги. Я думаю, что надо все эти средства направить в иную сторону. Пойдите в клуб соработников или Наркоминдела,—как они шикарно обставлены! Часть этих денег должна идти в деревню и к нам в массовые библиотеки. Тогда и Голодаевки будут обеспечены. А как заставить обратить внимание на библиотеки? Только тем, что библиотеки будут о себе заявлять. Как они будут заявлять? Только массовой внебиблиотечной работой. Вспомните, что говорит т. Троцкий: „Когда масса скажет—дай карту (и книгу также),—товарищи дадут“. Я уверен, что в общей сумме у нас в государстве, не в Наркомфине, а у различных организаций, средства есть и эти средства надо всеми силами выжать, а их можно выжать только массовой внебиблиотечной работой.

Теперь относительно работы в деревне. Я о деревне говорил, но очень немного. Те основные положения, которые я указывал—в общем—разве они не приемлемы для деревни? Установка на коллективы, реагирование на явления нашей общественной жизни—разве это не относится к деревне? Я говорил о волостных праздниках, о ярмарках, о церкви, о шествиях. Я все эти пути наметил, может быть, недостаточно широко и, может быть, недостаточно конкретно, но ведь это с'езд, а не курсы.

И последний вопрос—о книги для массовика. Мне подали ядовитую записку: «Укажите 30 книг для массового читателя». Во-первых, массовая работа идет по двум линиям. Мы не обслуживаем не только массу малограмотного крестьянства, но не обслуживаем и середняка. Я показывал это. На 6 с половиной миллионов организованного пролетариата—330.000 читателей. А в Москве 200.000 читающих на полтора миллиона жителей. Кто здесь не обслужен? Середняк тоже не обслужен. А для середняка у нас нет литературы? Есть, товарищи. Крестьянского середняка и деревенскую молодежь можно обслужить книгами. Наконец, и для малограмотных,—у нас нет минимума нужных книг,—но кое с чем можно орудовать. Есть она здесь в Москве, эта литература. А скажите, во скольких ваших библиотеках есть эта книга Гремяцкого «Первые люди на земле»? Или — «Германия», приложение к журналу «Долой Неграмотность»? Сколько у вас книг для работы с массовиком «Что должен знать каждый рабочий, вступающий в партию» и сколько у вас книг для молодежи Зиновьева «Что такое комсомол»? (голоса: «Нет»). Тем паче. Вы сами подтверждаете, что материальные предпосылки (книги) уже есть, ибо нужно, чтобы эти книги прочел каждый рабочий и комсомолец. Значит элементарные книги кое-какие есть у нас, но их нет в библиотеках. Поэтому нельзя так уж нажимать на то, что нет книг. Мы, товарищи, должны усвоить, что вопрос о приучении к пользованию книгой, а не только приближение книги к читателю (нужно сделать привычкой пользование книгой и посещение библиотеки), это—задача широко политическая, а не только культурническая. Если мы эту задачу не будем выполнять, мы не будем настоящими политпросветчиками. Тогда мы напрасно повесили здесь этот лозунг:—книгу в массы!

Заключительное слово А. Я. Виленкина.

Прения почти что миновали мой доклад и почти не коснулись тех практических предложений, которые мной были сделаны в смысле выпрямления линий нашей методической работы. Аудитория реагировала на мой доклад записками. В них есть общие вопросы и положения. Первый момент это то, что многие скептически относятся к отдельным моим предложениям на том основании, что я не подкрепил своих теоретических положений примерами из практики. . . Я указал, что те предложения, которые я имел сделать с'езду в своем докладе, может быть, недостаточно проработаны практически, что они скорее вехи, показывающие, в каком направлении нужно идти и как должна развернуться методическая работа библиотеки в будущем. Но я не хотел сказать, что мои положения носят чисто теоретический характер, и решительным образом настаиваю, что в целом ряде передовых библиотек практически намечаются

и разрешаются те проблемы, которые я здесь указывал (например, вопрос о постановке целевого предметного тематического рекомендательного каталога, предназначенного для определенных групп читателей). В этом отношении моя точка зрения сможет найти подтверждения, хотя бы на примере Иваново-Вознесенской библиотеки, которая работала по каталогу рекомендательного типа, который имеет свой совершенно специфический и новый уклон в смысле построения рекомендательного каталога на комплексной основе, т.-е. применительно к тем предприятиям, на которые работает данная библиотека. Не является теоретическим положением и вопрос о дифференциации читателей. Я, например, укажу на работу Кипермана на заводе в Ленинграде и попытку сделать центральную библиотеку коллектором в Костроме. Я здесь получил резкую записку, которая предостерегает меня, что я не должен злоупотреблять Гофманом. Я строил свой доклад на некоторых материалах, уже достаточно практически проработанных, я нащупал новую методику в библиотеке. Это служит доказательством того, что я не исходил непосредственно из Гофмана. И в данном случае мы имеем целый ряд русских работников, ищущих путей к обоснованию работы библиотеки, согласимся с Гофманом. Что значит злоупотреблять Гофманом? Мы злоупотребляли американизацией библиотек. Я думаю, если мы теоретически подойдем к Гофману и возьмем то, что нам пригодится при построении методики работы в библиотеке, то от этого предостерегать ни докладчиков, ни съезд не приходится. Мы должны всюду искать зерна той истины, которая может нам помочь наладить методику библиотеки.

Целый ряд записок уже подходит к этим проблемам с практической точки зрения. Ряд библиотекарей опасается, что работа по созданию тематических рекомендательных каталогов, приуроченных к определенным дифференцированным группам читателей, усложнит работу в библиотеке и что при том штате, который сейчас существует, эту работу осуществить нельзя. Я позволю себе не согласиться с точкой зрения этих товарищей. Я полагаю, что если мы установим целевую установку, если мы из всей читательской массы сумеем выделить такие группы читателей, занятия с которыми представляют для нас интерес, то это не только не усилит нашу работу, но даже и облегчит ее. Правда, в процессе создания такого рекомендательного каталога, в процессе чисто технического разграничения этих читательских групп нам придется затратить довольно много времени, пока мы сумеем справиться с этой работой. Но зато потом, когда эти группы будут выделены, когда такой каталог будет создан, мы значительно сократим нашу работу и тем возместим потерянное время, которое забрала у нас подготовительная работа. В данном случае опыт Германии, в частности, опыт гамбургских библиотек, ясно свидетельствует, что таким путем мы сумеем значительно облегчить и упростить нашу работу, что мы сумеем отдать значительно больше времени и силы на разрешение проблем методического характера, а не технического, что нас сейчас так заедает.

Затем были поданы записки, касающиеся вопроса: можно ли обойтись без такого систематического каталога. Я думаю, что в будущем, в идеале, наши политпросветбиблиотеки, вероятно, сумеют обойтись без такого каталога, но это будет только тогда, когда наши библиотеки будут состоять исключительно из книг, имеющих вполне определенное значение, как орудие политпросветработы. Но сейчас, я думаю, отка-

заться от такого каталога еще слишком рано, ибо он будет обслуживать те группы читателей, которые не представляют для нас непосредственного интереса. Это, с одной стороны, с другой стороны — такой каталог будет служить кладбищем тех книг, которые уже потеряли свое значение, потеряли значение активного орудия в нашей работе сегодня и которые, очевидно, в этом каталоге найдут свое успокоение. Но несомненно, что в идеале от такого каталога отказаться вполне возможно, но сейчас по целому ряду причин это сделать еще рано.

Я перехожу к вопросу, связанному с проблемой устной рекомендации книг. Против меня резко ополчился т. Балика, который построил свои возражения против меня, примерно, так, как Марк Антоний над трупом Цезаря говорил о Бруте. Сначала он сказал, что Брут — хороший человек, а потом стал его ругать. Точно также поступил т. Балика. Но к чему сводятся все его возражения? К тому, что я будто бы отрицаю необходимость устной рекомендации книг, что я отрицаю роль библиотекаря, как педагога. Но я совершенно ясно подчеркивал, что нашей очередной задачей является подготовка таких библиотекарей, на которых мы могли бы взвалить всю тяжесть и всю ответственность такой устной рекомендации книг. Однако, учитывая наличные кадры библиотечных работников, учитывая целый ряд других обстоятельств, как перегруженность работников, я не мог поставить этой проблемы с той решительностью, как это нужно было бы сделать, и вынужден был ограничиться паллиативным решением этого вопроса. Поэтому я поставил проблему механизации рекомендации книг. И т. Ривлин, который разъяснил это положение, был совершенно прав, когда говорил, что сейчас не может быть никакой речи об отказе от устной рекомендации книг, что я подошел к вопросу о механизации в силу тех обстоятельств, с которыми нельзя не считаться. Поэтому мне кажется, что возражения т. Балики, будто я убиваю устную рекомендацию, превращаю библиотеку в фабрику, может быть, с теоретической точки зрения совершенно верные, никакого практического значения сейчас не имеют.

В равной мере т. Балика был неправ, когда обвинял меня в том, что я не дал минимума политпросветработы для библиотек разного типа. Но я в общем не ставил своей задачей указание методов и формы работы для библиотек разного типа. Даже, наоборот, я предупреждал, что сейчас этого сделать не могу, ибо я только намечал вехи, по которым должна пойти эта работа. И уже дело местных библиотекарей подойти практически ко всем этим вопросам. Я полагаю, что на нашем Всероссийском съезде, еще рано было бы давать эти формы и методы, ибо к выработке их мы только подходим. Задача докладчиков на съезде заключается только в указании общих принципиальных положений, в указании вех и направлений, по которым должна развиваться работа в будущем. В деле выработки новой методики библиотечной работы мы должны только ограничиться констатированием неудовлетворительного состояния этой стороны нашей работы, а выработку этой методики мы должны возложить на наших библиотекарей в той работе, которая начнется после этого съезда.

Доклад В. Александрова: „Организация читателей“.

При всем обилии методических приемов в практике нашей библиотечной работы и работы внутри библиотек, самым основным в сущности является вопрос об организации читателей. Имеются отдельные попытки, отдельные интересные достижения, которые освещаются в „Красном Библиотекаре“, иногда мелькают и в „Книгоноше“, но это редкие отрадные факты. Подходя к этому вопросу, нужно все-таки отметить, прежде всего, что мы недостаточно глубоко вскрываем корни, почему опыт по организации читателей является печальным опытом. Это объясняется тем, что мы не учитываем общей политической ситуации, не учитываем обстановки, в которой работают библиотекари. У нас несомненно есть предпосылки к организации читателей. Тысячи примеров из жизни деревни, из жизни города говорят о том, что активность масс, активность рабочих и крестьян невероятно растет. Потребность в активной работе огромна. Яркой иллюстрацией может служить проведенная вчера конференция московских краткосрочных библиотечных курсов, которые на $\frac{3}{4}$ имеют волостных библиотекарей и на $\frac{1}{4}$ фабрично-заводских, выделенных на библиотечную работу. Конференция показала—насколько велика тяга к тому, чтобы взяться за какую либо общественно-полезную работу. Ленинский призыв является огромным показателем не только того, насколько велико доверие к коммунистической партии. Сейчас та работа, которая ведется с ленинским призывом, на ряде ярких фактов говорит—насколько активной сделалась рабочая масса. Письма, которые приходится получать Губполитпросвету от избачей,—ряд поездок в деревню показывают, насколько пробуждается и растет активность в среде крестьян, особенно деревенской молодежи. Из этих фактов нужно исходить. К лозунгу „Выполним заветы Ильича“, „Книгу в массы“, следовало бы присоединить лозунг, который бы подтвердила, что это необходимо проводить при участии самой массы и в первую очередь при участии читателей. Что должно являться базой для организации читательской массы? Необходимо возбудить общественное внимание к библиотеке, необходимо проводить организованно помощь библиотеке. Другая сторона вопроса это—задача выяснить содержание работы читательских объединений.

Перед библиотекой встает огромная задача объединения читательской массы не только на платформе материальной помощи, но еще на базе самообразовательной работы. Далее, организация читателей должна базироваться на каких то типовых организационных ячейках и в этой области существуют большие разногласия. О типовых организациях читателей, о типовых организационных ячейках резолюция недавней ленинградской библиотечной конференции говорит следующее: „Не предрешая характера структуры и содержания работы читательских объединений, целиком зависящих от местных условий, конференция считает, что развитие их в значительной мере зависит от энергии и общественной инициативы библиотеки“. С этим в общем и целом никто спорить не будет, но, подходя к вопросу практически, необходимо внести ясность в общие вопросы организации читателей. Организация читателей, строясь, с одной стороны, на широком охвате читательских масс, а, с другой стороны, имея в виду поднятие авторитета, создание атмосферы благожелательности, атмосферы содей-

ствия вокруг библиотечного строительства, привлекает ряд организаций и учреждений, в этом заинтересованных. Я полагаю, что идя этими двумя путями, организация читателей должна в основном сводиться к следующим трем типовым установкам: читательские кружки, библиотечные советы и общества „Друзей книги“. Имеется ряд промежуточных организационных форм, имеющих характер вспомогательный или переходный, но они совершенно не устраняют основных типов. Можно указать, на „клуб друзей красной книги“ в Пскове, на организацию кружков „друзей книги“ в Ленинграде. Москва дает интересный тип организации: районные коллективы комсомольцев, выделенных по работе с книгой. Эти комсомольские коллективы друзей книги, может быть, не вяжутся с теми типами, которые установлены в моем докладе, но если их рассматривать как организации переходного или вспомогательного характера, то несомненно от этого ясность схемы не затухает.

Перейдем к рассмотрению каждой из этих типовых ячеек. Организация читательских кружков должна быть той основной задачей, которая перед каждой библиотекой стоит во весь рост. От библиотеки для оценки ее работы требуются не только цифры о количестве читателей, но и сведения об активности читателей в отношении данной библиотеки. О направлении и содержании работы читательских кружков многие утверждают, что библиотека должна объединять читателей вокруг помощи библиотеке. Нужно бороться с тенденцией использовать членов кружка в области технической помощи б-ке, по преимуществу не нужно упираться на материальную помощь библиотеке. В этой работе нам нужно принять следующую установку: работа кружка должна быть двухсторонней: с одной стороны, помощь библиотеке, с другой — изучение книги и самообразование. Несомненно, могут быть различные вариации, но линия работы должна быть такова, что организуя читательскую массу в читательские кружки, мы должны взять установку на двухстороннюю работу: изучай, читай систематически книгу, научись ее пропагандировать, подносить читателю. Несмотря на то, что в тезисах моих отмечено, что кружки должны готовить работника с книгой, но не библиотекаря, мы должны однако, учитывать, что из одиночек нужно готовить библиотекарей. На этом вопросе остановиться нужно. Некоторые библиотекари не учитывают трезво тех половых и возрастных особенностей, которые имеются у членов кружка. Здесь надо учитывать, что в кружке состоят большей частью учащиеся второй ступени в возрасте 16—18 лет. Атмосфера учебн. возраста, который несомненно вызывает активность при интересной обстановке дела, может увлечь. Если члены кружка будут читать доклады о положении библиотечного дела в Америке и у нас, готовить доклады по книжкам Хавкиной, Покровского и т. д., то библиотекарь — руководитель впадает тут, конечно, в большую ошибку: когда пройдет этот мотент учебы, когда дороги молодежи разойдутся в разные стороны, эти доклады их не остановят и не задержат их в библиотеке. Здесь нужна большая осторожность, потому что часто товарищи, которые идут в библиотекари, благодаря чисто случайным причинам часто бывают не удовлетворены. Это объясняется объективными условиями, но зачастую тем, что они работали в читательском кружке и подпали под субъективное настроение библиотекаря. К вопросу о самом практикантстве отдельных товарищей из читательских кружков нужно подходить трезво и вдумчиво.

Я и т. Цареградский устроили совещание московских библиотекарей, которые могли бы поделиться опытом в отношении организации читателей и в отношении массовой работы библиотек. Что нам дал их опыт? Библиотекари говорили, что нужно употреблять все средства к тому, чтобы удержать читателей на лето в кружке. В работе читательских кружков замечаются большие ошибки и главная их причина та, что библиотекари являются слишком патриотами своего дела, отгораживают читательский кружок от других кружков. Так, например, многие б-ки указывали, что работа литературного кружка срывала работу кружка читателей. Перед кружком не нужно ставить слишком сложных задач, нужно ставить конкретные задачи, отнимающие немного времени для их выполнения, и делать увязку между читательским кружком и другими кружками, которые имеются в данном клубе. Наконец, о формах работы читательского кружка. Кружок должен выполнять работу по пропаганде книги и ее изучению. Формы работы, понятно, отличаются необычайным разнообразием. Нужно каждое задание, хотя бы в области библиотечной техники, интересно проводить, оживить скучную работу по библиотечной технике. Для этого достаточно посадить участников за большой стол и вести работу по принципу разделения труда. Далее, необходимо при организации кружка учесть, что библиотекарь не должен опираться на членов кружка только как на подсобный рабочий аппарат. Он должен их делать ответственными за отдельные работы, вовлекать в общую работу библиотеки. В некоторых кружках библиотекарь получает газету, надо читать так-то, так-то изготовить плакат и т. д. Несомненно, более правильный с педагогической точки зрения подход — это подход старшего товарища в работе. Библиотекарь не поучает, а советуется, давая свои соображения, помогает развитию самостоятельности, а не подавляет ее.

Еще один момент, который несомненно заслуживает внимания. В 99 проц. наших кружков мы не можем похвастаться тем, что мы выносим его работу за пределы данного предприятия и клуба. Обычно создается спаянный кружок, который и окружен частоклоном своей библиотеки. В области расширения базы своей работы есть некоторые интересные опыты в Москве, в Сокольническом и Рогожско-Симоновском районах, где членам кружка вменялось в обязанность ходить по близлежащим предприятиям и обследовать их библиотеки, направлять работу передвижек. Вынесение работы за пределы библиотеки, расширение работы дают больше достижений, чем та замкнутая работа, которая характеризует наши читательские кружки.

Перехожу к вопросу о составе кружков. Здесь определенно нужно сказать, что курс должен быть на молодежь. Отдельные отступления в ту или иную сторону допустимы, но они не могут изменить общей линии. Характерно, что некоторые библиотеки берут неправильный уклон в том отношении, что они слишком живо отзываются на возможности организации подростков. На экскурсии библиотекарей я имел возможность это наблюдать. Из 10 товарищей, которые давали информацию о читательских кружках, 7 объединяли возраст до 17 лет и только 3 — возраст выше 17 лет. Если говорить о сети читательских кружков и установке на определенные категории читателей, то мы должны объединить рабочую молодежь — середняка-читателя, у которого читательский интерес не вполне оформлен, в деревне же должны рассчитывать на активного

читателя. Здесь в значительной степени придется опираться и на подростка. Переходя к вопросу о типах читательских кружков нужно разграничить кружки самообразования, ведущие чисто самообразовательную работу, и кружки помощи библиотеке, которые ведут работу собственно помощи библиотеке, облекая ее в какие угодно разнообразные формы. Имея кружки помощи библиотеке и кружки самообразования, мы все-таки должны брать установку на то, чтобы кружки технической помощи вырождались в кружки среднего типа, которые вели бы двухстороннюю работу изучения и пропаганды книги. Ведь подчас бывают курьезные вещи. У нас в Москве, например, члены кружка являются самыми неаккуратными читателями, самыми непримерными читателями в том смысле, что они не читают по плану в системе, что они читают гораздо меньше, чем рядовой читатель. Это обычно — клубные, комсомольские работники, а тут еще работа в библиотеке, в которой они проводят свободное время. Библиотека их использует для проведения разного рода кампаний, проводит, быть может, чтение отдельных книг. Этого слишком мало, чтобы утверждать, что из читательских кружков у нас будут вырабатываться примерные читатели. Я считаю, что определенно назрела необходимость рассмотреть медаль с двух сторон — читательский кружок брать как комплекс пропаганды книги на ряду с ее изучением. Пусть это принимает какие угодно вариации, но принцип нам нужно положить в основу.

Как организовывать кружки? Тов. Клименко в докладе на ленинградской конференции указывает на „обрастание“ кружка. И в этом обрастании лежит залог его жизнеспособности. По моему, этот путь организации несомненно правилен, но не единственный и наряду с методом „обрастания“, методом индивидуального привлечения в читательские кружки. Должен быть еще другой метод, на котором останавливался т. Виленкин. Этот метод временной организации читателей вокруг какого-нибудь мероприятия. Например, на фабрике б. Альшванг, № 5, библиотека провела ряд мероприятий массового характера, которые дали возможность отстояться определенному ядру. Оно сейчас оформилось в кружок читателей. Здесь библиотекарь шел другим путем: не путем индивидуального привлечения, а путем организации массовых начинаний (организации уголка Ленина, массовой помощи в техническом налаживании библиотеки и т. д.). Переплет этих моментов несомненно является наиболее желательным, т. е., наряду с индивидуальным привлечением — проведение массовых начинаний.

Что же собой представляет читательский кружок в общей схеме организации читательской массы? Кружок — это ядро, это та ячейка, на которой должны базироваться библиотечные советы, и „общества друзей книги“. Это те низовые ячейки, которые должны быть проводниками пропаганды книги и облегчать библиотекаря его политпросветработу.

Перейдем к библиотечным советам. При всем моем старании найти какие-нибудь следы в области организации библиотечных советов и их функционирования, я не смог достать каких либо материалов. Нужно провести резкую грань между библиотечным советом фаб.-зав. библиотеки и библиотеки по сети Главполитпросвета. В то время, как библиотеки фабрик и заводов находятся в гуще рабочей массы, в котле общезаводской политико-общественной жизни, библиотеки Губполитпросветов обслуживают в большей степени служащих и учащихся, т.-е. категории читателей, которые трудно объединить на каком-нибудь конкретном

начинании. Они оторваны от производственной базы, от баз политпросветработы. Однако, при упорстве библиотекарей и при поддержке парторганов, эти библиотечные советы могут быть достаточно продуктивны в своей работе. Внимание партии после речей т. т. Крупской и Троцкого, несомненно, будет обращено на библиотечный фронт и мы должны этим воспользоваться, чтобы провести ряд энергичных мероприятий в области организации библиотечных советов. В библиотечных советах необходимо представительство партийных, профессиональных, комсомольских организаций, кооперации, которые заинтересованы в строительстве библиотечного дела. При центральных библиотеках должны быть представители губернских организаций, при фабрично-заводских библиотеках должны быть представители тех профессиональных и партийных организаций, которые имеются на фабрике и заводе. В мою задачу не входит рассмотрение мелких организационных вопросов в отношении библиотечных советов, но мне хочется дать схему: библиотечные советы должны ставить перед собой задачи не только привлечения внимания различных организаций в вопросы библиотечного дела, но также регулирование и увязывание работы кружков читателей по самообразованию и помощи библиотеке, нужно обращать внимание не только на вопросы материального снабжения библиотек, не только на вопросы укомплектования библиотеки но также и на помощь библиотеке в политико-просветительной работе, на работу тех кружков, которые организуются вокруг библиотеки. Все это должно входить в задачу библиотечного совета.

Перейдем, наконец, к обществу „Друзей книги“. Я ожидал, что тов. Троцкий в своем докладе бросит на библиотечном съезде клич: „Организуем общество „Друзей книги“. Тов. Троцкий прямо и конкретно этого вопроса не поставил, но я считаю, что каждый раздел его доклада говорит о необходимости создания такого общества. Товарищ Троцкий говорил: „Давите на центр в отношении издательства, выясняйте, какие книги нужны рабочим и крестьянам“. Но если библиотекари не будут опираться на широкую организацию читателей, они не смогут справиться с огромной задачей.

Читательские кружки и советы при библиотеках могут оказывать поддержку в этой области. Общество „Друзей книги“ организует общественное мнение, которое поможет двинуть вперед дело культурной связи города с деревней, поможет усилить культурное влияние города на деревню. Вопрос об организации общества „Друзей книги“ необходимо сейчас поставить потому, что имеется колоссальная активность рабочих и крестьянских масс, которую нужно облечь в какие то организационные формы. Не дает ли общество „Долой Неграмотность“, предпосылки для о-ва „Друзей книги“. Я сначала полагал, что рано ставить вопрос об организации о-ва „Друзей книги“, потому что у нас есть и о-во „Долой Неграмотность“, и „Доброхим“ и „Доброфлот“ и ОДВФ и о-во помощи детям Германии, и о-во „Друзей детей“ и т. д. и т. п.

Я думал вначале, что нам следует связаться с о-вом „Ликвидации неграмотности“, потому что оно ближе всего стоит к нам. Я внимательно просмотрел устав этого о-ва. О-во „Долой Неграмотность“, точно также как и ОДВФ и Доброхим, и другие подобные организации ставил своей целью пропаганду и оказание материальной поддержки, мы же должны несколько расширить наши цели. Ведь, всякий может быть чле-

ном о-ва „Долой Неграмотность“, если он только будет платить членские взносы и пропагандировать ликвидацию неграмотности. О-во „Друзей книги“ должно поставить себе более глубокие и широкие задачи. Необходима в работе о-ва „Друзей книги“ увязки с теми общеполитическими задачами, о которых достаточно подробно на XII партийном съезде говорил т. Сталин. Мне кажется, что все это выдвигает вопрос о необходимости о-ва „Друзей книги“ не только потому, что мы хотим помочь книгой другим обществ. организациям помочь в вопросах образования и культурного строительства в нашей стране, но еще и потому, что перед нами стоят гигантские задачи. Жмем с мест на центр в деле поднятия авторитета и значения библиотечного дела, увязывайте читателя с издателем и с писателем. Мне кажется, что это, первая огромнейшая задача, которая стоит перед нами. Поднять авторитет библиотеки создать атмосферу содействия и благожелательности к книге, вот что нужно сделать для того, чтобы легче было проводить и выполнять те огромные задачи, которые стоят перед нами. В „Книгоноше“ есть необычайно интересные статьи по борьбе с вредителями. Типографии творят книгу, а наши читатели уничтожают ее. Борьба с зачитываемостью, борьба с вредительством,—разве это не огромная задача, которую должен проводить библиотечный работник, опираясь на общество „Друзей книги“. Конечно, мероприятия административного характера—великолепная вещь, но только тогда, когда для этого определенной предпосылкой будет общественное мнение. Итак, борьба с зачитываемостью книги есть вторая основная задача.

Во всех докладах затрагивался вопрос относительно деревни, относительно шефства города над деревней, относительно продвижения газет и книг в деревню и т. д. Я полагаю, что с теми скромными силами и средствами, которые имеются в нашем распоряжении, мы не сумеем с этой задачей справиться, если мы не будем опираться на широкие общественные организации.

Далее, из Смоленска пишут, что очень трудно привлечь читателей к помощи библиотеке, но в то же время очень легко было сплотить читателей вокруг библиотеки под лозунгом помощи самообразованию. И этот момент необходимо учесть. Общество „Друзей книги“ ставит перед собой не только организационные задачи, но стремится научить читателя читать и пользоваться книгой. Конечно, в деревне задачи общества будут ограничены поскольку в деревне мало сил, и небольшой процент читателей. Но, для того, чтобы ячейки общества не приняли в деревне формального характера, необходимо их сгруппировать в компактные группы, ядром которых должны быть или ликпункты, политкружки, или кружки читателей. Член общества „Друзей книги“ должен активно участвовать в работе общества, в выполнении указанных задач. Не должно быть пассивных членов общества, ограничивающихся формальностью—уплатой членского взноса.

Активная помощь библиотеке, энергичная пропаганда книги, охрана ее—необходимые требования для каждого члена.

Примеры из области организации читательских масс показывают, что условия работы воспитывают в библиотечниках некоторую самостийность. (Это особенно дурно сказалось при спорах по вопросу об увязке библиотечной работы с клубной). Эта самостийность сказывается во мно-

гих наших мероприятиях. Как мы организуем читательские кружки? Конечно, сами. На ячейки РЛКСМ не опираемся. Есть ли увязка в работе с профессиональными организациями? Опирается ли библиотека в своей работе на ячейку РКП? Вот эта то самостоятельность страшно вредит нашей работе. Нужно опереться на парт. и проф. организации. Организации читателей должна предшествовать предварительная пропаганда на собраниях рабочих, на ячейке РКП и РЛКСМ. Чем шире организация читателей, тем активнее, тем больше мы должны опираться на партийные, комсомольские и профессиональные организации. Пример: в Витебске проводится „неделя книги“. Губисполком рассылает по губернии воззвание относительно помощи библиотекам. Конечно, это сыграло значение. Гусинская библиотека завоевала доверие, потому что она увязывает свою работу с работой кооперативной, с работой профессиональной организации. И вот и другие методы работы. В Армавире организуется общество „Друзей книги“. Никакой связи с Губкомом РКП и РЛКСМ. Сами библиотекари пишут воззвания, сами расклеивают по городу. Этот остаток земщины у нас имеется. Нужно оставить работу по этому методу, и если тов. Троцкий говорит, что мы бросаем крохоборство и делаем сейчас опыты в государственном масштабе, давайте в таком же масштабе проводить библиотечную работу. Линия наша в своей основе должна сводиться к следующему: нужно добиться активного участия партийных, профессиональных и комсомольских организаций в своей работе. Тогда организации читателей не будут сухими, формальными, мертворожденными организациями. Не формального представительства, а вовлечения в работу—вот чего необходимо добиваться на местах.

Бросая вам ряд соображений и требований, мы должны, прежде всего, обратить ряд требований к центру. Инструкции о сельских кружках, о библиотечных советах, которые приходили без активного вмешательства в это дело партии, останутся инструкциями и в жизни проводиться не будут. Съезд должен предъявить Библиотечному отделу Главполитпросвета требование, чтобы он поставил вопрос относительно ряда организационных и методических вопросов, связанных с увязкой нашей работы и издательской в тех организациях, которые руководят нашей политическо-общественной жизнью страны. Наши мероприятия без активных директив Центрального Комитета будут все.

Второе—нужно использовать самым широким образом нашу практическую библиотечную прессу и не только библиотечную, а политпросветскую для того, чтобы широко осветить вопрос относительно организации читателей. А места должны от общих фраз перейти к определенной системе увязки читательских кружков, проведению собраний, конференций, положить начало систематизации опыта, ввести организацию читателей в ряд плановых мероприятий. Дайте установку на расширение базы и более широкий охват. Если мы здесь сговоримся о том, что нужно провести в широком масштабе эту работу, то без накопления опыта центр, без сомнения, не сможет справиться с руководством в области организации читательской среды. Сообщайте о ваших достижениях, ширьте работу по организации друзей книги. Вы встретили аплодисментами предложение об организации всесоюзного дня книги. Пусть же всесоюзный день книги положит начало организации всесоюзного общества „Друзей книги“.

Заключительное слово В. Александрова.

Почему в читательских кружках мы берем курс на молодежь, а не на подростков, на пионеров и т. д.?

Мы должны держать курс на молодежь, как ядро комсомольской организации, не охваченное школой в своем большинстве. Относительно же пионеров вопрос особый и пионерские отряды должны вклиниться в наши детские библиотеки: там целиком реформировать работу, потому что в детских библиотеках слабо коммунистическое влияние. Дальше, очень интересный вопрос о работе кружков самообразования. „Как вы там, тов. Александров, поставите работу о самообразовании, если один хочет изучать обществоведение, другой—естествознание и т. д.?“. Здесь на помощь приходит та большая практическая работа, которую мы проделали в Москве. Необходим определенный книжный минимум. Необходимы директивные списки, необходим первый круг чтения. Путем обработки ряда материалов и их тщательной проверки выработали первый круг чтения для молодежи, состоящий из 25 книг и обнимающий 6—7 наиболее важных областей знаний. Эти книги и должны быть положены в основу самообразовательного кружка, который пытается объединить активную пропаганду лучшей книги и самообразовательную работу. Некоторые говорят, что мы ставим себе конкретные задачи помощи библиотеке; говорить о более широком—это значит—идти в область неизвестного. Я считаю, что мы откажемся самым решительным образом от этого консерватизма. Грош цена кружкам, которые будут ставить себе исключительно утилитарные задачи в отношении налаживания работы библиотеки.

Какова роль районной и центральной библиотеки при организации общества „Друзей книги“ и библиотечного совета? При фабриках и заводах этот момент легче разрешим. Если говорить об идеологическом руководстве, то мы должны указать, что оно должно идти по сети Главполитпросвета. Центральная библиотека осуществляет идеологическое руководство, при центральной библиотеке должен находиться центр, руководящий обществом „Друзей книги“, данной губернии. При районной библиотеке должен находиться центр, руководящий библиотечной жизнью данного района и объединяющий ячейки общества „Друзей книги“ данного района. Если возьмем в основу более или менее стройную сеть Главполитпросвета, то по линии этой сети должна осуществляться массовая организация читателей. Этим будет в значительной степени разрешена та путаница, которая имеется на местах, и доказательством этой путаницы служит записка из Кубани: „В Краснодарское библиотечное объединение, куда входят представители совпрофсоюзов и кооперации, должен входить представитель парторганизаций, его функции по преимуществу руководство“.

Нужен ли библиотечный совет, когда есть правление клуба? Прения по докладу тов. Сенюшкина уже лишний раз подчеркнули, что если библиотека не должна быть инструментом, то она должна иметь какие то права наряду с обязанностями. Библиотекарь должен быть членом правления клуба и представитель правления клуба должен быть членом библиотечного совета. Библиотечный совет имеет свои отграниченные задачи, которые можно выделить из задач правления клуба.

Об обществе „Друзей книги“. Вместо выступления я получил один документ: „По вопросу об обмене сообщаем, что во Владимирской губернии работает общество „Друзей книги“, которое руководит кружками, связано с „Доброхимом“ и т. д. и дальше в этой записке перечисляется масштаб работы. Еще более меня обрадовал один документ, который я сейчас очень кстати получил,—билет члена общества „Друзей книги“ при фабрике им. Воровского (бывш. Дедовская мануфактура),—членский билет, заключающий в себе правила обращения с книгой и устав, где говорится, что членами общества могут быть все рабочие фабрики и члены их семей. Не это ли широкий охват читателей и попытка (к сожалению, только в отдельных местах при фабриках и заводах) создания широкой массовой организации? Мы несомненно должны эти попытки развить, слить в широкую стройную сеть. Мы будем неустанно подчеркивать следующий момент: давайте нести книгу в массы, но помните, при этом об одном любопытном документе, присланном Ильичем в Библиотечный Отдел Наркомпроса, в котором сказано: „Привлекайте к работе в библиотеке само население“. Этот завет Ильича закрепляет и углубляет его завет „Книгу в массы“.

Вечернее заседание 4 июля.

Доклад Е. Ф. Проскуряковой: „Принципы комплектования библиотек книгами“.

Вопросы комплектования библиотек книгами являются вопросами очень старыми. Много говорилось по поводу комплектования, много писалось. Итоги общественной мысли по этим вопросам были подведены еще в 1911 году первым Всероссийским библиотечным съездом дореволюционного времени, и, однако же, собравшись сегодня на I-ом Всероссийском съезде библиотечных работников РСФСР, мы снова поднимаем эти вопросы и делаем это не случайно, не по ошибке, а вполне сознательно. Государственная власть перешла в руки рабочих и крестьян. Это обстоятельство дало возможность подойти к разрешению вопроса о комплектовании библиотек книгами с новой точки зрения. Многое из того, что я буду говорить, большинству из вас уже известно, но, тем не менее, говорить об этом нужно и вот почему. Нам необходимо подвести итоги своей точки зрения, точки зрения нового общества, новой России на этот вопрос. Нам надо в ясных, точно сформулированных положениях выявить свой взгляд на этот вопрос, запечатлеть его на страницах наших резолюций и закрепить его авторитетом съезда. Это будет подведением итогов современных течений в этом вопросе.

Каждому библиотекарю известно, насколько трудны и сложны вопросы комплектования библиотек книгами. В то же время эти вопросы величайшей важности, потому что книга является орудием работы библиотеки. Каково орудие, такова будет и работа. Трудность эта заключается в том, что нам приходится иметь дело с огромным количеством книг, вышедших в старые времена, с потоком книг, выходящих в настоящее время. И из этой массы надо выбирать небольшую часть книг, которые нужны для нашей современной работы. Трудность осложняется еще тем, что и библиотеки бывают разных типов, с разными задачами и читателями, для которых мы выбираем книги, также разнятся друг от друга. Да и денег у нас мало, приходится экономить каждую копейку, приходится обдуманно расходовать каждую из них.

Необходимо ясно себе представлять, что мы не можем иметь никакого готового, раз на всегда установленного плана, что здесь нам приходится лишь устанавливать вехи, руководящие принципы, которые бы послужили нам путеводными огоньками, освещающими трудный путь выбора книг для библиотеки.

Первый принцип—это вопрос—может ли библиотечная работа быть аполитичной? Общественное мнение дореволюционной эпохи разрешило

этот вопрос определенно. В резолюциях библиотечного с'езда, бывшего в 1911 году, говорится, что библиотека должна быть чужда каких либо политических тенденций. Этот принцип мы должны раз навсегда стереть с нашего знамени и поставить на место его другой девиз, именно: теснейшая связь нашей работы с борьбой трудящихся за переустройство общества на социалистических началах. Этот принцип мы должны окончательно утвердить и к разговорам о нем больше не возвращаться.

Библиотеки очень разнообразны и по своим размерам, и по своим задачам, разнообразны и по той части населения, которую они обслуживают. Поэтому комплектование их не может производиться одинаковым образом. В деле комплектования, мне думается, нам следует разделить библиотеки на три крупные категории, а именно: библиотеки научные; научные книгохранилища, которые имеют свои специальные задачи; библиотеки массового пользования, которые предназначены для обслуживания массового читателя; промежуточное место между ними занимают библиотеки, которые имеют своей главной задачей также обслуживание масс, но в то же время выполняют часть функций научных библиотек; такими библиотеками являются центральные губернские и уездные библиотеки. Эти три категории библиотек требуют каждая особого отношения с точки зрения комплектования их книгами.

Наиболее просто разрешается вопрос комплектования книгами первого типа библиотек—государственных научных книгохранилищ. Эти книгохранилища предназначены служить как бы государственными архивами печатной продукции; они предназначены собирать всевозможного рода литературные произведения, которые должны послужить материалом для научных исследований; необходимых в деле строительства новой жизни. Эти книгохранилища должны собирать всю продукцию, которая имеется. Вопрос о комплектовании научных библиотек не исчерпывается одним утверждением, что в эти библиотеки должно вливаться всякое печатное слово, но наш с'езд проходит под знаком массовой работы с массовым читателем, поэтому здесь не место дальше останавливаться на комплектовании библиотек научных и государственных.

Более сложно стоит вопрос с комплектованием библиотек второй категории, которая в основе своей имеет задачу обслуживать массы, но наравне с этим несет на себе также и функции научных библиотек (центральные губернские и уездные библиотеки, а также крупные городские и районные библиотеки). Нужно отдать себе отчет, какая работа ими ведется.

Эти библиотеки состоят как бы из двух частей. Одна часть—это основной ее фонд, неподвижный, стационарный фонд, а другая часть—это подвижный фонд, предназначенный, главным образом, для обслуживания всевозможного рода передвижек. Работа библиотеки с основным фондом складывается из работы читального зала и работы абонементов. Все эти функции библиотек должны иметься в виду при разрешении вопроса о приобретении тех или иных книг в их состав. Самой главной частью этих библиотек является, все-таки, рабочее, боевое ядро, которое предназначено для обслуживания масс. Оно должно освещать с возможно большей полнотой вопросы современности и давать знания, необходимые для строительства новой жизни. Однако, библиотеки этого типа не могут удовлетворяться одной такой работой, они должны обслуживать читателей самых разнообразных категорий, отличающихся друг от друга по степени обра-

зования, по характеру работы, которую они ведут: массовика, совпартшкольца, рабфаковца, лектора, агитатора, пропагандиста, вплоть до профессора. Ведь губернская библиотека является для многих местностей единственным книгохранилищем, где можно найти научную серьезную книгу, которая не имеет широкого распространения, которая нужна бывает сравнительно ограниченному кругу лиц, сравнительно не часто. Поэтому, заботясь в первую очередь и главное внимание обращая на пополнение рабочего боевого ядра, подвергая его всевозможной библиографической обработке в первую очередь, мы, тем не менее, не можем забыть и другой задачи, лежащей на этих библиотеках, а именно: иметь запас книг, необходимых для всевозможного рода научных справок, необходимых для всевозможных научных исследований.

Третий тип библиотек—это библиотеки массовые; они имеют определенные задачи обслуживать массового читателя, обслуживать рабочих и крестьян. Комплектование их должно производиться с особенной тщательностью; это наш боевой библиотечный фронт. Этот тип библиотек должен получить у нас наиболее широкое распространение. В то же время его комплектование сопряжено с наибольшими трудностями. Здесь приходится с особой тщательностью выбирать из массы книг те немногие, которые нам нужны для осуществления задач, лежащих на библиотеках этого типа. Каковы же эти задачи? Во первых, поднять общий уровень знаний трудящихся. Этих знаний у них недостаточно, а без них они не могут успешно осуществлять ту задачу по новому строительству, которая легла на их плечи. Необходимо, чтобы трудящиеся ясно сознавали стоящие перед ними задачи, как в области классовой борьбы, так и в вопросах социального строительства. Книжный состав библиотеки должен помочь библиотекарю прийти на помощь читателю освещением этой категории вопросов. Затем, необходимо в составе этих библиотек иметь запасы книг, которые помогли бы вести антирелигиозную пропаганду, помогли бы освободить трудящегося от пут, которые мешают ему в жизни. Отдел антирелигиозной пропаганды должен занимать в этой категории библиотек видное место. Комплектуя библиотеки этого типа, необходимо ориентироваться на производственные признаки. Мы должны помочь трудящимся овладеть своей специальностью в производстве, и для этого нужны соответствующие категории книг. Далее, мы не можем не воспользоваться тем свойством, которым обладает беллетристика, именно—способностью воздействовать на эмоциональную сторону.

В соответствии с этими задачами, сформулированными в общих чертах, и должно стоять комплектование библиотек книгами. Необходимо иметь в библиотеке книги по всем отраслям знания, но не каждая отрасль знаний является равноценной с точки зрения задач, стоящих перед библиотеками этого типа. Здесь приходится руководствоваться какими то нормами, дающими преимущество одним отделам и оставляющими в тени другие отделы. Есть попытки выразить количественное соотношение отделов в цифрах, но к этим цифрам надо относиться осторожно, потому что трудно еще установить точные цифровые соотношения отделов. Эти процентные отношения, которыми мы пользуемся, которые мы неизбежно себе намечаем, когда приступаем к покупке книг для своей библиотеки, имеют условное значение. Это не цифры собственно, а скорее намеченные вехи, выраженные цифрами. Но, тем не

менее, подход к цифровому обозначению соотношений отделов имеется, и не только в старых руководствах, но в современной библиотечной литературе, напр., в отчете о результатах работ конференции, бывшей недавно в Ленинграде. Здесь имеются ссылки на процентные соотношения, установленные в дореволюционное время, и процентные отношения современные.

Ясно, какие отделы должны пользоваться преимущественным вниманием. Это те, которые отвечают на самые насущные запросы трудящихся масс, как в их производственной работе, так и в строительстве нового социалистического общества. С этой точки зрения ясно, что отдел обществоведения должен занять видное место, а отдел филологии может почти отсутствовать.

Не случайно, не стихийно должны мы пополнять данную библиотеку, но по определенному плану, заранее продуманному, в котором каждой отрасли знания должно быть отведено надлежащее место. Если комплектуется уже существующая библиотека, то нужно исходить из наличности, при подборе книг для массового читателя, приходится обращать внимание не только на научное значение книг, но также и на то, о чем они говорят, и как они говорят, затрагивают ли они нужные для массового читателя темы и достаточно ли популярно они их излагают. Необходимо также подойти к оценке книг и с точки зрения их идеологии. В этом отношении особенного внимания к себе требуют отделы обществоведения и истории, религии и философии.

Какие надежды возлагаем мы на отдел обществоведения, чего думаем мы достичь в своей работе с читателем при помощи книг, входящих в состав этого отдела. Нам нужно помочь читателю сделаться сознательным гражданином, нужно научить его разбираться в текущих событиях, понимать то, что происходит близко около него и что происходит во всем мире. Для того, чтобы вести строительство нового общества ему необходимо понимать, как же идет развитие общества, необходимо понимать свою роль и значение в том классовом обществе, в котором он живет. Имея ввиду эти руководящие идеи, необходимо этот отдел пополнить лучшими и наиболее доступными для внимания книгами, рассматривающими вопросы об обществе, экономические и исторические вопросы с пролетарской, с марксистской точки зрения. Кроме того, этот отдел должен также помогать библиотекарю вести работу в соответствии с различными ведущимися сейчас кампаниями. Поэтому он должен включать в себя и литературу по современным ударным кампаниям. Религиозный отдел старого времени должен быть заменен отделом антирелигиозной пропаганды. Что касается философии, то этот отдел должен отражать материалистическую идеологию.

Есть еще один довольно сложный вопрос при укомплектовании книгами библиотек этого типа—это вопрос о роли беллетристики. Беллетристика всегда занимала в библиотеках видное место, причем на нее смотрели и как на легкое чтение, заполняющее досуг читателя, и как на приманку читателя в библиотеку. В настоящее время у нас к беллетристике должно быть несколько иное отношение. Художественная литература говорит о тех же вопросах, как и наука, но только другим языком, языком образов, который понятен каждому, также и лицам, не привыкшим к отвлеченному мышлению. Он не требует напряжения внимания со стороны читателя, но сам завладевает им. Благодаря этому многие све-

дения и понятия через беллетристику становятся доступным, читателям и не привыкшим к отвлеченному мышлению. Мы подходим к беллетристике, как к фактору социального воспитания. Мы полагаем, что она не должна занимать главного места в б-ке, но она имеет свои определенные задачи, и определенное, хотя не первое место, в боевом ядре. В прошлом многое писалось и трактовалось по отдельным вопросам, связанным с книгами беллетристического содержания. Беллетристика должна затрагивать темы понятные и близкие трудящимся, и в идеологическом отношении не находиться в противоречии со всеми остальными отделами библиотеки. Конечно, из беллетристики должны выбирать наиболее художественные произведения. Мы делаем в том отношении отбор. Но если перед нами стоит вопрос: художественное произведение, но не ценное по своей идеи, мы можем от него отказаться. Может быть и обратное положение, когда произведение не первокласное по своему художественному значению, но оно ценно по своей идее. Недостаточная художественность еще не есть основание к тому, чтобы это произведение не включать в состав библиотеки. Допускаем мы и сокращенные издания художественных произведений, конечно, если сокращения сделаны грамотно и не искажают сути произведения.

Вопрос о классиках. Не следует пополнять библиотек полными собраниями сочинений классиков, как бы они ни были ценны в историко-литературном отношении. В состав библиотек рассматриваемого типа должны войти лишь избранные произведения и, по возможности, в современных изданиях. Необходимо также иметь произведения пролетарских писателей, как писателей, которые затрагивают близкие к нам темы. Необходимо иметь хороший и обширный подбор беллетристики на социальные темы. В библиотеках этого типа имеет значение не только содержание книги, но также и доступность ее изложения. Поэтому не следует увлекаться высокоценными в этом отношении произведениями, но мало доступными для широких кругов, потому что они будут стоять мертвым капиталом на наших полках.

Нельзя комплектовать библиотек по шаблону. Каждая библиотека требует к себе внимательного отношения для выявления тех особенностей, которыми она отличается и которые оказывают влияние на подбор нужных ей книг. Поэтому все принципы, перечисленные выше, являются лишь вехами, по которым библиотекарь будет пробираться по безграничному морю книг. Необходимо придерживаться принципа индивидуализации библиотек, — придерживаться не только на словах, но возможно тщательнее, возможно глубже проводить его в действительности. Сущность принципа индивидуализации ясна. Приступая к наполнению библиотеки книгами, вы предварительно изучаете как наличный состав ее читателей с разных точек зрения, так и район ее деятельности с точки зрения состава населения, распределения его по роду занятий, его культурного роста, наличия культурных учреждений и т. д. Только имея эти данные в руках, только представляя ясно тот план библиотечной работы, который вы предполагаете вести, вы можете не вслепую, а сознательно остановить свой выбор на тех или других книгах. Комплектуя библиотеку для массовых читателей, нам приходится видное место отвести и ориентации на производственный признак. Наряду с вопросами, которые представляют жизненный интерес для всех категорий трудящихся, есть некоторые, которые имеют преимущественное значение для одной категории трудящихся и меньшее

для другой. Я говорю о литературе, которая особенно важна для рабочих, о литературе, которая имеет преимущественное значение для крестьян. Если мы комплектуем библиотеку рабочую, то в ней особое внимание должно быть посвящено вопросам особенно близким этой группе читателей. К числу таких вопросов относятся вопросы о профсоюзах, о зарплате, об охране труда, о страховании, вопросы истории профдвижения в России и за границей. Здесь важна область электротехники, область механики, изучение машин, изучение инструментов фабричного производства, ремесл, строительное дело, интересны всевозможные справочники, предназначенные для рабочих, журналы по профдвижению и т. п.

В библиотеках, обслуживающих крестьянские круги, на первое место выступают вопросы земельные, вопросы земельной политики советской власти, вопрос о советском законодательстве, о страховании, вопросы сельско-хозяйственные. Приходится также ориентироваться на особенности района с точки зрения хозяйственной.

Один из видов массовой библиотеки — это передвижки. Комплектуя их, следует руководствоваться теми же соображениями, как и вообще при комплектовании библиотек массового читателя. Но передвижка имеет еще и свои особенности. Этот тип библиотек, пожалуй, требует к себе сугубой индивидуализации, сугубого изучения и внимания к той группе читателей, куда направляется передвижка. Обыкновенно она обслуживает меньшие группы и при том группы однородные. Поэтому она может ближе подойти к удовлетворению интересов и запросов своих читателей. Комплектуя передвижки, мы должны особенно вдуматься: кому мы посылаем их, для чего посылаем и кто ими будет руководить. И здесь, конечно, производственный признак тоже должен занять первенствующее место.

Теперь вопрос о комплектовании волбиблиотеки. Ее можно считать, как бы библиотекой массового читателя, как бы 2-й ступенью. Она более крупна по составу и обслуживает более обширный район. В этом обширном районе имеются различные категории, различные группы читателей. Этот район может быть различен и по своим природным богатствам, и по тому производству, которое в нем имеется. Благодаря этому, комплектование этих волбиблиотек является более сложным. Основу составляет то боевое книжное ядро, при помощи которого библиотекарь ведет свою основную работу с массовым читателем. Необходимо в основу комплектования положить изучение района деятельности библиотеки с точки зрения его географических условий, климата и природных богатств, состава населения, рода его занятий, наличности сети культурных учреждений и наличности культурных сил.

Таким образом, комплектованию волостной библиотеки должно предшествовать тщательное, всестороннее ознакомление с тем районом и с теми группами населения, которые эта библиотека призвана обслуживать. Со стороны идеологии книжного состава волбиблиотека должна находиться в таком же положении, как и вообще библиотека массового типа. Однако, в этих библиотеках необходимо иметь некоторый запас книг, который не подлежит широкому употреблению, но который нужен для местных агитаторов, для приезжих агитаторов, который нужен для пропагандистской и агитаторской работы, а также и для научной работы лекторов и других местных работников по просвещению. В этих библио-

теках приходится иметь некоторый запас книг, который стоит вне рабочего боевого книжного ядра и является запасным фондом, нечто вроде того фонда, который имеется в центральных губернских и уездных библиотеках, но меньшего размера. Задача этого комплекта книг—давать справки для местных работников, ведущих научную, преподавательскую, лекторскую, пропагандистскую и агитационную работу. Комплектуя вол-библиотеки книгами, не нужно забывать о лежащей на ней обязанности связывать свою работу с ведущейся местной политико-просветительной работой всех видов.

Библиотека должна находиться в контакте с прочей политпросветской работой данной местности и должна использовать ее с точки зрения обслуживания этой местной политпросветработы, ведущейся независимо от библиотеки, с одной стороны, а с другой стороны,—в целях интенсификации своей собственной работы. При нашем разноплеменном составе населения необходимо выдвинуть и никогда не забывать того обстоятельства, что в местностях со смешанным населением нужны книги на языке тех народностей, которые населяют данный район. Здесь встает вопрос о работе среди нацмен.

Имеется достаточное количество принципов и руководящих идей, но тем не менее библиотекарю очень трудно выбрать нужные книги. Книг так много, что нет возможности все их изучить, да и такое изучение не всегда было бы продуктивным. Если бы библиотекарь и ухитрился прочесть все эти книги, то он, все же, может быть, не сумел в них разобраться и их оценить. Поэтому библиотекарь не должен надеяться только на свои силы. Помощь ему в этом деле окажет библиография. С одной стороны, библиографические журналы и отделы библиографии в общих и специальных журналах и газетах, с другой—специальные указатели. Сюда же могут быть отнесены и некоторые программы по самообразованию. Я все же предостерегаю библиотекарей и советую им не полагаться всецело на библиографию. Библиография—библиографией, но сам библиотекарь должен не плошать, должен относиться к этой библиографии критически и лишь пользоваться ею для своих целей.

Если мы обратим свое внимание на наличный запас книг в библиотеках Республики, то мы увидим, что этот запас во многом не удовлетворяет требованиям, которые мы хотим к нему предъявить. С тем наличным запасом книг, который у нас есть, мы не можем в достаточной мере развить своей работы. Поэтому встает вопрос о пересмотре книг. Как этот пересмотр вести я говорить не стану, ибо по этому поводу имеется специальная инструкция Главполитпросвета. Единственный вопрос, которого я коснусь, это вопрос об отношении к тем книгам, относительно которых несмотря на наличие инструкции, остается неясность: подлежат ли они исключению или нет. Те книги, относительно которых положения инструкции совершенно ясны, подлежат безусловному исключению. Что же касается тех книг, относительно которых существует неясность, то изымать их не следует, потому что они могут еще когданибудь понадобиться, но все же следует отодвинуть эти книги на задний план, на задние полки, в заднюю комнату, оставить их в загоне, а все свое внимание и всю энергию при работе в библиотеке направить на то боевое книжное ядро, которое важно для текущей современной работы. Таким образом, мы, с одной стороны, книги, взятые под сомнение, сделаем безвредными, а с другой стороны—мы их сохраним на

тот случай, если бы они нам почему либо понадобились или когда для нас станет совершенно ясно, что они подлежат безусловному изгнанию.

В настоящее время библиотеки снабжаются почти исключительно из центра, из коллектора Главполитпросвета. Мне приходилось слышать мнение мест, что они предпочитают получать не книги, а деньги на их приобретение. Мотивы, которые при этом приводились, сводятся к тому, что при централизованном снабжении библиотек очень часто библиотеки получают книги, может быть, и хорошие, но для них совершенно не нужные. Кроме того, при помощи самостоятельного комплектования можно будет избежать получения 2-х и 3-х экземпляров одной и той же книги, что сейчас имеет место. Это происходит от того, что в настоящее время книги поступают в библиотеки из разных мест. Не только коллектор присылает книги, но очень часто и Губоно, и Губпрофсовет передают в библиотеки те или другие книги и журналы. Я, все-таки, думаю, что отказаться от централизации в настоящее время нельзя, ибо она дает возможность производить оптовые закупки, а также делать закупки непосредственно от издателей, в результате чего получается большая экономия. Кроме того, при централизации сокращаются накладные расходы по пересылке. Наконец, при централизации является возможность оказывать влияние на книжный состав, ибо нам известны много случаев того, как места оказываются очень часто беспомощными в деле пополнения своих библиотек нужными книгами. Они не имеют возможности разобратся во всей массе книг, так как у них нет необходимых пособий. Они, попросту, недостаточно вооружены для того, чтобы производить эту работу хорошо. Кроме того, места иногда поручают закупку книг в центре лицам, которые недостаточно компетентны в этом деле. Поэтому мы вынуждены поддерживать и сохранять дальше такую централизацию. Однако, эта централизация должна существовать не в том виде, как она осуществлялась в старое время Центропечатью, а в настоящее время коллектором Главполитпросвета. Нельзя забывать принципа индивидуализации комплектования библиотек. Мне думается, что нужно будет говорить не о централизации снабжения, а о централизации закупок. Будут ли эти закупки производиться коллектором или каким-нибудь другим органом, я сейчас этого вопроса не предreshаю. Весьма возможно, что наряду с коллектором придется создать специальный центральный закупочный орган, который будет изучать книги с точки зрения библиотечной, с точки зрения, которая нам нужна для целесообразного пополнения библиотек. Этот центр будет тем справочным местом, к которому будут обращаться места, когда перед ними встанет вопрос о комплектовании своих библиотек.

Заканчивая свой доклад, я вношу на заключение с'езда вопрос о создании такого центра, где производилась бы работа, которая помогла бы библиотекарям ориентироваться в книжной продукции и помогала бы им пополнять библиотеки теми книгами, которые необходимы для работы в соответствии с запросами современности.

Заключительное слово Е. Ф. Проскуряковой.

Мне хотелось бы ответить т. Балика на то, что принципы комплектования следовало бы дополнить более детальным рассмотрением ком-

плектования каждого из отделов, входящих в состав массовых библиотек, и указать детально темы их, характер развития тем в данных книгах. Я соглашаюсь, что это было бы гораздо более полезным развитием темы доклада. Было бы в высшей степени интересно на реальных определенных книгах показать, как эти принципы следовало бы воплотить в жизнь. Но я этого не сделала, потому что уложить это в 40-минутный доклад невозможно.

Как производить комплектование книг, раз в распоряжении библиотекаря не имеется никаких библиографических сведений, ни библиотечных пособий? Если он ничего этого не имеет, и, может быть, даже перед глазами не имеет и книг, из которых он мог бы пополнить свою библиотеку, то произвести хорошо укомплектование он не может. Предполагая, что в таком положении находится большинство библиотекарей в провинции, я и выдвигала предложение о создании руководящего центра, где бы эти списки разрабатывались, и куда бы каждый библиотекарь мог обратиться в каждом отдельном случае за нужными разъяснениями.

Поступила записка о том, что недостаточно развит взгляд на беллетристику, что она может заменить научную книгу. Нисколько беллетристика научной книги заменить не может. Это первая ступень к научной книге, потому мы ею так и дорожим при работе с массовым читателем. Беллетристика является фактором социального воспитания — это ее главное значение, а не источником научных знаний.

Одна записка говорит, что не должно быть в составе каталогов библиотек отдела религии. — Это вопрос точки зрения. Я думаю, что этот отдел должен быть, но он должен пополняться соответствующей литературой, которая борется с религией, а не распространяет ее.

Вопрос о перекомплектовании библиотек. На этом вопросе, мне кажется, я тоже останавливалась, когда говорила о том, что нужно, в сущности, не изымать огульно и не вникая массу книг, которые кажутся ненужными в данный момент для библиотеки и вообще неуместными в массовой библиотеке. Я говорила, что нужно не столько изымать книги, сколько из имеющихся запасов отбирать самые нужные книги и на них сосредоточивать свое внимание в смысле пропаганды их среди читателей, в смысле работы с ними. В сущности, вопрос о перекомплектовании в том и состоит, что из всего запаса библиотеки вы выделяете активную часть, оставляя все остальное в архиве библиотеки, оставляя его до поры до времени лежать.

Интересное начинание указано в записке группы вятских делегатов по вопросу о внесении коррективов в центральную разверстку книг по библиотекам. Эта центральная разверстка приводит к тому, что принципы комплектования часто нарушаются. В записке охарактеризован тот способ, который практически у них применяется. Низовые библиотеки составляют списки желательных для них книг. Эти списки направляются через уполитпросвет и губполитпросвет в Главполитпросвет и там принимаются во внимание при снабжении книгами коллектором Главполитпросвета. Кроме планового снабжения производится также и внеплановое снабжение по отдельным запросам. Товарищи, вятские делегаты на этот способ и указывают. В одной из записок указывается на то, что из коллектора рассылаются книги, которые подлежат изъятию. Вероятно, это был простой недосмотр.

В записке спрашивается, в каком процентном отношении должна быть скомплектована передвижка для массового читателя. По отношению к передвижке мы не можем дать процентного отношения. Передвижка комплектуется для данной группы, которой и определяется состав передвижки. Далее, в одной записке говорится, что необходимо создание твердого списка, чтобы не было шатаний и местного произвола. Таких твердых списков мы дать не можем и это не в интересах библиотек. Некоторые директивы, которые дают возможность ориентироваться библиотекам, конечно, возможны и масса книг останется вне таких твердых списков.

Следует ли в рабочих библиотеках иметь Коран и Евангелие? Инструкция Главполитпросвета эти книги допускает в библиотеки, но я лично считаю, что им не место в религиозном отделе массовых библиотек.

Имеется запрос, какой взгляд центра на книги Рубакина, Бельше и Лункевича. Я могу сказать только мой взгляд. Это — вопрос, который, мне кажется, останется пока неразрешенным окончательно. Все признают, что книги Рубакина имеют много дефектов. Но они имеют также много достоинств, и книг с аналогичными достоинствами, но без этих дефектов, еще не появилось. Поэтому, приходится пользоваться этими книгами, принимая во внимание эти достоинства и доступность их для широких кругов. Я лично Лункевича не поддерживала бы, а поддерживала бы Рубакина.

Дальше, говорится о том — „почему я думаю, что современный читатель любит читать про близкую и знакомую страну; возьмите подростков, они просят романов и приключений“. Я думаю, что в настоящую эпоху государство может взять на себя заботу о пополнении библиотек теми книгами, которые нужны рабочему и крестьянину именно для его труда и для его борьбы, а не для его развлечения. Вот с этой точки зрения и приходится нам в беллетристике делать строгий выбор и установить ценность книги с точки зрения интересов борьбы и труда.

Было высказано пожелание о более детальной разработке, о более, может быть, конкретной разработке тем, такой разработке, которая бы помогла библиотекарю действительно уже взять книги по определенной отрасли знаний и из них по темам уже выбрать наиболее нужные. Эти замечания я принимаю.

Еще один вопрос, который бы я хотела оттенить, — это вопрос о том, что при комплектовании библиотек книгами, конечно, необходимо участие самого библиотекаря. Необходимо потому, что он ведет работу с читателем. При составлении на месте списков для пополнения, кроме библиотекаря, нужно и участие голоса самого читателя.

(Окончательно устанавливается порядок работы секций съезда, 5 июля происходила работа всех секций, — материалы см. ниже).

Утреннее заседание 6-го июля.

Доклад Е. Н. Медынского: „Подготовка и переподготовка библиотечных работников“.

Первой задачей библиотеки является политическое просвещение, пропаганда коммунистических идей, пропаганда ленинизма. Я бы сказал больше: не первой, а единственной задачей библиотеки является пропаганда ленинизма, если под пропагандой ленинизма понимается не только несколько уголков и плакатов о жизни и деятельности Владимира Ильича, но ставить вопрос шире, как ставил его сам Владимир Ильич на 3-м съезде РКСМ.

На этом съезде Ленин говорил, что учиться коммунизму, это значит — впитывать в себя всю сумму человеческих знаний, усваивать все, что человечество выработало в течение своей истории. Что же большего может дать библиотека? Ее задача ведь — тоже давать всю сумму человеческих знаний.

В той же речи Владимир Ильич говорил, что впитать всю сумму человеческих знаний без разбора, без критики — недостаточно. Учиться коммунизму, это значит — относиться к этим знаниям критически и взять из них только то, что полезно в борьбе за коммунистический строй. Таким образом, и второй момент правильной образовательной и научной работы — критическое отношение к окружающему — был выдвинут Лениным.

Наконец, Владимир Ильич выдвинул и третий момент: надо учиться не пассивно, нужно всю сумму человеческих знаний (критически отобравши из нее нужное) брать, участвуя одновременно в борьбе за коммунистический строй, сливая в одно целое образование и работу, учение и дело.

О том же говорил на нашем библиотечном съезде тов. Троцкий, определяя культуру, как знание окружающих условий для того, чтобы изменить эти условия.

Если мы так подойдем к термину „ленинизм“ и скажем, что единственной задачей библиотеки является пропаганда ленинизма, ни у кого не явится мысли, что мы суживаем задачи библиотеки.

Наоборот, эта задача, пропаганда ленинизма, для библиотеки слишком широка; одни библиотеки с нею не в состоянии справиться — это задача всех видов политпросветработы.

Отсюда вытекает первейшая, самая главная задача подготовки библиотекаря: широкое политическое образование его.

Вторая задача подготовки библиотечных работников—ориентировка во всех видах политпросветработы. Эта ориентировка необходима для того, чтобы библиотека не работала изолированно, чтобы она была тесно связана с работой клубов, изб-читален, школ взрослых, аудиторий и т. д. Наконец, и в самой библиотечной работе приходится прибегать к драматической работе („день книги“, пропаганда книги, лекционная беседа по поводу прочитанного) и т. д.

Третьей задачей подготовки библиотечного работника является специализация в технике и методике библиотечной работы. До революции, когда внешкольная просветительная работа стояла слабо, обращалось преимущественное внимание на технику. Теперь главное внимание должно быть обращено на методику—пропаганду книги, изучение ее, изучение читателя, руководство чтением и т. д.

Библиотекарь должен быть работником не только в маленьком мире своей библиотеки. Он должен принимать участие в общем строительстве библиотечного дела, почему ему необходимо знакомство с организационными вопросами.

Таковы три главнейшие и достаточно широкие задачи подготовки и переподготовки библиотечных работников. Политическое просвещение, изучение различных видов политпросветработы, изучение организационных вопросов, техника и методика библиотечной работы.

Как же обстоит дело в действительности? Между этими заданиями и действительной жизнью наблюдается пока большое противоречие, и я едва ли ошибусь, если скажу, что 70—80 проц. библиотекарей мало подготовлены к современной работе. Не говоря уже о безграмотности политической, наблюдается очень слабая подготовка даже в наиболее легкой отрасли—библиотечной технике. В 1920 г., в рабочей библиотеке Растяпинских заводов (бл. Нижн.-Новгорода) мне пришлось наблюдать такую своеобразную классификацию: 4 отдела; три из них уделены беллетристике, причем в первый включены, между прочим, Пушкин, Вербицкая и Оскар Уайльд; во второй—Жуковский, Гоголь и Жюль Верн, и т. д.; в четвертый отдел—все книги научно-популярные.

Такую же безграмотность, с точки зрения библиотечной техники, пришлось мне наблюдать в Осеевской библиотеке, Шадринского уезда, в 1922 г. Как в XVI—XVII веках учителем был человек просто грамотный, так и теперь достаточно часто умения читать и писать, чтобы занимать должность сельского библиотекаря.

Что делается в настоящее время в РСФСР для подготовки библиотекарей?

Мы имеем библиотечное отделение ленинградского института политпросветработы, дававшее в этом году первый выпуск в 20 человек, имеем московские высшие политпросветительные курсы с выпуском, примерно, тоже в 20—25 человек. Это—единственные хорошо поставленные ВУЗ'ы, занимающиеся подготовкой библиотечных работников. Дальше, мы имеем уже несравненно более слабо поставленное библиотечное преподавание нижегородского педагогического института. При педтехникумах мы только собираемся вводить эту подготовку. Что же касается переподготовки, то вы сами, вероятно, знаете, какой случайный характер она носит.

Необходимо подготовку и переподготовку библиотечных работников связать с жизнью, внести в нее планомерность.

Нарисуем, начиная сверху, такую систему. Нам нужны кадры работников, которые могли бы разрабатывать вопросы библиотековедения, служить руководителями в подготовке библиотечных работников Республики, нужны работники высшей квалификации. Таких работников предполагается готовить в институте библиотековедения (на высших библиотечных курсах). Библиотечный отдел Главполитпросвета выработал 2 варианта института; двухгодичный и годичный. В двухгодичном предполагается первый год сделать общим, а второй разделить для работников академических и работников политпросветительных библиотек. Я не имею здесь возможности зачитывать учебный план, замечу лишь, что он уже выработан Библиотечным отделом Главполитпросвета. В число студентов института библиотековедения предполагается принимать только лиц с хорошей политической подготовкой, а именно окончивших коммунистические ВУЗ'ы.

Вторая ступень сверху, это — педвузы, — внешкольные или политпросветительные педагогических институтов или факультетов в университетах. Здесь предполагается готовить широко образованных библиотекарей, вполне развитых в политическом отношении, могущих впоследствии стать заведующими губернскими и уездными библиотеками.

Третья ступень, это — педтехникумы, политпросветительные отделения, которые будут на библиотечном цикле готовить библиотекарей массовых библиотек. Курс педтехникума, как вам известно, четырехгодичный: первые два года общеобразовательные, третий год общепедагогический и четвертый — специальный. На 3-м курсе для библиотечного цикла предполагается ввести изучение популярной и детской литературы, курс работы с книгой, а на 4-м — изучать только библиотечное дело.

Для подготовки организаторов массовых библиотек предполагается организовать библиотечные циклы в совпартшколах 2-й ступени.

Такова система подготовки будущих кадров работников по библиотечному делу, но эта подготовка дает нам работников только через несколько лет; нам же необходимо хоть несколько улучшить уже работающий состав библиотекарей. Отсюда вытекает необходимость переподготовки.

Библиотечной отдел Главполитпросвета остановился на следующих формах переподготовки: 1) краткосрочные 2—1½ месячные библиотечные курсы в губернских городах; 2) уездные библиотечные курсы — конференции, продолжительностью в 7—10 дней; 3) библиотечные объединения, преимущественно в губернских и уездных городах, как постоянно действующие организации и, наконец, 4) практикантство.

Проводимые до настоящего времени библиотечные курсы страдают следующими недостатками (насколько мне удалось наблюдать из опыта 45 курсов, где я был организатором или лектором, начиная с 1913 г.): первый недостаток, это — случайность и крайнее разнообразие учебных планов курсов. Очень часто задумываются курсы очень широко, намечается 5—6 гастролеров-лекторов из Москвы и Ленинграда. В действительности, из них никто не приезжает или приедет один. Организаторы начинают „затыкать дыры“, примерно, так; „Иван Иванович, не прочтете ли вы на курсах такой-то и такой-то предмет?“ — „Нет, за эти предметы я не возьмусь, а вот могу предложить то-то“, — „Ну, давайте, поста-

вим в программу то, что предлагаете вы“. От стройного на бумаге учебного плана, в действительности, конечно, не остается ничего.

Вторым недостатком является недостаточность оборудования краткосрочных курсов пособиями и материалами для практических работ. Приезжает лектор, начинает вести занятия, а организаторы говорят ему: „Скажите, что вам необходимо для курса, постараемся приготовить?“ Курсы уже идут, лектор приехал на какие-нибудь 5—6 дней, торопится уехать на другую гастроль, а пособия и материалы еще не подготовлены.

Вследствие этого курсы обычно страдают третьим недостатком—словесным, лекционным характером.

Четвертым недостатком является многопредметность курсов. Мне пришлось видеть курсы, где было около 40 „предметов“, причем некоторые из них были продолжительностью в 2—4 часа. Не только многопредметность, но лоскутность курсов, мозаика. В учебных планах нет никакой цельности.

Пятый недостаток—недостаточная продолжительность курсов, почему Библиотечный отдел предполагает 2-месячные курсы, допуская уменьшение продолжительности лишь в исключительных случаях.

Далее, можно отметить часто встречающийся недостаток — перегруженность курсантов занятиями. 8-часовой аудиторный день встречается нередко, а, кроме того, бывает еще ряд заданий. При таких условиях курсанты не успевают проработать заданий.

Наконец, надо отметить недостаточный учет местных особенностей и, в частности, недостаточное проведение разницы между подготовкой городских и сельских библиотекарей.

Что же необходимо для устранения этих недостатков?

Надо устраивать курсы продолжительностью не менее 2-х месяцев лишь в исключительных случаях, допуская уменьшение этой продолжительности. Во избежание случайности и многопредметности следует выработать какую-то программу-минимум. Это отнюдь не значит—все курсы подгонять под одну рамку: сверх программы-минимум должно уделяться достаточное число часов на чисто местные особенности.

Командируются на курсы сейчас лица случайно. Здесь необходимо провести одно из двух: командируются или наиболее слабые, или наиболее сильные, но не смешивать тех и других. Пожалуй, следует выразить пожелание, чтобы командировались наиболее сильные сельские библиотекари, которые, пройдя курсы, могли бы сплотить вокруг себя избачей и библиотекарей района. Необходимо, далее, устранить позднее извещение о командировке на курсы, вследствие которого часть курсантов приезжает через 5—6 дней после начала курсов. При краткосрочности последних, дорог буквально каждый день. Желательно, чтобы извещения о командировках разсылались за 2—3 недели до начала курсов, чтобы будущие курсанты могли хоть немного подготовиться. Желательно указывать в извещениях, что необходимо прочесть до начала курсов и, может быть, даже некоторые задания, которые командируемые должны выполнить, как предварительную работу. У курсантов обычно наблюдается очень слабая начитанность не только по научно-популярной литературе, но и по беллетристике (особенно на социальные темы). Не давая сложных заданий, можно ограничиться указанием списка книг беллетристического и научно-популярного содержания (антирелигиозная литература, полити-

ческая, по сельскому хозяйству), с которой командируемые должны ознакомиться до начала курсов.

При курсах обязательно должны быть организованы кабинеты политпросветработы вообще; по библиотечному делу, в частности,—главнейшая литература по политграмоте, библиотечный набор книг (экз. 300—500), карточки, газеты, библиографические указатели. Если такого кабинета нет, курсы не могут быть открыты.

Курсантам надо дать возможность проработать ряд вопросов путем самостоятельных занятий. Поэтому я бы настаивал, чтобы занятия под руководством преподавателей не превышали 6 часов в день, а два часа ежедневно должны уделяться обязательным самостоятельным занятиям курсантов под ответственностью старост.

Занятия на нынешних курсах ставятся большей частью так, как они ставились в скверной старой школе; урок русского языка, звонок, урок арифметики, ничего общего с русским языком не имеющий; библиотечная техника 1½ часа, затем политграмота, после—пропаганда книги. Все это слишком оторвано друг от друга, масса времени уходит на приспособление к работе, и лишь только приспособишься,—звонок. Вы занимаетесь, положим, библиотечным плакатом: пока вы обдумаете конструкцию плаката, разведете краски—надо уже давать место следующему „предмету“. Поэтому целесообразно вводить не учебные часы, а учебные дни, когда весь данный день (или, по крайней мере, пол-дня) уделяется одному вопросу.

Необходимо на курсах переходить постепенно от лекций-бесед вначале к практическим работам, а заканчивать курсы—конференциями с докладами преподавателей и курсантов.

При практических занятиях по библиотечной технике я позволил бы себе рекомендовать метод, который нашел уже широкое применение в школьной работе: комплексный метод.

Для каждого дня или нескольких дней устанавливается какой-либо комплекс. В качестве комплекса можно взять: „Ленин“, „Кооперация“, и т. д. Этот комплекс проводится через все занятия: занимаясь плакатным делом, вы изготавливаете плакаты на тему данного комплекса; изучая литературу, вы, главным образом, тщательно подбираете и аннотируете книги на ту же тему и т. д. Одна часть курсантов прорабатывает один комплекс, другая—другой.

Все эти указания в значительной степени приложимы и к 7—10-дневным курсам-конференциям: заранее должна быть выработана программа, заблаговременно они должны быть обеспечены руководителями, оборудованы пособиями. На конференциях, в виду их краткосрочности, соблюдение всех указанных выше требований еще важнее. Учебные планы 2-х месячных курсов и 4—10-дневных конференций выработаны Библиотечным отделом Главполитпросвета и опубликованы в „Красном Библиотекаре“.

Я перехожу к вопросу об объединениях. Объединения должны работать не менее одного раза в неделю. Необходимо на каждые 3 месяца составлять производственный план работы объединения. В работах объединения, как и на курсах, необходимо соблюдать комплексный метод работы. Было бы целесообразно работу объединений, поскольку дело

касается методики и техники библиотечной работы, приурочивать к календарным революционным праздникам: 7 ноября, 22 января, 8 марта, 18 марта, и т. д. Тема праздника и являлась бы тем комплексом, который прорабатывается объединением.

• В работе объединений часто наблюдается, что работают лишь отдельные лица, докладчики; остальные же лишь выслушивают доклады, да, в лучшем случае, принимают участие в прениях. Необходимо втянуть в работу всех библиотечных работников. Поэтому было бы целесообразно, чтобы при проработке данного комплекса все входящие в объединение делились на группы; каждая группа прорабатывала бы отдельную часть комплексной темы, напр., при теме „Ленинизм“ один или двое берут доклад „Ленин и просвещение“, другая пара берет подбор соответствующих плакатов, четвертая—устройство ленинского уголка и т. д.

В работе объединений важна как самоподготовка в смысле усвоения уже выработанных основ библиотечной работы, так и продвижение вперед библиотечного дела. Поэтому объединениями должны прорабатываться новые, еще малоразработанные вопросы библиотечного дела, например,—изучение читателя и пр., где библиотечные объединения ставят опыты, наблюдения, накапливают материал для дальнейшего построения теории.

Последнее средство переподготовки—практикантство. Необходимо, чтобы каждый библиотечный работник, который приглашается на место, прежде, чем он приступит к работе в той или иной библиотеке, обязательно проходил практикантский стаж в уездной или губернской библиотеке, примерно, в течение одного месяца. Наконец, желательно, чтобы время от времени такое практикантство имело место и по отношению к наиболее слабым работникам, уже работающим в библиотеках, для чего в периоды затишья библиотечной работы (напр., летом) целесообразно и командировать на месяц в уездную или губернскую библиотеку.

Такова система подготовки и переподготовки библиотекарей от института библиотековедения до постоянной, непрерывной, усвояющей и исследовательской работы библиотечных объединений,—система, которая, если бы она была проведена в жизнь, разрешила бы большой пока вопрос.

(Оглашается приветствие с'езду от расширенного пленума Красно-Пресненского Райкома РКП. С'езд отправляется на обще-московскую политическую демонстрацию на Ходынское поле. По выходе на улицу с'езд несколько раз снимается фотографом).

Утреннее заседание 7 июля.

Заключительное слово С. Н. Медынского.

Наибольшему обстрелу подверглись здесь 3 строки, указывающие, что в институт библиотековедения принимаются лица, окончившие Свердловский и др. ком. Вуз'ы. Я полагаю, что можно и нужно поставить требования или пожелания, чтобы в институт библиотековедения в первую очередь принимались лица, окончившие Свердловский и др. ком. Вуз'ы, потому что наиболее важной частью подготовки библиотекарей является, с моей точки зрения, политическая подготовленность. Конечно, комвузов у нас мало; окончившие их будут использованы для более горячей государственной работы, и лишь немногие пойдут специализироваться по библиотечному делу. Тов. Слуховский спросил: мыслю ли я себе только проведение комплексного метода, или же допускаю на этих курсах проведение дальтон-плана. Я полагаю, что дальтон-план может быть применен только при занятиях достаточной длительности. Я понимаю, когда применяют этот метод на 2-годичных и 3-годичных курсах и т. д., но при 2-месячных это будет не дальтон-план, а просто урочная система на завтрашний день. Дальтон-план предполагает, что я могу сегодня заняться одним вопросом, через некоторое время меня метнуло к другому вопросу — и я совершенно свободно перехожу к нему. Согласитесь сами, что при 2-месячных курсах такого устремления к одной точке в течение нескольких дней, конечно, быть не может. Т. Вишневский указывал, что я дал довольно большой перечень недостатков на этих курсах. Я указывал на эти недостатки не для того, чтобы упрекать кого-либо, а для того, чтобы, путем изживания их, прийти к какой-то лучшей организации этих курсов. Что касается замечания тов. Вишневского о пропуске заочного инструктажа, то я его принимаю, и заочный инструктаж должен быть включен в систему подготовки.

К. М. Дерунов заметил относительно невозможности требования всей суммы знаний. Само собой разумеется, когда мы говорим о всей сумме знаний (В. И. Ленин в своей речи на 3-ем всероссийском съезде комсомола говорил о всей сумме человеческих знаний), это не значит, что мы должны все знать. Это значит, что мы должны взять лишь главные выводы науки. Многие выступавшие здесь очень скептически относились к краткосрочным курсам. Я тоже скептически отношусь к ним. Но, т. т., по одежке протягивай ножки. Здесь было противоположное указание на 6-мес. курсы. Можем ли мы дать 6-мес. курсы? Нет: 2-мес. курсы дают мало. Но все-таки они что-то дают, они наталкивают на вопросы. Как политпросветчик, я большое значение всегда придаю самостоятельной, самодеятельной работе на этих курсах. Когда мне приходится говорить о лекциях, я говорю, что лекции многого не дают, но они будят запросы, они возбуждают интерес. Курсы в этом отношении тоже имеют большое значение; они возбуждают интерес к работе, а дальше —

работайте, пожалуйста, сами. Тов. Борович рекомендовал лабораторный метод, но не комплексный. Комплексный метод тоже может быть применен к библиотечной обстановке,—не только к изучению книги, но и к работе и библиографическими указаниями. Вы можете брать определенную группу книг и придерживаться тут какого-нибудь одного вопроса. Но этот метод отнюдь не исключает лабораторного метода. Лабораторный и комплексный методы нужно сочетать. Что касается указания на то, что должен быть 6-месячный план работы биб об'единений, а не 3-мес., я бы, пожалуй, с этим не согласился...

Жизнь настолько быстро течет, настолько быстро выдвигает различные новые вопросы, что за 6 месяцев не будем ли мы слишком оторваны от тех событий, которые за эти 6 месяцев развернутся?.. Мне указывали, что с осени при всех педвуз'ах, при всех техникумах не может быть поставлена подготовка библиотечных работников. Конечно, не будет. Я принимал участие с месяц тому назад в заседании Госплана, где рассматривали сеть педагогических учебных заведений и, в частности, постановку там преподавания вопросов политпросветработы вообще и, в частности, библиотечного дела. Госплан принял предположение, что с осени в трех-четырех высших педагогических учебных заведениях, кроме тех, где уже существует, должно быть введено преподавание библиотечного дела. Конечно, не при всех техникумах, не при всех вуз'ах, но все-таки и это кое-что.

Я согласен с тем, что кабинеты, которые должны устраиваться по преподаванию библиотековедения должны быть организованы не в виде комнаты, находящейся в этом высшем учебном заведении, но чтобы к курсу этого техникума или педвуза была причислена библиотека, которая служила бы лабораторией, с тем, однако, что все-таки к оборудованию этой библиотеки (не только тем, что там есть, а учебными пособиями, библиографическими указателями, может быть, различными системами каталогов, карточек и т. д.) должно быть все-таки приступлено заранее, а не в процессе самой работы.

Едва ли можно согласиться, что для подготовки библиотечных работников должна быть единая школа. Мы единую школу в Соцвосе понимаем иначе. Школа единая, но там есть и школа 1-й ступени, и школа 2-й ступени, и семилетка, и девятилетка, но все это составляет единую школу. Вот такого единства, мне кажется, нет у т. Доблер, когда она стришет все под одну гребенку. И для сельского библиотекаря, и для академического библиотекаря—одна гребенка. Очевидно, какие-то ступеньки этой школы должны быть.

Кто-то говорил, что я поставил вопрос слишком абстрактно, что никакого упоминания относительно сельского библиотекаря, рабочего библиотекаря в моем докладе нет. В 5-м и 6-м пунктах моих тезисов это есть. Я предполагал, что товарищам был знаком последний номер журнала „Красный Библиотекарь“, где помещена программа 2-х месячных курсов, и там как раз сказано: „преимущественно для сельских библиотекарей“, и указан целый ряд предметов, имеющих отношение к повседневной работе библиотекаря в сельской библиотеке.

Теперь я обращаюсь к т. Цветкову, представителю Цекпроса Правильно т. Цветков, государственное учреждение,—в частности, Главполитпросвет,—не в состоянии дать значительные средства на правильную постановку подготовки библиотечных работников. Мы все в этом зале, вероятно, хотели бы

опираться на союз работников просвещения. Но в том обстоятельстве, что я не упомянул в своем докладе об этом союзе, меньше всего можно упрекнуть меня и больше всего вас, тов. Цветков, как представителя ЦК Рабпроса. Работники политпросвета и, в частности, библиотечные работники являются пасынками в союзе работников просвещения. Вы все внимание обращали только на учителей школ; в этом виноваты не мы, а руководители союза в центре и на местах. Мне прислана записка: „Нужно внести в резолюцию тот пункт, чтобы союз работников просвещения обращал столь же серьезное внимание на переподготовку библиотекарей, как и школьных работников“. Есть еще несколько записок, указывающих на недостаток внимания Рабпроса к библиотечным работникам. Союз должен это учесть. Ответу на самые основные записки.

„Когда и где будут функционировать названные вами библиотечные учебные заведения?“ С осени, как я говорил, Госплан предполагает открыть при 2 Московском университете политпросветительное отделение. Затем открывается политпросветское отделение в академии социального воспитания. Такие же отделения предполагается с осени открыть при нескольких провинциальных педвузах и педтехникумах.

„В работе объединений наблюдается большой разноречивостью и пестрота. Не считаете ли вы необходимым составление некоторой программы-минимум для всех объединений?“ Конечно, никакой программы-минимум для этих объединений строить нельзя. Ведь объединяются люди, достаточно уже сознательные, знающие, какие у них недостатки. Обязательной программы-минимум, которую должно проработать каждое библиотечное объединение, конечно, не нужно; гораздо целесообразнее будет, если программы своих занятий объединения различных губерний будут опубликовывать в „Красном Библиотекаре“.

Тов. Окулова подняла очень важный вопрос: „Вы в своем докладе не задели, а если и задели, то так, что ответ получился отрицательный (это, положим, не верно), весьма важный вопрос — вопрос подготовки библиотекарей из рабочей и крестьянской среды. Опыт Красной армии в подготовке библиотекарей рабочих и крестьян показал, что если такие библиотекари меньше книжники, то зато и всех недостатков старых книжников и академистов они не имеют“. Насколько плохо поставлены, вообще говоря, наши политпросветские курсы, настолько осталось у меня отрадное впечатление от курсов Приволжского военного округа и Уральского военного округа, где мне пришлось работать. Эти курсы были и не двухмесячные, не одномесячные, а шестимесячные; курсантами были красноармейцы, и с удовлетворением могу отметить, что лучших курсантов я не видал за всю свою практику. Точно также, на московских высших политико-просветительных курсах, курсанты взяты из рабочей среды; они очень активны, так что в этом отношении было бы желательно, конечно, в резолюции отметить, что красноармейцы и рабоче-крестьянская молодежь могут дать наиболее желательные, в смысле активности, кадры будущих библиотекарей.

Одна из записок затрагивает вопрос о подготовке библиотекарей нацмен. Очевидно, поскольку существуют педтехникумы, подготовляющие педагогов для народностей не русского языка, постольку при них будут отделения, подготовляющие библиотекарей.

Вечернее заседание 7 июля.

Заккрытие с'езда.

(Заслушивается отчетное сообщение И. В. Королева от мандатной комиссии с'езда (см. в более расширенном виде ниже).

Оглашаются резолюции, выработанные секциями, дополняются, принципиально принимаются и передаются для редакционного согласования и утверждения в Наркомпрос РСФСР).

Цареградский. (Москва, Оргбюро с'езда). В виду того, что наш с'езд имеет огромное значение во всей истории библиотечного развития, я предлагаю принять постановление, чтобы все население широко было информировано о работе нашего с'езда. Предлагаю, чтобы все делегаты, приехавши на места, сделали доклады не только среди профессионалов библиотекарей, но и на широких рабочих собраниях, в ком'ячейках, на партийных собраниях, на предстоящих культконференциях, чтобы в печати центральной и местной были помещены общие статьи, а также тезисы. Это привлечет внимание широких кругов к нашей библиотеке. (Апплодисменты).

Голос. В виду того, что с'езд все-таки оказывается всероссийским, необходимо принять меры к тому, чтобы Наркомпросы всех республик получили бы все постановления нашего с'езда с отношением от Наркомпроса российского для сведения.

Смушкова. Это примется к сведению, но это всегда делается.

Голос. Предлагаю установить срок будущего с'езда.

Смушкова. Фиксировать это сейчас, конечно, нельзя. Можно принять пожелание созвать с'езд года через два.

Голос. Т.т., мне кажется, что не все будет окончено, если я не скажу несколько слов. Вы меня не уполномачивали, но мне кажется, — это желание всех нас — сказать большое спасибо организаторам этого с'езда, которые со всех концов России созвали нас для этой работы. Если мы уходим отсюда с несколько неудовлетворенным чувством, — это ничего не значит, потому что то было наше первое боевое крещение. Но когда мы уедем в наши глухие уголки, то продумаем все и поймем значение того, что сделали организаторы этого с'езда. Большое горячее спасибо организаторам этого с'езда!

(По закрытии с'езда участники его прослушивают живую библиотечную газету, поставленную слушателями высших политико-просветительных курсов в Москве).

ЧАСТЬ II.

Работа секций*)

(5-го июля).

*) Как сказано выше (см. „Предисловие“), совершенно не отражены занятия секций и комиссий, вырабатывавших лишь резолюции по докладам. К таким относятся секции по передвижничеству, методическая, национальных меньшинств, по работе в деревне, по издательствам, по подготовке работников.

Организационная секция.

Доклад И. В. Королева: „Материальное положение библиотечных работников в связи с условиями и характером их работы“.

В этом вопросе переплетаются интересы, с одной стороны, Главполитпросвета и Библиотечного отдела, как административно-производственных органов, с другой стороны—Союза работников просвещения, которому принадлежит право и обязанность регулировать вопросы труда, вопросы о положении работников и наконец самих библиотекарей. Найти общий язык, определить линию, в одинаковой степени обеспечивающую возможность осуществления производственных задач в области библиотечного дела и улучшения положения работников в полном согласии с общесоюзной линией, — вот те основные предпосылки, которые мы должны иметь при обсуждении и разрешении этого вопроса на с'езде.

Наша задача осложняется тем, что вопрос о положении библиотечных работников до последнего времени оставался, а во многом и продолжает оставаться, не только не разрешенным, но и не освещенным с достаточной полнотой, как это мы имеем в отношении рабочих и даже учительства, труд которых изучается целым рядом исследовательских учреждений (ЦСУ, ЦИТ, институт по изучению профессиональных заболеваний и т. п.) и освещается общей и производственной печатью. В отношении библиотечных работников мы вынуждены довольствоваться пока отрывочными сведениями общих докладов о библиотечной и политико-просветительной работе, не дающими возможности с достаточной полнотой изучить все моменты, влияющие на положение библиотечных работников. Почти все доклады местных политпросветов говорили не только о крайне незначительной заработной плате, но, что еще печальнее, о той массе осложнений и затруднений, с которой эту мизерную плату удавалось получать. Не один десяток докладов из уездных и губернских центров конца 1921, 1922 и даже начала 1923 года констатирует крайне тяжелое положение библиотекарей, низкую оплату труда и те ненормальности и затруднения, которые приходилось испытывать последним в этом отношении. Обычным явлением было в это время задержка (до трех и более месяцев), а иногда и совершенная невыплата, причитавшегося мизерного вознаграждения (Пермская, Пензенская, Нижегородская, Алтайская, Тверская, Оренбургская, Иркутская губернии и целый ряд других губерний и уездов). Пензенский Губполитпросвет, кроме того, в своем позднейшем докладе прямо говорит, что вся задолженность 1921-1922 года библиотечным работникам осталась не выплаченной. Тяжелое положение

библиотечных работников определялось целым рядом моментов. Прежде всего, стихийно выросшая в период революции библиотечная сеть была в полном несоответствии с возможностями и ресурсами государства и его местных органов. Сюда же надо отнести неправильную оценку библиотечной работы местными органами, у которых сплошь и рядом было самое упрощенное представление о ней и которые считали ее чем-то второстепенным и не настолько неотложным, чтобы она не могла и подождать. Это отношение влияло не только на положение работников, но и на библиотечную работу в целом. Отсутствие подходящих помещений, света, топлива, необходимого пополнения материалов для работы, бесконечная переброска библиотек по всякому поводу и т. п. — вот результаты ненормального отношения к библиотечной работе и к библиотечным работникам. В этом нельзя не видеть известного влияния текучести личного состава политпросветов, особенно их заведующих, которые, обычно, не успевали подойти вплотную к нуждам и запросам библиотечной работы и работников, остававшихся часто предоставленными самим себе. Помимо того, система и размеры государственной помощи также не отличались достаточной устойчивостью. Только с 1923 года удалось добиться более или менее устойчивой „голодной“ нормы на оплату труда библиотечных работников. Эта норма в феврале месяце текущего года в абсолютных цифрах выражалась в сумме 38106 р. 80 к. на 3863 платежн. единицы. Оплата труда одного работника в счет этой суммы по поясам выражалась так: 1) по первому поясу 13 р., 2) по второму — 10 р. 20 к., 3) по третьему — 8 р. 80 к. Эта недостаточность и неустойчивость государственной помощи, при наличии бедности на местах, не могла не вызвать замешательства у местных политпросветов. Политпросветы, не имея перспектив и уверенности в завтрашнем дне, находясь под постоянной угрозой урезки отпускаемых на библиотечную работу кредитов, вынуждены были прибегать к сокращению штатов, снижению заработной платы и передавать работу по совместительству (учителям и т. п.). Положение библиотечных работников-профессионалов, продолжавших заниматься исключительно библиотечной работой, становилось критическим. Многие из них при всей преданности делу не могли выдерживать создавшегося положения и вынуждены были или покинуть работу, или искать дополнительного заработка, идя на совместительство. Целый ряд губерний в своих докладах отмечает уход лучших работников, уменьшение количества знающих и преданных делу работников, понижение качественного состава и работоспособности оставшихся (Крым, Пермь, Алтайская, Тверская губернии и т. п.). Положение еще более ухудшилось с наступлением голода и усилением экономических затруднений. Эта тяжелая полоса в жизни библиотекарей совпала с самым ответственным и серьезным моментом в области библиотечной работы, с периодом реализации опубликованного 20/XI—20 года декрета о централизации библиотечного дела. Нужна была громадная энергия, силы и средства для его реализации, для стягивания и учета книжных богатств, на перестройку и создание единой библиотечной сети, на налаживание и углубление работы в соответствии с выдвигаемыми революцией задачами. А работники, знающие дело, или уходили, или их энергия была парализована тяжелыми условиями существования.

Последствия этого мы чувствуем и до сих пор.

Во многих губерниях все еще нет не только единой, но согласованной работающей сети. Это положение в свою очередь дает о себе знать и в отношении работников — мы еще не имеем единой армии библиотечных работников, и попытки связать их на основе производственных задач (объединения) встречают иногда формальные, но непреодолимые препятствия „ведомств“ (Псков, Ярославль, Самара—доркультотдел и т. п.). В результате мы имеем часто распыленные силы библиотечных работников, что, конечно, оказывает далеко не последнее влияние на положение работников.

Помимо всего сказанного на положении работников в области непосредственной работы отражались и крайне тяжелые условия ее и отсутствие научно-обоснованной нормализации труда библиотекаря. Стихийный рост библиотечных учреждений в период революции не мог обеспечить за ними ни соответствующих приспособленных помещений, ни необходимого оборудования. Ни с санитарно-гигиенической, ни с технической стороны, библиотеки, как правило, не могли удовлетворить минимальным требованиям научной организации труда.

Вот как оценивают эти условия сами библиотекари: „Низко, холодно, темно, сыро, грязно; комната в 8×6 кв. аршина, вдоль стен два шкафа, посредине комнаты прилавки; ящик с негодными книгами; $\frac{1}{6}$ комнаты занимает лежанка; по углам пять табуреток — вот помещение детской библиотеки уездного городка; в шкафах почти пусто; книги до невозможности ветхие, сесть негде, почитать нельзя, вечером нет огня. Дети сидят на подоконниках, или в углу. Жажда знаний гонит детей зимой, в худой обуви, плохой одежде в библиотеку — так хочется все узнать, обо всем поговорить, а у библиотекарей нет руководств, которые бы дали возможность пополнить знания, без чего нельзя работать. И в результате, несмотря на огромное желание, бежишь от любимой работы“. Так пишет библиотекарь из Куртамыш, бывшей Челябинской губернии.

Еще печальнее дело обстояло в деревне — часто библиотеки здесь помещаются в коридорах волисполкомов. Не лучше иногда положение и в губернских городах. Вот что пишут из Твери: „Библиотеки находятся в плохих жилищных условиях. Помещение даже центральной библиотеки не соответствует своему назначению; теснота, отсутствие достаточного света, низкая температура угнетающим образом действуют на работников“. И при всем этом — громадные задачи. Вот как оценивают их сами „рядовые библиотекари“: „Библиотекарь обязан учитывать особенности читателя, его запросы; должен руководить чтением, вести широкую политко-просветительную работу, выполнять массу технической работы. Работа диктует ему необходимость быть в курсе общественной жизни. Его интересует жизнь партии, науки, литературы“. Напряженность и сложность работы библиотекаря сходны с работой педагога, говорят многие товарищи в своих докладах и статьях, с той лишь разницей, что у школьных работников число учащихся и часы работы строго определены. Отсутствие нормализации труда является одним из существенных моментов, определяющих положение библиотечных работников. У нас остается не изученным ни сумма работы, ни предельные нормы ее на каждого библиотекаря ни условия, влияющие на интенсивность и продуктивность ее. Как много приходится затрачивать энергии библиотекарю и какова сложность работы, мы видим уже из того, что только работа по выдаче книг (тов. Балковец, Кр. Б. 7-8) насчитывает более

двадцати отдельных элементов, не говоря уже о статистике, обработке книжного материала, политико-просветительной работе и т. п. Отсюда получается полное несоответствие между характером и масштабом работы, с одной стороны, и положением работников и нагрузкой работы—с другой. „Перегрузка выдачей, технической работой и статистикой превращает работу библиотекаря в техническую — библиотекарь, обслуживающий 60-70 чел., совершенно не имеет возможности вести какую-нибудь культурную работу (т. Балковец), а между тем ему приходится нередко обслуживать и более ста человек в день (Тверь—т. Соколова). Библиотекарь задыхается под тяжестью напряженной работы в продолжении шестичасового, а иногда и более длительного рабочего дня, пишут библиотекари. И мы видим результаты этого — участвовавшие случаи заболеваемости библиотекарей, вследствие переутомления и нездоровых условий работы. Произведенные в Москве и Самаре обследования с достаточной наглядностью подтверждают это. В Самаре из 49 библиотекарей 15, т.-е. почти 30 проц., страдают хроническими болезнями. В Москве из 68 исследованных библиотекарей оказалось туберкулезных 33,9 проц., нервных 21,4 проц. Процент больных библиотекарей значительно превышает таковой у школьных работников. Такое же соотношение сохраняется и в отношении технического персонала библиотек („Известия Губпроса“ № 9). Если мы заглянем на страницы союзной печати и орган Наркомтруда („Вестник Труда“ и „Вопросы Труда“), мы увидим статистические данные, указывающие определенно на зависимость производительности труда от положения работников. Тов. Гольцман в своей статье „Экономика организации труда“ („Вестник Труда“) констатирует, что производительность труда находится в тесной зависимости от состояния заработной платы. Падение заработной платы неизбежно вызывает падение производительности труда; мало того, падение производительности труда оказывается интенсивнее падения заработной платы. И, наоборот, как только заработная плата начинает подниматься, начинает повышаться гигантскими шагами и производительность труда, что подтверждается следующими цифрами, из упомянутой статьи:

Г О Д Ы	1912	1920	1921	1922	1923
Заработок в проц.	100	38,8	40,2	47,8	55,1
Выработка работника в проц.	100	24,2	27,4	47,5	55,0

Эти цифры необычайно показательны — они указывают на наличие определенного экономического закона, который имеет громадное влияние на труд и с которым нельзя не считаться при его изучении. Данные обследования библиотечной работы в Украин. воен. округе указывают, что в частях, где библиотекари находятся в одинаковых материальных условиях с политсоставом, читателями библиотек являются 62,9 проц. всей красноармейской массы. В частях, где библиотекари находятся в худшем положении, читателями являются всего лишь 55 проц. Библиотеки с неудовлетворительным составом работников охватили в среднем 43,6 проц. всех красноармейцев, с удовлетворительным составом—66,5

проц. Голодный, необутый, не имеющий надлежащих условий и времени для отдыха и работы над собой, библиотекарь естественно не может проявить того максимума энергии в работе, какое он мог бы проявить при иных, более благоприятных условиях. Еще В. И. Ленин в своей книге о задачах профсоюзов в новых условиях, говорил: „Если говорить ударность, тогда дай и хлеба, и одежды, и мяса“. В прошлом Библиотечный отдел уже не раз имел возможность убеждаться в зависимости производительности труда библиотекарей, от их положения (при реализации декрета о централизации, проведению кампании по пересмотру книжного состава библиотек, налаживанию передвижной работы и т. п.). Необходимость обеспечения роста библиотечной работы, вовлечения широких трудящихся масс, удовлетворения их многообразных и все усложняющихся запросов, необходимость ведения широкой воспитательной и политико-просветительной работы, превращения библиотек в органы коммунистической пропаганды, пропаганды советского строительства, указывает, что необходимость разрешения вопроса о материально-правовом положении диктуется всеми производственными задачами в области библиотечного дела.

Для того, чтобы разрешение этого вопроса было не случайным, а имеющим под собой строго обоснованные данные, мы должны точно фиксировать характер и условия библиотечного труда, приступить к всестороннему его изучению. Мы должны определить,—из каких элементов складывается библиотечная работа, что обуславливает продуктивность и интенсивность ее, какова норма работы библиотекаря, какое влияние оказывают условия труда библиотекаря на интенсивность и продуктивность его работы, на заболеваемость и утомляемость. Изучение и нормализация труда библиотекаря является необходимейшим условием правильного разрешения вопроса о положении работников. Если мы сумеем это проделать, мы облегчим постановку и разрешение задач как в области самой работы, так и в области нормирования труда библиотекаря. Вопрос этот в достаточной степени, повидимому, назрел. Все чаще и чаще мы получаем сообщения и статьи, относящиеся к этому вопросу. Этим вопросом занялась также и комиссия при Библиотечном отделе. Нам представляется, что в процессе такой работы должны быть определены: 1) основные элементы работы библиотек, 2) формы организации и разделения труда в библиотеке, 3) характер и условия работы в библиотеках различных типов (центральных, районных, детских, специальных, деревенских, передвижных и т. п.), 4) нормы рабочего времени, необходимые для выполнения отдельных видов работы (в области библиотечной техники, административно-хозяйственной работы, обслуживания читателя, политико-просветительной работы) и нормы труда библиотекаря, 5) главные моменты, обуславливающие интенсивность и продуктивность работы библиотекаря (расположение помещения, оборудование, санитарно-гигиенические условия, количество и качество книжного состава и т. п.), 6) возможные формы упрощения и механизации в работе (НОТ в местном масштабе), 7) продолжительность работы библиотек, чередование в работе и часовая нагрузка библиотекаря, и как заключительная часть этой работы, 8) штаты различных библиотек. Этот план положила в основу своей работы и упомянутая комиссия.

Эту работу нужно поставить как можно шире и осветить ее со всех сторон, привлекая к этому не только самих библиотекарей, их

объединения, но профессиональное и научно-исследовательские учреждения и организации (ЦИТ, ЦСУ, институт по изучению профессиональных заболеваний, п'отдел профгигиены Наркомтруда и т. п.). Работа в этом направлении будет необходимой предпосылкой правильной оценки и нормированию труда библиотекаря и улучшения их положения, что в свою очередь облегчит постановку и разрешение производственных задач. Несмотря на всю важность вопроса об изучении и нормализации труда библиотекаря, им далеко не исчерпывается вся сумма вопросов, связанных с положением работников. Вопросы тарификации, борьба за повышение реальной заработной платы, установление педагогического характера работы библиотекаря, вопросы охраны труда и т. п. являются не менее важной частью работы в области разрешения вопроса о материально-правовом положении библиотечных работников. В данное время мы уже подошли вплотную к этому. Первым этапом этой работы нужно признать работу в области тарификации. Выработанный Цекпросом совместно с Библиотечным отделом проект тарификации библиотечных работников явится, на наш взгляд, началом на пути улучшения положения библиотечных работников, если его удастся провести в первоначальном виде. Достоинства этого тарифа заключаются в том, что он предусматривает все основные категории работников, их квалификацию, характер работы, разряды и часовую нагрузку. Если мы новый тариф сопоставим с данными существующей практики, мы увидим, что новый тариф, не внося никакой разницы в отношении предельных разрядов (15—9), даст более правильную оценку категорий работников в соответствии с характером их работы и квалификацией; происходит как бы передвижка работников в отношении разрядов. Вместо 8, 10, 11 разрядов, какие нередко существуют на местах для заведующих городскими библиотеками, мы имеем по новому тарифу 12—15 разряды; такая же картина и в отношении остальных категорий работников (12—14 разряд для заведующих отделениями библиотек, 10—13 библиотекари стационарных библиотек (города и деревни), 12—13 разряды—библиотекари-передвижники и 8—9—10 помощники библиотекаря—практиканты). Не менее важным преимуществом нового тарифа является то, что он составляет часть единого производственного тарифа ВЦСПС, чем уничтожается наблюдающееся сейчас различие по разным союзам. Наряду с установлением тарифов, определением квалификации и содержания работы выдвинут был вопрос об установлении педагогического характера работы библиотекаря и приравнивании его к учителям в отношении часовой нагрузки. В этом направлении пришлось преодолеть значительные затруднения, источником чего опять-таки был совершенно неправильный упрощенный взгляд на библиотечную работу. Поскольку тариф еще не утвержден окончательно, эти затруднения нельзя считать закончившимися, хотя мы уже имеем согласие Наркомпроса и Цекпроса, подтвержденного заключением п'отдела профгигиены Наркомтруда, об установлении 24-часовой недельной нормы. Перед нами стоит задача добиться закрепления этого достижения, добиться установления взглядов на библиотекаря, как на педагога и политпросветработника в широком смысле слова. Самыми главными, основными мотивами за уравнивание часовой нормы библиотечного труда с трудом школьных работников является необходимость постоянной большой и всесторонней подготовки. Но установлением тарифа еще не разрешается вопрос в целом. Наряду с его проведением надо всемерно до-

биваться повышения реальной заработной платы, отвечающей характеру и условиям работы, стремясь к уравниванию со школьными работниками. Коллективный договор Цекпроса и заключаемые в его развитие местные коллективные договоры должны также определить педагогический характер работы библиотекаря, нормы часовой нагрузки и другие моменты, как-то: порядок приема и увольнения, социального страхования, медицинской и юридической помощи и вообще вопросы охраны труда, в точном соответствии с существующим законодательством. В этом направлении придется преодолеть немало затруднений и столкнуться с целым рядом предрассудков. Все это могло бы быть достигнуто без особых затруднений, если-бы библиотечная масса была вовлечена в активную союзную работу. Существующее положение в этом отношении далеко не благополучно. Целый ряд статей и сообщений библиотечных работников говорят нам, что библиотечной работе и библиотекарям союзными органами уделяется еще мало внимания: „Тарифные органы еще не уделяют достаточно внимания вопросам библиотечного труда, плохо осведомлены в этой области“, пишет тов. К. в „Красном Библиотекаре.“— „Союз смотрит на нас, как на работников особого порядка и до сих пор мы не можем добиться положения наравне со школьными работниками. Тарифная комиссия до сих пор не может отрешиться от взгляда на работу библиотекаря, как на техническую, расценивая ее наравне с канцелярской“—пишет тов. Соколова из Твери. Ненормальное положение библиотечных работников в союзе порождает в их среде тенденции, противоречащие линии союза. Лучшим средством против таких тенденций библиотечных работников нужно признать более внимательное отношение к библиотекарям и их труду, обеспечивающее выявление их запросов и настроений и активное участие в работе союза.

Между тем, общая союзная политика в этом отношении вполне определенная. Руководящие статьи в органе ВЦСПС „Вестник Труда“ и постановления ряда пленумов ЦК и съездов союзов, определяя задачи и роль профсоюзов в новых условиях, подчеркивают необходимость приближения работы союзов к массе, необходимость изучения и удовлетворения запросов отдельных производственных групп.

Тов. Томский в своей статье „Новые задачи профсоюзов“ („Вестник Труда“ № 16, 1922 года так характеризует роль и задачи профсоюзов: „Новые задачи требуют сосредоточения внимания союзов на той важнейшей функции, которая являлась ранее главнейшей их задачей“. „Эта задача—защита экономических интересов наемных рабочих не только в отношении частного предпринимателя, но и в отношении администрации государственных предприятий“. Основным лозунгом профсоюзов должен быть лозунг— „Ближе к массам“. „Первым шагом в этом направлении следует признать необходимость сосредоточения внимания союзов не на вопросах высокой политики, а на экономических вопросах рабочего быта, повседневно волнующих массы“. „Для этого необходимо выполнить две основные задачи: 1) приблизить союз и его аппа-

рат к массам и 2) привлечь массы к участию в самой работе союза“. „Для того, чтобы профсоюзы сумели успешно выполнить стоящие перед ними задачи, требуется большая чуткость к настроениям объединяемых ими масс, большое знание бытовых, повседневных условий их труда“. Тов. Догадов в своей статье „К очередному пленуму ВЦСПС* („Вестник Труда“ №№ 6—7, 1923 год), основываясь на итогах V-го Всероссийского съезда профсоюзов, подчеркивает, что „центр тяжести работы профсоюзов должен быть перенесен в область практического осуществления связи с массами на почве неустанной работы над удовлетворением их экономических, духовных и бытовых нужд“.

В отношении библиотечарской массы в большинстве случаев, как мы имели уже возможность убедиться, все эти директивы остаются невыполненными. Тем не менее признаки перелома начинают кое-где обнаруживаться. Союзные органы начинают изживать прежнее ненормальное отношение к библиотекарям, начинают прислушиваться к их запросам, приравнивая библиотекарей к школьным работникам (Лукоянов, Смоленск, Нижний Новгород, Ростов на Дону, Вологда, Кострома). Нужно всемерно добиваться того, чтобы этот процесс развернулся как можно шире и быстрее, захватив не только губернские центры. Если мы учтем при этом настроение, обнаруживающееся в центре, в нашем производственном союзе, мы должны охарактеризовать в отношении библиотечных работников положение данного момента словом „на переломе“. Если мы посмотрим, в каком же положении застает этот переломный момент армию библиотечных работников, мы увидим довольно пеструю картину. Наряду с сравнительно сносным материальным положением в отдельных случаях, мы значительно чаще наблюдаем случаи, которые говорят о крайне тяжелом положении. Мы имеем например города, где отдельные библиотекари получают 100 р. (Баку), 79 р. (Богородск) и наряду с этим 5—7 р. (Вятский, Козельский, Боровичский и Белгородский уезды). По материалам, присланным к съезду, средний заработок заведующих городскими библиотеками выражается в 26 р. 28 к., городских библиотекарей—16 р., волостных библиотекарей—11 р. 50 к., а иногда 4—5 пудов ржи (Пензенская губерния). Такова средняя заработная плата библиотечных работников по далеко неполным сведениям. Нужно думать, что действительный средний заработок еще ниже, так как, несмотря на наличие признаков улучшения положения в целом ряде уездов и губерний, мы имеем сообщения о совершенно обратном. Кроме низкой оплаты труда, все еще отмечаются случаи задолженности и задержек в выплате. Некоторые сообщения квалифицируют положение даже катастрофическим. Из Дорогобужского уезда, между прочим, сообщается, что городские библиотекари к концу мая не получали жалованья за апрель, а волостные за март. И мы видим результаты такого положения: продолжающееся совместительство в ряде городов (Дорогобуж, Боровичи, Демьянск). Наряду с установлением в ряде мест педагогических норм рабочего времени (Дорогобуж, Баку, Кострома, Ростов н. Д., Карельская респуб-

лика, Новороссийск), рабочий день библиотекарей часто колеблется от 8 до 12 часов (Азов, Златоуст, Кашин, Кузнецк), а иногда совсем без ограничения времени (Тула, Ростов-Ярославский, Уржум). Таким образом общее положение библиотечных работников не может быть признано нормальным. Предстоит громадная работа во всех направлениях. Путем проведения широкой кампании мы должны добиться того, чтобы работа библиотекаря расценивалась не ниже работы учителя. Как ни тяжелы условия работы учителя, все же они в значительной мере облегчаются той моральной поддержкой, которую ему оказывает в последнее время партия и советская власть. В отношении библиотекарей, ведущих работу рука об руку со школьными работниками, мы этого пока не имеем. Тов. Луначарский в своей речи на X Съезде Советов, который нужно признать переломным моментом в положении учительства, таким образом охарактеризовал и это положение и роль учительства: „Героем должен быть признан голодный и разутый, получающий 2 р. 90 коп. в месяц, учитель, в самые тяжелые годы оставшийся на своем посту и спасший школу от окончательного развала“. По отношению к библиотечарской массе мы должны сказать тоже самое. Голодная и обойденная библиотечарская масса не только сумела сохранить прежнее, но зачастую собрать, пересоздать и умножить громадные культурные ценности, всемерно углубляя свою работу в соответствии с требованиями переживаемой эпохи. Выдвигая вопрос о необходимости улучшения положения библиотечных работников, мы не можем забывать того, что это улучшение немыслимо без улучшения организации самой работы. В связи с намечающейся кампанией за установление научной организации труда в библиотеке, мы должны сказать, что эта кампания должна вестись в полном согласии с задачами охраны труда и производительного использования сил библиотекаря.

„За библиотеку и библиотекаря“ — вот лозунг очередной кампании.

От активности самих библиотекарей зависит успешность проведения этой кампании.

ПРОТОКОЛ

Комиссии (Организационной секции) по выработке нормальных штатов библиотек.

От 6-го июля 1924 года.

Присутствовали 30 делегатов библ. съезда.

С л у ш а л и:

1. Об ограничении задач комиссии, выработкой лишь норм библиотечного труда и принципов по выработке штатов (за отсутствием времени).

П о с т а н о в и л и:

1. Ограничиться выработкой норм библиотечного труда и определением принципов выработки штатов.

С л у ш а л и:

2. Об обстоятельствах учитываемых при выработке норм труда.

3. О средней часовой норме для обработки одной книги для выдачи.

В результате обмена мнений и сопоставления норм выработки отдельных библиотек, учитываются следующие моменты работ:

- а) инвентаризация,
- б) писание книжного формуляра,
- в) индекс и кеттер,
- г) наклейка ярлыка, кармашка и срока,
- д) сдачу в книгохранилище,
- е) сдачу в переплет,
- ж) отметка в инвентаре и на книжных формулярах шифра,
- з) проверку по книжному формуляру книги в каталоге — определить время в 20 минут.

П о с т а н о в и л и:

2. а) Учесть отдельные элементы работы библиотеки.
б) Формы организации и разделение труда.
в) Особые условия и формы работы в библиотеках разного типа (центральных, районных, детских, деревенских и передвижных).
г) Время, необходимое для обработки отдельных видов работы (инвентаризация, классификация, обслуживание читателя, количество отказов).
д) Главные моменты, обуславливающие интенсивность работы биб-карей (расположение помещения, оборудование, санитарно-гигиенические условия, количество и качество книжного состава).
е) Возможные формы упрощения и механизации библиотечной работы.
ж) Продолжительность работы биб-к, чередование в работе и часовая нагрузка.
3. Признать в 20 минут среднюю норму для обработки одной книги для выдачи.

С л у ш а л и:

4. О средней норме на выдачу одной книги при нормальных условиях, включая сюда след. моменты:
(См. протокол № 5 шт. комис. Биб. отд. ГПП под цифрой 2).

5. О названиях должностей в губ. центральных библиотеках.

6. О выделении отдельного штата для политпросветительной работы при б-ке.

7. Штат центральных, уездных и городских районных библиотек.

8. Об окончательной выработке нормальн. штатов б-к.

9. О желательном рабочем дне библиотеки.

П о с т а н о в и л и:

4. На выдачу книг одному читателю при нормальных условиях работы установить время от 10 до 12 минут, увеличивая его в зависимости от моментов, обуславливающих интенсивность работы. (Расположение помещения).

5. Признать необходимым установление след. должностей:

1. Заведующего.
2. Помощника.
3. Завед. организ.-снабженческой частью.
4. Заведующ. абонементом.
5. Завед. детским отделом.
6. Завед. читальней.
7. Завед. передвижн. фондом.
8. Библиотекарей всех специальностей.
9. Библиотечных практикантов.
10. Делопроизводителя.
11. Контролера читальни.

Примечание. При существовании специальных отделений (научно-краеведческ. и т. п.) необходимо установление особого штата.

6. В виду наличия трудно-учитываемой работы, относящейся к формам массовой политпросветработы б-к (устройство вечеров, кружков и др. видов внешкольной активной работы б-к) включить в штаты б-к исчисленные на основании вышеприведенных форм на каждые 3 работника по 1 работнику).

7. При определении штатов центральных уездных и городских районных б-к, исходить из тех же принципов.

8. Окончательную выработку норм штатов поручить Библиотечному отделу.

9. Признать желательным установить дневную норму открытия библиотек:

- а) районных . . . 6 часов.
- б) центральных. . . 10 „

Председатель: (Королев — Библ. отд. ГПП).

Секретарь: (Кулакова — Крым, Главполитпросвет).

Секция детских библиотек.

Доклад Н. Л. Херсонской. „Работа в детской библиотеке“.

Товарищи, прежде чем определить цели и задачи детбиблиотеки, надо посмотреть, что представляет она собою. Детская библиотека, с одной стороны, есть библиотека, т.-е. учреждение политикопросветительное, ставящее себе целью, как все политпросветучреждения, проведение политвоспитания и пропаганду идей коммунизма и ленинизма в массовой работе. С другой стороны, детская библиотека есть учреждение для детей, учреждение, ставящее себе педагогическую цель дать ребятам-читателям правильное коммунистическое воспитание. Вся недоделанная работа в школе нашла в детбиблиотеках место для доработки. Детбиблиотеки воплотили в своей работе клубные методы, заполнили у детей время, оставшееся вне школы, и влили, хотя и частично, в организованную школьную детвору неорганизованных внешкольников. Во главе всей этой работы детбиблиотеки поставили как свою специальную цель — работу с книгой. Детбиблиотекарь должен быть педагогом и должен от книги повести свою детскую читательскую массу к организации своей жизни в библиотеке и к выявлению в работе с книгой детских интересов и творческого активного самообразования. В постановке всей педагогической работы детбиблиотека должна быть тесно связана с общей политико-просветительной работой. Все агиткампании и политпропагандистские недели должны находить самое активное отражение в работе детбиблиотеки. Они намечают то главное содержание, которое детбиблиотека должна проводить в своей работе с книгой. Главная и основная цель работы детской библиотеки, как мы уже говорили, дать правильное коммунистическое воспитание, т.-е. воспитать из ребенка будущего активного и трудящегося борца, умеющего работать в коллективе и для коллектива.

Какими же методами, какими же путями детбиблиотека достигает своей основной цели? Поскольку одна из главных работ — воспитание коллективного начала в среде своих читателей, постольку вся работа с книгой должна носить массовый характер. Ни одно индивидуальное чтение не должно быть не использовано в массовой работе. Второй общий методический подход в работе — это пробуждение самодеятельности, активного творчества. Раз мы ставим своей целью воспитать борца и строителя, нам необходимо разбудить в нем активность и самодеятельность. Да и осуществление той же массовой работы без активной самодеятельности ребят не достигнет той цели, которую она себе ставит. Самодеятельность тесно связывается с организацией детской жизни, с читательскими самоорганизациями. Наконец, третий метод работы — наг-

лядность, как основная база для выявления самодеятельности и массовой работы. И четвертый метод работы — метод, так сказать подсобный, — углубленная кружковая работа с книгой, как подготовительная работа к массовой.

Таким образом, мы насчитываем четыре основных принципа работы. Вся работа детбиблиотеки разделяется, главным образом, на три части — рекомендация книги, проработка прочитанного и организация детской среды. Старое библиотечное правило говорит о том, что каждая книга должна найти своего читателя. А для этого надо, чтобы читатель знал о каждой книге в библиотеке. Раньше, в дореволюционное время, когда библиотека была просто складом книг, и каждый читатель рассматривался, как отдельный суб'ект, библиотекари для рекомендации имели в лучшем случае карточные каталоги, а обычно просто устно рекомендовали каждому читателю ту или иную книгу. Когда же теперь мы поставили библиотеки, как политико-просветительные учреждения, имеющие, главным образом, массовый подход в работе, то и в рекомендации книг мы придерживаемся того же. Лучшими формами рекомендации являются плакаты, книжные выставки, рекомендательные каталоги, а затем организация бесед, рассказывание литсудов, диспутов, рукописный журнал и стенная газета.

Что такое плакат? Это есть ни что иное как культурное об'явление о книгах. Каждый знает, что плакат составляется на определенную тему и рекомендует определенное количество книг. Важно, чтобы работа с плакатом велась систематически и непрерывно. Библиотекарь вместе с кружком любителей библиотечного дела (а кружки такие имеются теперь уже повсеместно и почти везде ведут свою работу, так как намечено было в инструкции, посланной из центра к вам на места) намечают темы для плакатов на срок 2 — 3 месяца. И кружок сам коллективно prepares эти плакаты, ведя, таким образом, не только работу по рекомендации, но одновременно и по проработке прочитанного, так как они должны дать короткие рекомендации на каждую книгу, которую они помещают в плакат. Детская самодеятельность в работе над плакатом также имеется налицо. Но вот систематичности в намечании тем и в проработке рекомендации книг по плакату мы еще не видим. В большинстве детбиблиотек плакат все еще является украшением к празднику, а не систематической неотъемлемой частью работы с книгой. Теперь детбиблиотекари и должны поставить работу с плакатом систематически, как работу по рекомендации книг, по проработке прочитанного и по выявлению читательской самодеятельности.

Второй вид работы по рекомендации книг — устройство выставок. Выставки также должны быть темовые, как и плакаты. У нас в детбиблиотеках выставки практикуются 2-х видов — выставки книг-новинок или выставка-уголок. Те и другие зачастую организуются очень случайно. В работе же с выставкой необходимо наладить ту же систематичность. Все выставленные книги должны быть аннотированы и расположены в определенном порядке постепенной трудности. И, наконец, к организации выставок должны быть привлечены сами дети. Таким образом, и выставка книг может служить все тем же целям рекомендации, проработки прочитанного и выявлению детской самодеятельности.

Третий вид работы — рекомендательные каталоги. На работе с каталогами мы останавливаться не будем, так как они уже имеются во всех

библиотеках. Нам нужно лишь упомянуть о том, что каталоги должны существовать и для рекомендации и что к устройству их также должны быть привлечены дети, особенно к устройству каталогов рекомендательных.

Следующие виды работы еще теснее, чем эти три, связывают работу по рекомендации с проработкой прочитанного. Одним из таких видов является беседа. Беседы могут быть организованы самим библиотекарем и могут вестись самими читателями. Беседа в наших детбиблиотеках часто сходит на диалог библиотекаря с отдельным читателем. „Понравилось ли, что понравилось, расскажи“, — такая беседа нас уже не должна удовлетворять. Мы должны, главным образом, помнить о коллективной проработке и о выявлении самостоятельности. Беседы должны проходить организованно. Намечаются 2—3 наиболее ходкие книги, назначается день для их разбора и намечаются докладчики. Каждый доклад вызывает обмен мнений и заканчивается принятием резолюции — коллективной рекомендации той или иной книги, рекомендация же затем помещается в каталог. Беседы сменяются литсудами, диспутами, устной газетой и т. д. Суды и диспуты уже дальнейшая разновидность беседы, устраиваемая над одной книгой или над двумя противоположными. Устная же газета помимо выступлений по поводу прочитанного должна в своих устных статьях суммировать несколько прочитанных книг, статей, журналов и газет и из этого материала получить уже самостоятельную статью для газеты. От устной газеты переходят уже к стенной, к рукописному журналу.

Работа с газетой — одна из наших очередных задач. Подростки хотят знать о всем том, что творится вокруг них. Газета дает этот материал в совершенно неудобоваримой для ребят форме. Следовательно, дело детбиблиотекаря помочь ребятам воспринять газетный материал. Эта помощь может заключаться, с одной стороны, в устройстве часов чтения вслух газет, чтения самим библиотекарем (следовательно, больше объяснения, чем чтения) и затем в работе с газетой самих детей. Эта работа может быть в устройстве альбома газетных вырезок по темам и стенной газеты. Стенная газета не должна быть отражением лишь жизни самой библиотеки. Мы должны готовить деткор, но помнить, что из деткора должен выйти юнкор, затем селькор или рабкор, и, наконец, вообще корреспондент коммунистической печати. Поэтому важно, чтобы уже в работе со стенной газетой наши деткоры умели бы уже суммировать материалы печатных газет и давать свои передовицы на политические темы текущего момента. Эти передовицы и есть вторая форма самостоятельной работы детей с газетой. Стенные газеты у нас имеются во многих детбиблиотеках, но работа с газетой ведется не везде. Нам надо в настоящее время сосредоточить больше свое внимание на этой работе.

Всякая форма работы с книгой, ведущая к коммунистической работе, должна быть в наших детбиблиотеках учтена, развернута и проработана. И чем разнообразнее будет вестись эта работа, тем большее количество ребят может быть втянуто в активную работу.

Но для того, чтобы наладить всю эту работу читателей, для этого должна быть налажена вся организация детской среды в стенах детбиблиотеки. Каждая форма работы должна объединять ребят в кружок, кружки же в свою очередь должны быть связаны друг с другом путем выделения своих представителей в единое детское правление библиотеки.

Такая организация дает возможность и вести самую разнообразную работу без перебоев, втянуть всю читательскую массу в активную организованную работу и, наконец,—самое главное,—привить ребятам организационные навыки, дать возможность правильно выявить их социальный инстинкт.

Всю эту организацию детской жизни и осуществление идей коммунистического воспитания должны помочь провести детбиблиотекам пионеры. Коммунистическое детское движение у нас развивается все шире и шире. Внутренний распорядок жизни и работы пионеров весь проникнут коммунистическим воспитанием. В настоящее время выдвинут вопрос о создании форпостов (или фракций) по школам и другим детучреждениям. Детбиблиотеки не должны быть также забыты в этой работе. Дело Главполитпросвета договориться вполне официально здесь в центре о прикреплении наших детбиблиотек к пионерским отрядам. Это прикрепление даст возможность детбиблиотеке правильно поставить у себя коммунистическое воспитание—во-первых, а во-вторых, стать базой для работы с книгой коммунистическому детскому движению. На местах детбиблиотеки должны сами детально познакомиться с историей детского коммунистического движения и его развитием, затем детально продумать все пионерские законы и обычаи и наметить конкретные формы их осуществления в библиотечной работе. Детбиблиотекарь сам должен добиться в своем губернском бюро детских коммунистических групп того, чтобы был выделен форпост в его библиотеку. В свою очередь, детбиблиотекари должны помочь пионерским отрядам наладить работу с книгой внутри их отряда.

В настоящее время наши детбиблиотеки переполнены школьниками. 35—90% детей-читателей—школьники. Когда в начале революции, в годы 19-20-21—наши школы развалились,—это было вполне понятно; школьники грамотные, приобщенные уже к культуре и жажде знания, шли в детские библиотеки, которые могли удовлетворить те запросы, которых не могла удовлетворить тогдашняя школа. Но теперь наши школы уже оправились от разрухи. Наши педагогические, школьные коллективы стали работать над новой программой комплексной системы преподавания, системы, которая ведет за собой и новую организацию детской жизни внутри школы. Школьники стали разрываться на части, где им быть—в библиотеке, или в школе. А наши детбиблиотекари в очень большом количестве детбиблиотек не хотят упускать от себя школьников и всячески удерживают их у себя в ущерб школьным занятиям и организациям. Конечно, это политика совершенно неправильная. От этого страдают и дети, и, школа и библиотека. Пора оставить свой старый взгляд на школу, как на учреждение, не соответствующее воспитанию ребят. Сейчас этого нет—это надо твердо сказать. Сейчас наши школы постепенно начинают превращаться в тот дом подростка и ребенка, который мы наметили строить еще в 18 году. Детбиблиотеки должны не мешать этой организации, а должны ей помочь. Помощь должна заключаться в налаживании в самой школе работы с книгой. Это налаживание может выразиться в 2-х видах—выдвижение передвижки из детбиблиотеки в школу и работа с ней (у себя внутри детбиблиотека должна в основном вести работу с неорганизованными подростками—как и с кем об этом мы скажем ниже). Работу же со школьниками у себя в библиотеке детбиблиотекарь может наладить следующую: организуется из школьников кружок любителей

библиотечного дела. Этот кружок в библиотеке ведет работу с книгой и кроме того, у себя по школам организует такие же кружки и ведет работу с книгой там. Кроме того, детбиблиотека должна наладить свою связь и с педагогами. До сих пор, на 7-м году революции, у нас не изжит еще старый пережиток какой то вражды между библиотекарем и учителем. Пока сами библиотекари не возьмутся за урегулирование этого вопроса, до тех пор мы этой связи не установим и работа наша будет идти вразнобой. Мы тем самым можем остаться за бортом новых педагогических течений и нового строительства педагогических учреждений. Наши детбиблиотеки должны осознать, что, если у них есть специальная цель—работа с книгой, в то же время они являются не основным, а подсобным педагогическим учреждением в общей новой педагогически-коммунистической системе детучреждений. Организационно мы мыслим эту связь путем взаимного представительства на педагогических собраниях и библиотечных советах и в то же время путем совместной работы в методических комиссиях над вопросами детского чтения и работы с книгой.

Наши детбиблиотеки находятся в ведении политпросветов, что связи с соцвосами у них почти нет. Но такое положение вещей ненормально. И вот Главполитпросвет в мае 1923 года выпустил инструкцию о работе детских библиотек, которая объединяет все ранее выпущенные, и в то же время говорит о создании в каждом Губоно постоянной комиссии из 3—представителя политпросвета, соцвosa и заведующего центральной детской библиотекой для руководства всей работой детских библиотек губернии. Необходимо добиваться того, чтобы такие тройки были действительно созданы и работали и в методических комиссиях, и в школах и в детбиблиотеках.

У себя в стенах библиотеки должны в основном вести работу с внешкольниками и отказаться от работы со школьниками. Школы 1-й ступени по городам смогли вовлечь ребят почти на все 100 %, но школы 2-й ступени менее—многочисленные,—оставили за бортом 30—35 % подростков. Из этого количества больший % падает на деревню. Крестьянские ребята остаются в большем количестве вне школы, чем городские. Поэтому детбиблиотекам надо в первую очередь развить свою работу с ними. Сделать это можно организацией шефства детбиблиотек над деревней. Мы знаем, что шефствующих учреждений вообще у нас очень много. Но ведут ли они всю свою работу так, как должно, сказать трудно и наша деревня остается в большинстве случаев без нужной культурной подмоги. В некоторых губерниях была проба выездов на работу в деревне (Витебск, Москва), но это было случайно, непостоянно. Шефство же наше мы можем развить путем организации постоянных систематических выездов в деревню с книгами и работы с нею. У себя в детбиблиотеке можно организовать кружок смычки из ребят и этот кружок должен подготовить плакаты, выставку книг, инсценировки и т. д. для деревни. В деревне же важно через школу, или избу-читальню, устроив в них уголок детской библиотеки, втянуть крестьянских ребят в работу с книгой. Это дело еще для нас новое, но мы должны его начать и сама работа поможет нам выковать нужные методы.

Вторая группа неорганизованных подростков падает на фабрики и заводы. Фабзавуч на местах развит все же очень слабо. Рабочие библиотеки должны обратить внимание на своих подростков. Они должны иметь

детскую литературу и выделить или специального работника, или 2 дня в неделю на работу с детьми.

Наконец, есть третий тип внешкольников — беспризорные дети. Правда, их остается все меньше и меньше. Они сосредоточиваются лишь в крупных городах, да по линиям железных дорог. Эти дети — наша современная язва. Они большей частью кокаинисты, воришки. Они внешне больше похожи на бездомных зверят, чем на ребят. Работать с ними бесконечно трудно, но надо попробовать. Надо войти в контакт с ДЧК и наладить с их помощью культурную работу с этими ребятами.

Теперь нам осталось посмотреть тот основной материал, с которым мы работаем, — книги. Все детбиблиотекари жалуются, что книг мало, что хороших книг нет, что работать трудно. И это — правда. Старые детские книги в большинстве своем не годятся нашим современным детям.

Мещанская мораль, религиозные тенденции преобладают в них. Мистика, преклонение перед авторитетом, слезливая, бездейственная жалость к обездоленным наполняют содержание наших старых книг. Нашим детям нужна трезвая, бодрая, реалистическая литература. Они должны через книги знакомиться с окружающим, их жизнью и бытом так, как они есть на самом деле. Мы должны воспитывать смелых **последователей**, а не трусливых рабов.

В центре мы составили список книг наиболее вредных и разослали его к вам для изъятия их из ваших библиотек. С мест же поступают списки еще более полные, чем наш. Это надо приветствовать.

Правда, и среди новых книг есть неподходящие, но все же они менее вредны, чем старые. В общем количестве на нашем рынке имеется детских книг около 600 названий. Наиболее крупные издательства — Гиз, „Новая Москва“, Мириманова, „Земля и Фабрика“, „Начатки Знаний“, „Радуга“, „Молодая Гвардия“, „Книга и Мысль“. Государственное издательство за последнее время начало выпускать книги для подростков из нашего недавнего прошлого: Ауслендер — „Много впереди“, Григорьев — „Красный бакен“, „Паровоз 5324“, Дорохов — „Белые волки“, Рязанцев — „Демка Лобан“, и другие. Книги все вполне подходящи для современных детей. Идеологически они выдержаны, изданы аккуратно, по содержанию интересны и даже художественны (говорю „даже“, потому что, к сожалению, в современной детской литературе это редкость). Но для младшего возраста нужный тип книги еще не найден. Выпущен — „Яшка из кармашка“ — преглупая, никому не нужная сказка, с одной стороны, а с другой — рассказы Чичаговых — „Откуда посуда“, „Детям о газете“, „Путешествие Чарли Чаплина“ и др. очень трудны и по рисунку, и по содержанию. Поэтому мы считаем, что для младшего возраста Гиз не дал того, что он должен дать. Следом за Гизом большое количество книг выпустило издательство „Новая Москва“, специально для подростков (библиотека путешествий, рассказы из современной жкзни и другие). Все книги очень доброкачественные. Далее, идет издательство Мириманова. Книги Мириманова проникли всюду, даже в деревню: — это достоинство издательства, но, к сожалению, недостатков в них больше, чем положительного. Написанные словно по заказу, книги не выдержанны идеологически, не художественны и составлены крайне небрежно. С этими книгами провести работу можно, но книги эти не ценны и быстро проходящи. Пока они заполнили ту брешь, которая образовалась между старой, никуда не годной литературой и новой хорошей. Но издательства

должны развернуть свои возможности и создать действительно стоящую производственную книгу, которая вытеснила бы Миримановскую халтуру. Издательство „Земля и Фабрика“ также не выдержанно. Его приключенские серии скучны, однообразны и не дают того представления о производстве и жизни трудящихся, которое нужно нашим подросткам. Но еще хуже в этом издательстве алтаевские книжки. Автор — не талантливый, исписавшийся, но очень плодовитый — снова выпускает свои нехудожественные сентиментальные рассказы, поверхностно скользящие по любой эпохе и времени Парижской Коммуны и средневековых крестьянских восстаний, и русской революции 17 года. Эти книги безусловно не стоит пускать в наши детские библиотеки.

Издательство „Начатки Знаний“ выпустило журнал „Жаворонок“ — сентиментальный журнальчик нашим детям не нужный, ряд книжечек того же толка. „Павликины стихи и Шурины стихи“ — Тихеевой и Морозовой, Гриммовские сказки, да Доломановские пьески — все пахнет такой старой сентиментальщиной, какая нашим детям совсем не нужна. Для детей младшего возраста дает книжки издательство „Радуга“. Лучшее, что у них есть, это удивительно содержательные и в то же время очень художественные рассказы Бианки. Эти книжки безусловно надо иметь в наших детских библиотеках и пустить в работу с младшим возрастом. Красивые, легкие, ритмичные стихи Чуковского делают его книжки („Мойдодыр“, „Крокодил“, „Тараканище“) привлекательными для ребят. Они их читают, любят и запоминают, но, к сожалению, хорошая форма дает плохое содержание. Мещанские традиции слишком сильны в книгах Чуковского и они нашим детям не нужны. Более объективен по своему содержанию и в то же время не менее художественен Маршак. Его „Чудеса“, „Детки в клетке“, „Пожар“, более для нас приемлемы. Но, в общем и целом издательство „Радуга“ таково, что его книги в детбиблиотеках для малышей иметь стоит.

„Молодая Гвардия“ — издательство Комсомола. Его детские книги для пионеров необходимо иметь в каждой библиотеке. Идеологически их книги безусловно выдержаны. Их книги для подростков, воспоминания из истории комсомольского революционного движения (Заленский — „Восемь побегов“ и др.), их рассказы из жизни современных комсомольцев (Шубин — „На рабфак“) все это надо иметь, со всем этим можно работать, и нужно, и должно.

Наконец, издательство „Книга“ выпустило тоже 17 названий. Но их книги обладают громким заглавием („Бежим в страну краснокожих“ и др.) и дают старое содержание. Они нам не нужны. Интересны в данном издательстве книги переводные и особенно из них интересны книги Бонза, перевод с английского из американской жизни. С этими книгами работать в библиотеке можно.

Мы перечислили здесь наиболее крупные издательства. И поверхностный наш обзор дает уже картину того, что наш рынок далеко еще не полон нужными нам книгами в то время как возможность создания такой книги есть. И в деле создания новой книги не малую роль должны сыграть и детбиблиотекари. Они лучше других знают и детскую литературу, и детские интересы. Совместная работа библиотекарей-педагогов, детских писателей-художников и редакторов-издателей дает то, что нужно нашим детям. Что же им нужно? Если мы возьмем типовую детскую литературу, разобьем ее по возрастам, то у нас получится следующее:

Младший возраст—старшие дошкольники—7-летки и младшие школьники—8-и 9-летки начинают знакомиться с окружающим их миром и в первую очередь миром природы и животных. Обычно в старое время начинали этот возраст сказочной литературой, думая, что она дает нужный для фантазии ребенка материал. Что такое сказка? Это есть народный вымысел в объяснении непонятных для невежественных дикарей явлений природы. Поэтому почти все народные сказки проникнуты мистическим, религиозным элементом—преклонением перед авторитетом непонятного. Нашим детям не нужна эта беспочвенная вера. Они должны не верить, а знать, не преклоняться, а исследовать. Поэтому старые волшебные сказки безусловно вредны и не нужны. „Красная шапочка“, „Мальчик с пальчик“, „Ваня и Маня“ и целая серия сказок Гримма, Андерсена и Пьеро вредны и не нужны нашим малышам. Детям близко и понятно то, что их окружает. И вот одна американская рассказчица—дошкольница составила сборник рассказов из действительной жизни, которые понятны малышам. Ее книга называется „Рассказы про здесь и теперь“. Они говорят о паровозе, автомобиле, небоскребе для городского ребенка, о корове, собачке, лошадке для деревенского. Ее книгу безусловно нужно знать всем, так как она открывает собою новую эпоху в нашей дошкольной детской книжке. У нас также есть попытка создания такой литературы. Издательство „Новая Деревня“ выпустило серию из жизни детского дома „Как мы живем“, „Наши животные“ и т. д. Эти книжки и малохудожественно изданы и малохудожественно написаны, но в то же время они заинтересовывают ребят. Сейчас в Госиздате готовится серия книг для малышей из действительной жизни. И предполагается создать целую серию таких книг. Конечно, они заменяют вполне старые сказки и будут в то же время гораздо полезнее их для развития детской наблюдательности, сообразительности и реального мирозерцания.

Следующий средний возраст—10—12 лет, возраст, который обычно просит книжки из детской жизни, настоящей, действительной жизни. Для этого возраста у нас в старой литературе шли тенденциозные повести о благовоспитанных девочках и таких же мальчиках, о торжестве добродетели и тому подобных благоглупостях, при чем ко всему к этому примешивался религиозный элемент. Конечно, теперь нашим ребятам не нужны уже ни Лукашевич, ни Желиховская, ни Горбунов-Посадов. Наши рассказы для подростков должны действительно отображать реальную жизнь. Для этого возраста у нас литература есть и литература хорошая. И Гиз, и „Новая Москва“, и „Молодая Гвардия“ дают такие книжки. Но и среди этих книг есть один пробел, пробел, который пытается восполнить Мириманов, но попытка которого неудачна: это — рассказы производственного характера, написаны они так нехудожественно, так неумело, с такими грубыми ошибками и в описании самого производства, и в описании общественной жизни, с таким тщательным приглаживанием этой жизни, что совершенно не годятся для наших подростков. И пробел остается пробелом. Но для этого же возраста можно использовать и так называемую беллетристику зоологическую и географическую. Описания жизни животных, даваемые Робертсом, Сетон-Томпсон, Дж. Лондоном, вполне приемлемы для современных подростков. Наконец, путешествия и географические рассказы, дающие представление о жизни других народностей, тоже и с интересом ребятами читаются и на рынке

имеются. „Новая Москва“ выпустила Аненскую — „Путешествие Фр. Нансена“. Гиз выпустил целую библиотеку путешествий и даже „Молодая Гвардия“ выпустила „Комсомольцев в Африке“ — все это показывает, что этот род литературы у нас на рынке имеется. Вообще, надо сказать, что возраст 10—14 лет обеспечен лучше других.

Что же касается старшего возраста 14—16 лет, то они тоже более или менее обеспечены. Этому возрасту нужна, с одной стороны, героическая и приключенская литература, с другой — научно-популярная, объясняющая законы природы. Раньше юношество кормили мифами и героическими поэмами, но современным юношам они не нужны. У нас много действительно героических моментов дала революция и подготовительная к ней работа. Истпартовская беллетристика, художественные рассказы из истории комсомольского движения дают нужный для этого материал. Что же касается мифов и героических поэм, то они, как и сказки, могут быть лишь изучаемы, как этнографический материал по истории культуры. Книги научно-популярного характера также имеются новые. Новая литература создается и вытесняет старую. А если библиотекари своими советами придут на помощь издательствам, то тем дело можно будет подвинуть еще скорее.

Ударными задачами, которые мы намечаем на этот год работы, в первую очередь мы считаем установление рабочей связи детбиблиотеки с пионерами. Вторая задача — налаживание отношений со школой. Третья — развертывание работы с неорганизованными детьми, в частности, установление работы с детьми в рабочих библиотеках и организация шефства над деревней. Четвертая работа — пересмотр всего инвентаря детских книг и создание нового. В методах же работы необходимо осуществить лозунг — всего нашего библиотечного с'езда; „Книгу в массы“.

Техническая секция.

Председателем избирается М. И. Слуховский, секретарем Н. П. Усольцев.

Доклад А. А. Покровского: „Вопросы библиотечной работы с точки зрения научной организации труда“.

Тезисы доклада с дополнениями и пояснениями.

§ 1. (Предварительная оговорка).

Доклад не вполне отвечает тексту заглавия: в заглавии, соответственно вопросу программы с'езда, говорится о научной организации труда? Но, мне кажется, еще очень рано употреблять слово „научная“ в применении к организации библиотечной работы. Говоря о внесении в библиотечное дело начал элементарного расчета, здоровой экономии времени и труда, мы назовем это просто рациональной организацией труда.

Приложение принципов и требований рациональной организации труда к библиотечной работе — дело едва начинающееся.

Настоящий доклад — попытка подойти только к составлению программы работы, программы тех изысканий, соображений и практических опытов, которыми займется новое поколение библиотекарей. Поэтому в докладе — не ответы, а заголовки, вопросы, в несколько систематизированном порядке.

О приложении принципов НОТ к библиотечному делу — см. также некоторые статьи и заметки в „Книгоноше“ (1923 г., № 25, 1924 г. №№ 12 и 24-25), и в „Красном Библиотекаре“ (1924 г., № 4-5). Но употребляя слово НОТ, говорят о методах сбережения времени и т. п. — Л. Б. Хавкина (см., напр., введение к „Авторским таблицам“), В. Гофман („Организация и практика библиотечного дела“) и др.

§ 2. Группировка вопросов.

Излагать или напоминать общие требования и точки зрения вновь возникающей науки об организации труда — на библиотечном с'езде не приходится по недостатку времени*). Предполагая эти принципы известными, попробуем наметить их приложение к библиотечной работе.

*) Из русских книг и брошюр по организации труда для библиотечных работников ближе и удобнее других книжки П. КЕРЖЕНЦЕВА 1) „Организуй самого себя“, 2) „Памятка организатора“, 3) „Принцип организаций“. Укажу еще: 1) ГАСТЕВ, „Как надо работать“, 2) КЕКЧЕЕВ, „Как надо работать“ или его же: „Как повысить производительность труда“, 3) ЕРМАНСКИЙ, „Научная организация труда и система Тейлора“, 4) БЛОНСКИЙ, „Азбука труда“. Обширный список литературы по НОТ во 2-ом изд. Ив. КНИЖНИКА, „Что читать по общественным наукам“. Несколько еще более полных и подробных указателей изданы отдельными брошюрами (Е. И. ЕЛЕЦ, „Что читать по НОТ“, С. КАПЛАН, „Библиография НОТ“).

Пойдем „концентрами“ от узкого к широкому, от простого к сложному. Так можно наметить для рассмотрения, например, следующие круги вопросов:

1. Вопросы организации работы одного читателя (НОТ в приложении к методике чтения).
2. Вопросы организации коллективной работы нескольких читателей.
3. Организация труда одного библиотекаря, и здесь:
 - а) общие правила — „как надо работать“;
 - б) вопросы плана работы;
 - в) вопросы процесса работы;
 - г) о механических приспособлениях;
 - д) Экономика времени библиотекарей и читателей;
 - е) организация денежного хозяйства;
 - ж) учет и контроль;
 - з) комплектование библиотек с точки зрения рациональной организации труда;
 - и) библиотечная эстетика.
4. Организация работы коллектива библиотекарей (разделение труда, организация коллектива и пр.).
5. Организация работы системы библиотек (сотрудничество и разделение труда между библиотеками, централизация работ, стандартизация приспособлений, и пр.).

В докладе — соответственно положению вопроса о НОТ, в программе съезда, — речь идет, главным образом, о вопросах „технических“ и „хозяйственных“, а не о вопросах „методики библиотечной работы“ и не о вопросах управления библиотечным делом в государстве. (Понятно впрочем, что в точности выдержать это деление вопросов — трудно, да и не нужно).

§ 3. Организация индивидуального чтения.

Уже существует не мало книг и брошюр с советами о том, как надо читать (из старых, рассчитанных на читателя-интеллигента, назову книжки Ричардсона, Брандеса, Фаге; из русских — Гинкена („О чтении и книгах“), Рубакина, („Письма к читателям о самообразовании“ и др.). На более широкого читателя рассчитаны составленные незадолго до революции, отчасти переиздававшиеся и после революции, брошюры Рубакина „Как и с какой целью читать книги“; Владиславева, „Тетрадь для записи о прочитанных книгах“; Покровского, „Советы каждому о самообразовании“. Из вышедших в последнее время книжек, предназначенных для рабочих и для комсомольцев, и т. п.: Н. К. Крупская, „Организация самообразования“; П. Керженцев, „Как читать книгу“; А. А. Петров, „Памятка рабочему в самообразовании“; Борович, „Как читать книгу“; Ив Книжник, „В помощь начинающему читателю“; Миртов, „Как читать книгу“. См. также статьи в №№ 1 и 23 журнала „Помощь Самообразованию“. Скорее для читателя-интеллигента подойдут книжки: Невский, „Азбука самообразования“; Петров, „Техника самообразования“; М. Муратов, „О самообразо-

ваний"; Н. Ю р с к и й, „Методика организационной работы“, ч. I; Поварнин, „Как читать книгу“. По частному вопросу: Чарнолуцкий, „Техника записи чтения“.

Библиотечные работники должны пересмотреть, серьезно продумать в сопоставлении со своими наблюдениями над читателями, и переработать эти советы и соображения о том, как надо читать. Результатом проработки должны явиться в библиотеках краткие деловые советы и указания читателям, в разной форме (стенные листки, памятки на абонементных билетах или на карточках, закладках и т. д.). Вероятно, при этом будет целесообразно давать отдельно указания о той или иной стороне вопроса или о том или ином виде чтения, напр., отдельно: а) по гигиене чтения, б) как читать газету, в) о чтении беллетристики, г) как готовиться к зачету, проверке и т. п., д) о чтении научных книг, е) „Пользуйтесь справочниками“ и т. п. После серьезной проверки и коллективного обсуждения в библиотечарских совещаниях и комиссиях и пр., такие памятки или стенные листы должны издаваться библиотечными центрами в большом количестве экземпляров.

§. 4. Требования к внешней стороне книги.

Экономия времени и энергии (физических и психических сил) при чтении и изучении книги в большой степени зависит, между прочим, от внешних качеств книги. Коллективной работой библиотекарей (с использованием указаний врачей, психологов, школьных преподавателей и т. п.) при библиотечных центрах должны быть выяснены те требования относительно внешней стороны книги, которые можно через Библиотечный отдел Главполитпросвета, а также через печать и другими путями пред'явить издательствам.

В список этих требований, с одной стороны, войдут указания о таких чисто-внешних качествах книги, как, например, шрифт (размеры, характер), строчки (длина строки, расстояние между строками), бумага (толщины, оттенок, требование матовой, а не глянцевой поверхности); формат страницы, чистые поля, сшивка и т. п. *). С другой стороны, можно и должно выработать требования и указания относительно таких сторон книги, например, снабжение ее подробным, удобным для чтения оглавлением и, кроме того, алфавитным предметным указателем **), или как разные указания относительно внешней формы и места в книге иллюстраций, схем, таблиц, географических карт и пр. Касаясь еще таких вопросов, как расчисление книги на главы и параграфы, отметка содержания параграфов или страниц на полях или сверху страниц или расчисление текста абзацами, превращение длинных периодов в более короткие фразы и т. п., — мы заходим в область методики не издания уже, а составления или редактирования научно-популярных

*) Некоторые указания такого рода — есть в Руководстве для общественных библиотек Отле и Воутерса.

**) См. тезисы К. Сотонина „Научная организация книги“ в журнале „Время“, № 10-11, 1924 г.

книг. Кстати сказать, в разработке методики популяризации, библиотечные работники должны бы принять самое активное участие *).

§ 5. Вопросы коллективной работы нескольких читателей.

Советы по организации кружков даются во многих брошюрах по вопросу „Как читать“ (см. выше § 3). Список других статей и книжек о кружках самообразования — во 2-м изд. книжки М. И. Слуховского, „Пути подготовки библиотекаря-политпросветчика“. Можно было-бы добавить для библиотекарей беллетристический и полубеллетристический материал о кружках среди учащейся молодежи (у Гарина, Яблоновского и т. п.) и среди рабочих (как, напр., у Бибина).

Все-таки литература о кружках читателей пока не дает хорошо разработанной методики этого дела. Библиотекарям остается большая работа — и теоретическая (выяснение верных путей организации читательских коллективов, выяснение лучших форм кружковых чтений), и практическая (составление простых инструкций и руководств по устройству и ведению кружков).

Первая стадия этой работы — внимательное наблюдение над деятельностью существующих теперь кружков разного типа, работающих по разным программам (марксистские, по ленинизму, по профдвижению, антирелигиозные, по дарвинизму и т. д.); затем, точное выяснение слабых сторон и причин малоуспешности занятий, частого распада кружков; — и после этого уже библиотекари смогут вернее наметить коллективной работой разные для разных случаев основные приемы организации кружков, составления программ их занятий, ведение занятий, записи, учета и пр.

Помимо кружков совместного чтения — могут существовать многие иные формы взаимопомощи в чтении, усвоении и использовании книг, иные формы обмена впечатлениями, мнениями, выводами и т. п. Таковы, напр., открытые для всех собрания, беседы и дискуссии о книгах — в связи с громким чтением или в связи с пропагандой книги, плакатами, книжными выставками; тетради для замечания читателей о книгах, причем дело библиотекаря — не только выложить такую тетрадь, а начать письменную работу или вмешаться в нее, резюмировать ее и т. п.; стенные витрины (или доски, картоны) для вывешивания читательских отзывов о книгах и вопросов по поводу прочитанного: вклейка в книги (в конце или в начале книги) чистых листов для замечаний читателя, — причем, конечно, и библиотекарь, за своей подписью или без подписи, может показать пример, и т. п. На основании коллективного обсуждения и практического испробования таких приемов вырабатываются инструкции о них.

*) „Сборник статей по вопросам популяризации естествознания“ Б. М. Завадовского, вообще очень полезный для библиотекарей, свидетельствует все же, что ученые-популяризаторы мало знают массового читателя. Некоторые возражения Завадовскому в статьях Покровского (в „Сборнике статей по библ. работе“ Главполитпросвета, вып. III) и Б. Андреева („Книгоноша“, 1923 г. № 29). О методике популяризации думали и писали напр., Д. И. Писарев, Л. Н. Толстой, М. С. Карелин, Н. А. Рубакин, М. В. Муратов, и др. Помогут в этом вопросе и некоторые книги, собравшие внимательные наблюдения над читателем, как старая харьковская работа „Что читать народу“, как работа Анского „Народ и книга“ и т. п. Есть уже и о современном читателе, — в статьях журнала „Красный Библиотекарь“ и др.

§ 6. Памятка и записная книжка библиотекаря.

Центральным Институтом Труда составлены и изданы общие, предназначенные для всех профессий, указания „Как надо работать“ (приведены в озаглавленной так брошюре Гастева). Эти указания не мешают и библиотекарям переписать для себя и выставить в качестве памятки около рабочего стола. Но дальше следует их проверить на опыте библиотеческой работы, исправить несколько, конкретизировать, превратив в текст „Как надо работать библиотекарю“*), и тогда издать печатно листком-памяткой.

Те же указания нужно включить в „Записную книжку библиотекаря“, какой у нас пока нет, но какая была бы нам очень нужна. Такая книжка (с календарем, с разными справками, с разграфленными листками для разных записей и отметок) может быть хорошим средством организации труда библиотекаря, если она будет составлена серьезно, продуманно, на основании практического знания дела. Составить ее могли бы работники столичных библиотеческих центров с сотрудничеством работников институтов труда, а издать ее могло бы и Государственное Издательство.

§ 7. Планы работ.

Составление планов работ — годовых, полугодовых, трехмесячных и т. д. — в последнее время входит в обычай в советских учреждениях, — в частности, и в библиотеках. Но составляются такие планы по большей части не серьезно, на основании лишь благих пожеланий, а не точного расчета. Притом выполнение их плохо проверяется, а потому и в следующий раз повторяются ошибки.

При составлении планов необходимо, прежде всего, не просто перечислять работы, а для каждой указывать количество рабочих часов на ее выполнение требуемых. Это относится и к постоянным необходимым работам библиотеки (выдача книг, подготовка вновь поступающих книг и т. п.), и к работам добавочным (проведение кампаний, выполнение основных улучшений постановки библиотеки и пр.). В общем сумма рабочих часов на назначенные по плану работы должна, понятно, равняться количеству рабочих часов, которым располагает библиотека (рабочее время персонала плюс время, которое дают добровольные сотрудники и пр.)

Пример рабочего плана библиотеки с учетом времени.

В неделю библиотека имеет: 48 часов работы заведующего; 144 часа работы библиотекарей (четверо); около 30 часов работы добровольных сотрудников; 108 часов работы технических служащих (мальчиков — трое) = 330 часов.

*) Кое что к этому тексту можно взять у В. Гофмана: „Организация и практика библиотеческого дела“.

Распределение по работам	ЧАСЫ РАБОТЫ				
	Завед.	Библио-текари	Добров. сотрудн.	Технич. служащ.	ВСЕГО
I. Администр. и хозяйств. часть;					
а) общее заведывание, отношение с О. Н. О. и пр.	10	—	—	—	10
б) внутреннее хозяйство, уборка	6	—	—	24	30
II. Комплектование (библиограф. работа, списки, заказы, прием книг)—разсчитывая на закупку 125 книг в месяц	8	—	—	—	8
III. Инвентарь, каталогизация, переплет (на 125 книг в месяц)	8	8	6	—	22
IV. Абонемент (при работе библиотеки по 6 час. ежедневно, не исключая воскресений; включено время на расстановку книг и время на статистические подсчеты)	—	90	12	84	186
V. Читальня, — и постоянная полит.-просв. работа, как стенная рекомендация книг, уголки, справочная работа, читательские собрания и кружок	12	42	6	—	60
VI Агиткампании	4	4	6	—	14
	48	144	30	108	330

Господствующее еще у нас неопределенность и изменчивость условий работы не дают возможности составлять сколько-нибудь серьезные планы на большие сроки. По большей части, выгоднее ограничиться планами на три месяца; и то их необходимо будет в течение планового периода пересматривать и исправлять на основании учета их выполнения и вновь открывающихся обстоятельств.

Понятно, работы непостоянные в план должны быть включены календарно (напр., выступление 1-го мая: в плане ставится, что к такому то числу заканчивается такая-то подготовительная работа, а к такому-то следующая, и т. д.; и также сроками определяются задания отдельным участникам работы).

Пример календарного плана проведения агит-кампании.

Задание — книжные выставки к Октябрьской годовщине: с 16 по 25 октября — выставка для агитаторов, клубных работников, педагогов; с 25 октября — для всех читателей.

Библиотека располагает на эту работу 16-ю часами рабочего времени библиотекарей и 12-ю часами работы добровольных сотрудников.

П л а н		Библиотекари			Сотрудники			ИТОГО
		А	Б	В	Р	С	Т	
Окт. 8	} Приготовить списки книг к обоим выставкам							
9								
10		2	—	—	—	—	—	2
11	Закупка недостающих книг . .		2	—	—	—	—	2
12	} Для 1 - й выставки аннотация книг, рекоменд. списки, тексты заголовков, и пр.							
13								
14		1	1	—	2	—	—	4
15	} Устройство выставки	—	—	2	—	2	—	4
16								
17	} Для 2 - й выставки — аннотация, текста							
18								
19		1	1	—	2	—	2	6
20	} Дополн. закупка и аннотация книг							
21		2	—	—	—	—	—	2
22	} Устройство выставки — изготовление плакатов и пр.							
23								
24		2	—	2	—	2	2	8
		10	2	4	4	4	4	28

Ежедневный и еженедельный учет выполнения плана будет выяснять необходимость изменить план, если нужные работы не выполняются.

В библиотеках с несколькими сотрудниками — один из них является организатором, prepares планы, ведет учет и выполнения; но, конечно, принятие плана — как и его изменений в случае необходимости, — должно происходить на совещаниях коллектива сотрудников. Кстати сказать, и время, затрачиваемое на подготовку планов, и время, затрачиваемое сотрудниками на обсуждение планов, — должно учитываться и входить в плановые расчеты; это покажет, не тратится ли слишком много времени на хлопоты о сбережении времени.

Работа по составлению точных планов и по учету их выполнения приучит нас серьезно вдумываться в цели и процесс работы библиотеки, чтобы отделять существенные, основные безусловно, обязательные и неотложные задачи и функции от второстепенных и случайных. Мне кажется, это оздоровит, в частности, наше отношение к „внешней работе библиотеки“ и к разного рода кампаниям. Мы будем такие внешние выступления и работы вводить в наши планы со строгим расчетом, — постольку, поскольку они могут быть выполняемы всерьез, а не для виду, и поскольку они помогают, а не мешают выполнению общих существенных задач библиотеки.

§ 8. Нормы выработки.

Правильная планировка и организация библиотечных работ во многом существенно облегчится, когда будут выработаны и сделаны извест-

ными библиотекам нормы производительности в различных операциях библиотечарского труда.

Дело идет о цифрах, показывающих, например, нормальное количество каталожных карточек, которое может быть написано за данное количество рабочих часов одним человеком, или нормальное количество читателей на одного библиотекаря, выдающего книги и т. п.

При попытках выработать такие нормы сразу обнаруживается необходимость их указывать отдельно для разных случаев в зависимости от условий, например, норма составления каталожных карточек должна быть определена особо—для карточек, составляемых строго по академическим правилам библиографии, особо для аннотированных карточек, особо для простого краткого каталога, а затем увидим дальнейшие зависимости (например, от того, один ли человек проделывает все операции с книгой или труд разделен так, что каждая книга проходит через несколько рук). Норма выдачи зависит от технических приспособлений, а главное, от количества и подбора книг на полках; поэтому норма выдачи должна быть дана для общедоступных библиотек по крайней мере в трех вариантах: при хорошем книжном составе библиотеки, при среднем, при слабом.

Уже теперь Библиотечный отдел Главполитпросвета и другие библиотечные центры могли бы опубликовать—в качестве пока приблизительных, предварительных,—некоторые из таких норм; в дальнейшем проверка их многими библиотеками привела бы к их уточнению и варьированию (разные нормы для разных условий).

Приведем для наглядности такого рода предварительные нормы для работы по „подготовке книги“. Цифры взяты средние из опыта нескольких библиотек:

Операции:	Среднее число минут работы на одну книгу.
Запись в инвентарь с отметкой в счете	1-2
Штемпелевание—в трех-четырех местах книги	0,5
Штемпелевание и опись рисунков, пометка о дефектах	0-10
Сверка с каталогом (и приписка инвентарных номеров дублетов).	1-2
Классификация и авторский шифр	3-10
Формуляр книги	1
Отметка индекса и шифра в инвентаре (по формулярам)	1
Карточки (считая каталогизацию одной книги, хотя бы потребовалось иной раз более одной карточки для каждого каталога):	
а) алфавитный каталог	5-10
б) систематический (без подробн. аннотаций)	5-10
в) более подробные аннотации	0-20
г) предметный каталог	5-10
Написать и наклеить ярлык	1

Операции:	Среднее число минут работы на одну книгу.
Наклеить кармашек и полоску бумаги для отметки срока	1
Расстановка: книжных формуляров	0,5
„ карточек алфавитного каталога	0,5-1
„ „ систематического	0,5-1
„ „ предметного	0,5-1
„ книг	1

Итого: от 27 до 83 минут.

Приблизительно можно было бы принять для небольших библиотек без подробной классификации и каталогизации нормой обработки—20 минут на одну книгу; для крупных библиотек с подробной каталогизацией нормой придется принять 1 час на книгу. Здесь еще не учтены: а) выбор, закупка, прием книг, на что нужно считать 10-20 мин. на книгу, и б) сдача книг в переплет и прием из переплета—вероятно, 5-10 мин. на книгу.

Нормы времени на выдачу книг—наметить гораздо труднее: у меня в распоряжении нет по этому вопросу сколько-нибудь обоснованных предложений. Предлагалось, например, для библиотек малых, со скудным подбором книг, без хороших технических приспособлений, без разделения труда при выдаче—считать нормой выдачу 10 книг в час (считая и записи и расстановку этих книг и пр.). Для библиотек с лучшей техникой, с разделением труда, а главное, с хорошей наличностью книг—норма легко могла бы быть поднята до 20-30 книг на рабочий час одного библиотекаря.

§ 9. Детальные инструкции по отдельным работам.

И заграничные тейлористы, и русские работники НОТ для некоторых, очень еще немногих производств, уже выработали очень детальные соображения и указания работникам. На основании кропотливого изучения рабочих движений, с хронометражем и т. п., на основании различных теоретических расчетов и практических опытов—даются указания, как при работе ставить ноги, как высоко поднимать руку, какими мускулами действовать, с какою скоростью совершать то или иное движение руки,—и т. п., с учетом чуть ли не миллиметров в определении линии движения руки, и долей секунды—в определении скорости операций.

Трудно представить себе такого рода инструкции для работ по выдаче и рекомендации книг или по составлению библиографического списка. Но, несомненно, серьезный анализ процессов работы во многих операциях библиотеки укажет немало возможных улучшений. Если бы на основании такого анализа были составлены детальные советы и инструкции по отдельным видам библиотечарского труда,—как выдача книг, как каталогизация и т. п.—с указаниями, например, о том, как размещать вокруг себя принадлежности работы, какое положение придавать телу, ногам и рукам при разных операциях, как расчленять операцию и в каком порядке выполнять ее части, с какою скоростью их выполнять, каких

неверных или лишних действий избегать, как отдыхать во время работы в незаметных полуперерывах и в более долгих перерывах, как часто должны делаться и сколько времени продолжаться перерывы, и пр., и пр.,—то такие инструкции могли бы серьезно помочь библиотекарям в выработке навыков труда.

Потому следует просить библиотечные центры—в особенности московские—начать в сотрудничестве с работниками НОТ детальное изучение процессов труда в основных частях библиотечарской работы (в особенности—операции при выдаче книг, при каталогизации, при отыскивании справок в киигах) и составление для этих работ детальных инструкций.

§ 10. Борьба за время.

На вопросе о времени нужно еще остановиться, потому-что этот вопрос имеет особую важность для библиотек. От всяких задержек и потерь времени в библиотеке страдают не только библиотекарь, и не только учреждение, содержащее библиотеку, но и читатель. При том для многих читателей, в особенности для людей серьезно занятых, рабочих—эта потеря времени так неприятна, что отталкивает от библиотеки. Поэтому библиотекари должны остро ощущать совершенную недопустимость того, что у нас, к сожалению, иногда становится привычным явлением, что читатель по получасу, а то и дольше, ждет в очереди. И нужно непрестанно думать и изыскивать способы, хоть понемногу, то там, то здесь улучшая дело, хоть по минуте, по несколько минут сберегать время читателей. Поэтому желательнó вступление библиотекарей в лигу „Время“, а в крупных городах—организация библиотечарских ячеек лиги.

Изучать нужно и прямые причины медленности процесса выдачи, т. е. условия и детали процесса работы библиотекарей, выдающих книги; и косвенные причины,—т.-е., напр., причины, мешающие освободит других библиотекарей от иных работ, чтобы их поставить на выдачу. И, в крайнем случае, надо уметь вовсе отказываться от иных, не безусловно необходимых работ, чтобы употребить освободившееся время на ускорение выдачи (или на основные улучшения, могущие ускорить выдачу,—как, напр., изменение размещения книг или снабжение книг надписями на корешках, или изменение системы записей и т. п.) Ибо забота об ускорении процесса выдачи, об устранении задержки читателя—это самая важная забота библиотекаря.

Как уже упоминалось выше, лучшее средство ускорить выдачу—это улучшить книжный запас на полках*). Со всей энергией и настойчивостью библиотекари должны это выяснять тем учреждениям, от которых зависит снабжение библиотек книгами или деньгами на книги.

Но и при неизменном положении книжного запаса в каждой библиотеке можно несколько ускорить процесс выдачи различными техническими и организационными улучшениями; и, конечно, библиотекарь не имеет права отказываться от таких улучшений, возлагая надежды на увеличение в будущем книжного запаса.

*) В одной библиотеке точное наблюдение с „хронометражем“ показало, что при выдаче книг $\frac{9}{10}$ времени тратится на отказы читателям в требуемых ими книгах или на подыскивание какой-нибудь подходящей книги взамен требуемой,—и только $\frac{1}{10}$ времени уходит собственно на выдачу.

Заметим, что некоторое улучшение для читателей может быть достигнуто мерами к более равномерному распределению их прихода в разные часы дня: часто в некоторые часы видим наплыв и длинные очереди, в другие часы—сравнительно мало людей. Такою мерой является уже указание этого факта читателям (устно, и письменно, плакатом на стене) наприм., с построенной на окружности нарисованного крупного цифирблата часов диаграммой нагрузки каждого часа—и с текстом: „Видите, в какие часы выгоднее приходить для смены книг“.

Пока не устранены очереди—нужно устроить, чтобы человек не просто ждал, совсем даром теряя время; нужно ввести „номерки“, чтобы не нужно было стоять в хвосте; предоставить ожидающим какое-нибудь занятие—просмотр газеты, стенных плакатов и пр.

§ 11. О технических приспособлениях.

Технической секции будут сегодня представлены особые доклады о библиотечной технике и проект „Минимума библиотечной техники“ (см. брошюру „Наглядное пособие по библиотечной технике“. Библ. отдела Главполитпросвета). Мне хотелось бы высказать несколько принципиальных соображений о значении и месте техники в наших планах улучшения библиотечной работы.

Что улучшение библиотечной техники имеет громадное значение для улучшения культурной работы библиотеки—это теперь не приходится доказывать. Мы это хорошо понимали и чувствовали уже лет 10—15 тому назад, когда русские библиотеки, до тех пор затрачивавшие громадное количество труда и времени при допотопных системах разстановки и каталогизации гниг и регистрации выдач—впервые знакомились с десятичной классификацией, карточными системами, авторскими шифрами, библиотечным почерком и прочими привычными теперь техническими приспособлениями и приемами библиотечной работы. Мы с настоящим восторгом принимали эти нововведения, освобождавшие много энергии и времени, нужных нам для нашей культурной работы, для изучения книги и работы с книгой.

Но мне же, несколько времени спустя, пришлось на разных библиотечных собраниях, конференциях и курсах выступать против увлечения техникой, против „засилия техники“. Для многих молодых библиотекарей улучшение техники превратилось из средства в цель. Ради тонкостей каталогизации некоторые библиотекари стали забывать об изучении содержания книг. Иные работники умение шифровать книги по таблицам Кэттера-Хавкиной стали считать чуть ли не началом и концом библиотечарской подготовки, особенно грустно было видеть как уже после революции—новые библиотекари из рабочих, крестьян и красноармейцев стали все свое рабочее время затрачивать на классификацию своих крошечных библиотек по правилам международной библиографии,—не успевая даже просмотреть книжки, а иногда и не догадываясь, что библиотечарь должен знать содержание книг, а не только их классификационный индекс.

Во всяком случае библиотечная техника должна сберечь время для книги, а не отнимать время от книги; должна упрощать, а не усложнять труд библиотечаря.

И во всяком случае нужно постараться, чтобы низовой библиотекарь не тратил времени на изучение и разработку техники. Библиотечная техника должна даваться библиотечными центрами.

И именно должна даваться, а не преподаваться. Вместо того, чтобы на курсах и с'ездах говорить о том, как нужно записывать книги в инвентарь,—лучше дать готовую книгу для инвентаря, правильно разграфленную с должными заголовками, с предисловием-инструкцией. Вместо того, чтобы обучать составлению карточек алфавитного, систематического и предметного каталогов, лучше заставлять эти карточки в центре и печатать, чтобы готовыми давать их библиотекам.

Если в крупных центрах—и, прежде всего, в Москве—будут устроены склады для снабжения библиотек всеми принадлежностями библиотечной техники—от карточек, ярлыков, штемпелей и т. д., до правильно устроенных библиотечных шкафов и столов,—это больше сделает для проведения технических улучшений в наши библиотеки, чем сотни и тысячи лекций о технике на курсах и статей о библиотечных пособиях.

Но к такой центральной заготовке принадлежностей нужно относиться очень внимательно. Нужно предварительно изучить данную сторону работы, чтобы хорошо оценить нужные качества каждого приспособления: нужно добиться точного и аккуратного выполнения каждой мелочи. Иначе—не редко будет вред вместо пользы. Если, например, как это часто делают наши мастерские,—библиотечные карточки будут не в точности одного размера, а иные из них на несколько миллиметров больше или меньше, или если пробитое внизу отверстие на некоторых карточках будет на 2-3 миллиметра правее или левее центра,—в результате этого стержень каталожного ящика не будет легко проходить через все отверстия, библиотекари будут неохотно вставлять в середину отделов новые карточки,—откладывать это, терять их,—и новые книги будут оставаться, по библиотечной терминологии, „мертвыми“. Если готовые ярлыки для индексов и авторских шифров будут смазаны плохим клеем, т.-е. если они будут постоянно отклеиваться, исчезать,—то будет путаница в разстановке книг и, опять-таки, „смерть“ неверно поставленных книг и т. д.

Вообще в библиотечной технике нам нужно внимание к мелочам, точность, аккуратность; и в особенности все это нужно при организации центрального снабжения библиотек техническими принадлежностями. Поэтому следовало бы при устройстве центрального склада сначала просто выписать нужные предметы и материалы из-за границы,—главным образом, из американских библиотечных центров; затем перейти к изготовлению тех же предметов русскими мастерскими точно по заграничным образцам; и уже потом начать изменять эти образцы применительно к нашим условиям.

(Подробные иллюстрированные каталоги библиотечных принадлежностей высылаются американскими складами бесплатно; адреса можно узнать от Кабинета (то же Института) библиотековедения при Ленинской библиотеке).

§ 12. Дорогое и дешевое.

При техническом оборудовании и снабжении библиотек нужно соблюдать расчет, бывший понятным каждому коммерсанту: нужно заботиться о действительной, а не обманчивой дешевизне.

Объяснять подробно это положение не нужно; достаточно одного—двух примеров. Если библиотечная карточка из материала ценою 5 коп. служит три года, из материала в 1 к.—2 года, из материала в $1\frac{1}{2}$ к.—6 мес., то для библиотеки слишком дороги 1-ый и 3-ий сорта, а дешев 2-ой. Потому же переплет в 50 к., выдерживающий 80 выдач, дешевле переплета в 30 к. выдерживающего 20 выдач, и дешевле сафьянового переплета в три руб., выдерживающего 150 выдач.

Экономить копейки на качестве чернил, которыми пишутся карточки или на качестве клея для ярлыков,—это значит терять рубли на лишнем труде персонала.

Поэтому надо сказать, что во многих случаях нам нужно идти к улучшению качества технических принадлежностей и приспособлений, не смущаясь повышением их стоимости и доказывать содержащим библиотеки учреждениям, что это дает в результате сбережение их средств.

§ 13. Точный бюджет.

Никакая рациональная организация труда в библиотеке, никакая планомерность работы библиотеки немыслима без точного, твердого бюджета библиотеки. А этого у нас до сих пор нет почти нигде. Добиться этого—одна из первых задач библиотекарей.

Нам в этом должен помочь Библиотечный отдел Главполитпросвета: он должен разослать на места указания о крайней необходимости ведения библиотечного хозяйства по точным твердым сметам. Вместе с тем должны быть даны инструкции о том, как должны составляться сметы.

Первоначальные проекты сметы—по каждой библиотеке отдельно должны составляться самими библиотеками. При этом должны учитываться все поступления как денежные, так и натуральные (стоимость помещения, хотя бы предоставляемого бесплатно, стоимость книг, поступающих из Главполитпросвета и т. д.). Проекты сметы должны составляться по действительным потребностям библиотек, без „запроса“ и без „урезки“. В основу должны быть положены нормы, определенные для каждого типа библиотек, с определенными поправками в зависимости от реальных размеров работы каждой отдельной библиотеки.

Это надо пояснить. Каковы могут быть, например, нормы для ассигновок на покупку книг. Здесь ассигновка должна состояться из двух частей: 1) на покупку новых книг (составление подбора книг по всем отделам и вопросам), 2) на покупку лишних экземпляров более нужных книг и на возобновление истрепанных и утерянных книг. Первая ассигновка зависит от типа библиотеки и от того, сколько выходит ежегодно новых книг, нужных для библиотеки данного типа. Можно бы пока принять, что из выходящих у нас за год 15.000 книг нужны для центральной губернской библиотеки 50 проц., для городской, районной или волостной—20 проц., для передвижек, сельских библиотек и т. п.—10 проц.; среднюю стоимость книги можно принять в 1 р. 50 к. для центральной библиотеки, в 1 р.—для средней, в 50 к. для малой. (Конечно, эти цифры поставлены пока примерно; может быть, они

слишком не точны, но с них можно начать, а потом опыт внесет поправки и даст более точные цифры).

Вторая часть суммы — ассигновка на лишние экземпляры книг и на восстановление „износа“ — исчисляется соответственно реальной работе данной библиотеки, измеряемой общим количеством выданных за год книг. Приблизительно, можно принять, что в среднем книга выдерживает 50 выдач; следовательно, каждая выдача изнашивает книгу в среднем на $\frac{1}{50}$ ее стоимости; если библиотека выдала за год на дом 20.000 книг, она их „истратила“ на 400 руб. и эту сумму нужно дать на восстановление книжного капитала библиотеки. Выдача книги в читальню может быть приравнена при этих расчетах к $\frac{1}{5}$ выдачи на дом. Подобно этому исчисляются и ассигновки на периодические издания (принимается определенная для данного типа библиотеки доля выходящих в республике изданий), на переплет книг исчисляется соответственно ассигновке на покупку книг, на разные библиотечные принадлежности. Не случайными должны быть и ассигновки на персонал библиотеки (количество персонала, т.-е. количество рабочих часов квалифицированного и неквалифицированного труда, нужное библиотеке, определяется по нормам времени, необходимого для каталогизации книг, поступающих в библиотеку, и времени, требующегося для выдачи читателям данного количества книг).

Понятно, должны быть особые нормы для первоначального оборудования и комплектования библиотеки данного типа, при чем рекомендуется ассигнованную сумму расходовать не торопясь; если, например, назначено 15.000 р. на устройство новой библиотеки, то одну долю этой суммы можно истратить до открытия, другую — в продолжении двух-трех лет после открытия библиотеки, постепенно докупая книги, мебель и пр.). Библиотеки существующие, но недостаточно оборудованные вещами и книгами, — должны включать в проекты смет ассигновки на доведение до норм основного оборудования.

Конечно, в ближайшие годы только в редких случаях библиотеки могут рассчитывать, что их составленные по нормам сметы будут приняты учреждениями, содержащими библиотеки. Финансовое положение местных советов, профсоюзов и пр. не позволит этого; неизбежны при сводке и утверждении смет большие или меньшие сокращения. Необходимо, чтобы эти сводки и сокращения делались не бюрократическим усмотрением учреждений, а непременно в совещаниях с участием библиотекарей.

Сметы, как и другие важные материалы по делам библиотеки — должны выставляться к сведению читателей.

Понятно, в библиотеках, где действуют читательские собрания или библиотечные советы, проекты, сметы должны проходить через обсуждение в этих собраниях и советах.

Библиотека затем должна вести учет фактических расходов по всем статьям бюджета и составлять в конце сметного периода отчет по выполнению сметы, с нужными для понимания дела пояснениями и выводами.

Следует, между прочим, в сметах и отчетах выводить цифру, являющуюся показателем хозяйственной стороны деятельности библиотеки — среднюю стоимость одной выдачи. Эта цифра получается делением суммы всех (денежных и натуральных) расходов на сумму

количества выдач. Например: годовой расход—2.500 р. Выдано книг—32.000; стоимость выдачи—7,8 к. При этом нужно принимать выдачу в читальню равной $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{10}$ выдачи на дом, т. е. если выдано 40.000 на дом и 40.000 в читальню, то это нужно приравнять к выдаче 44.000 на дом. Конечно, один этот показатель еще не дает верной оценки деятельности библиотеки; но, все же, если из двух библиотек одинакового типа в одной средняя стоимость выдачи будет 15 к., а в другой 40 к., это покажет необходимость серьезно обследовать и обдумать дела второй.

§ 14. У ч е т.

Правильный учет работы—необходимейший элемент рациональной организации труда, но у нас в библиотечной работе эта часть поставлена совершенно неудовлетворительно: и учет времени, затрачиваемого библиотекарем и библиотекой на те или другие работы, и учет денежных расходов и финансовой целесообразности в той или иной области работы, и статистический учет, и отчетность по успешности влияния библиотеки,—все это ведется так, что совершенно не помогает организационным улучшениям. Между тем, библиотекари употребляют не мало времени и труда на требуемую от них отчетность разного рода, на сдачу отчетов по денежным делам, на объяснения различным контролирующим органам, на заполнение всякого рода анкет, на статистику выдачи книг и пр. В общем так тратится непроизводительно громадное количество времени, труда и нервно-психического здоровья, а работа остается неучтенной или неверно учтенной.

Здесь нельзя надеяться на быстрое улучшение положения: слишком еще велики нехозяйственность и бюрократизм в учреждениях, имеющих право требовать отчетов от библиотек, слишком еще слабы у нас всюду навыки делового, краткого, точного учета. Вместо умелых организаторов, библиотекам приходится иметь дело то с людьми канцелярии то со специалистами, смотрящими на дело через очки своей специальности: с умелыми или неумелыми бухгалтерами, с учеными или неучеными статистиками,—а теперь еще иной раз со специалистами по экспериментальной психологии, со специалистами по общественной гигиене и пр. И сами библиотекари еще слишком слабы в вопросах и делах рациональной организации, еще не могут дать отпора и верных указаний. Нужно, чтобы из библиотекарей выделялись люди, серьезно обдумывающие вопросы учета работы, чтобы эти вопросы разрабатывались в библиотечных центрах,—в частности, опять-таки в Библиотечном отделе Главполитпросвета,—и чтобы путем настойчивых, систематических переговоров с канцеляриями, бухгалтериями, ревизионными и контрольными комиссиями, статистическими бюро и т. п. проводились одно за другим хотя небольшие, постепенные улучшения форм учета, контроля, отчетности.

§ 15. Упрощение статистики.

По вопросам библиотечной статистики я бы хотел высказать одно дополнительное предложение к тезисам доклада В. А. Штейна, чтобы библиотечные центры познакомились с одним приемом сокращения статистических работ библиотекарей, который проводился в 1912—17 г. г. в московских городских библиотеках и потом, в первые годы революции, каким то образом, отменился и забылся.

Суть его в том, что некоторые детальные подсчеты, например, количества выданных книг по отделам делаются не за каждый день, а только за несколько дней в течение года (положим, в воскресенье 2-го января, потом в понедельник 17-го января, во вторник 1-го февраля и т. д.). Данные за все эти дни по истечении года складываются и переводятся в процентные отношения. Таким образом, оказывается, что в итоге за все „дни статистики“ выдано, положим, 45 проц. беллетристики, 3 проц. книг из отдела 1-го: 1 проц. — отдела 2-го и т. д. Эти цифры и принимаются для года. Как показала проверка, точность результатов практически вполне достаточна; в больших библиотеках, где дневные итоги выражены не слишком малыми числами, разница с результатами „сплошного“ подсчета за все дни года — по большей части оказывается лишь в долях процента, т.-е., напр., 5,7 вместо 5,5 или 20 вместо 20,7, а работа библиотекаря сокращается вдесятеро. Этот прием своего рода выборочной статистики может применяться и во многих других случаях, хотя, нужно оговориться, с осторожностью и, во всяком случае, не по усмотрению одного библиотекаря, а после серьезного обсуждения и решения совещания при центре *).

§ 16. Комплектование.

В этом докладе не приходится говорить о принципах, о политико-просветительных критериях комплектования: вопрос затрагивается только с точки зрения экономии денег, труда и времени библиотекарей и читателей.

С этой точки зрения очень не рациональны некоторые привычки даже лучших русских библиотек. Например, неверна и вредна привычка средних библиотек иметь много „названий“ при малом количестве „экземпляров“. Приобретают произведения многих второстепенных и третьестепенных беллетристов, вместо того, чтобы употребить средства на приобретение многих экземпляров лучших произведений первостепенных писателей. Покупают по одному экземпляру многих слабых книг на одну тему (скажем, о происхождении жизни на земле или хотя бы о жизни Ленина), вместо того, чтобы во многих экземплярах иметь одну-две лучшие. Иногда библиотекарь говорит: „У нас эта книга во многих экземплярах“ — и под этим подразумевает 2—3, самое большое 5—10 экземпляров. А нужно иные книги иметь в сотнях экземплярах. Иметь же подбор разнообразных, хотя бы и не лучших, книг на данную тему — это дело центральных библиотек, а не всей библиотечной сети.

Тоже надо сказать и о другой плохой привычке наших библиотек — удерживать большое количество книг в ущерб качеству подбора. Удерживаются в библиотеке книги устарелые или случайно попавшие; книги мало ценные, не вредные, но и не полезные. Удерживаются и книги хорошие, но не подходящие к типу данной библиотеки, не пользующиеся в ней широким спросом. Не для красного слова только, а с полной

*) Подробности об этом упрощении в заметке, напечатанной в 1913 году в отделе „Народное образование“, „Известий Моск. Гор. Думы“. Интересующиеся, если не найдут этого издания могут списаться с Моск. центр. публ. библиотекой. Недавно опыт практического применения этого приема сделан в Твери т. Бажановым; его сообщение напечатано в „Красном Библиотекаре“.

серьезностью надо сказать, что гораздо лучше иметь в библиотеке только тысячу хороших и спрашиваемых книг, чем иметь ту же тысячу плюс девять тысяч книг неважных, мало нужных широкому читателю и мало им спрашиваемых. Отдав эти девять тысяч второразрядных книг в центральную библиотеку — мы вдесятеро облегчим и улучшим работу обыкновенной библиотеки.

Техника комплектования у нас даже не примитивна, а просто нет никакой. То просто библиотекарь в магазине с прилавка набирает книги; то книги присылаются „сверху“, — а верх их выбирает по случайному просмотру или рекомендации представителей издательств и книготорговли. Очень бы желательна была тщательная разработка (опытными серьезными работниками, Библиотечным отделом Главполитпросвета) хороших инструкций и пособий по технике комплектования (как составлять планы комплектования, как распределять ассигнованные суммы во времени т.-е. сколько тратить на большую закупку книг сразу, сколько оставлять в запасе на новинки); как просматривать библиографические и т. п. пособия, как из них делать выписки и выборки, и как держать в порядке эти выписки; как делать по этим выпискам окончательный выбор для заказа; в какой мере, в какой форме в комплектовании библиотек должны участвовать читатели и т. п.).

О централизации комплектования ниже—§ 20.

§ 17. Библиотечная эстетика.

Вопросы „эстетики“, — о том, что красиво, и как сделать, чтобы было красиво, и зачем это нужно, и т. п., — прямо относятся к вопросам организации труда и экономизации энергии. Здесь, однако, не приходится вдаваться в разъяснения этих соотношений, в общие эстетические теории.

Но и собственно о „библиотечной эстетике“ — пока нечего сказать, кроме этого заглавия; вопрос ни практически, ни теоретически не разработан. Нужно надеяться, найдутся среди библиотекарей люди, которые возьмутся за его разработку.

Мне думается, при этом надо будет осознать и конкретизировать связь библиотечной эстетики с требованиями:

1) гигиены вообще; прежде всего, чистота: такие формы обстановки и принадлежностей, такие качества улучшений, которые бы естественно и просто вязались с легкостью наблюдения чистоты; вопрос о свете и о чистом воздухе; вопрос о живых растениях, и пр., и пр.

2) психология чтения или вообще психология умственного труда, напр., учитывать зависимость психологических процессов (внимания, памяти и пр.) от обстановки до таких деталей, как цвет стен, как мягкость или жесткость стульев;

3) интересов труда библиотекарей: такое размещение и такие формы предметов, чтобы среди них были удобны рабочие движения библиотекарей; прочность всего в обстановке, что должно быть постоянным, легкость смены непостоянного, и т. д.

Мне также думается, что общий стиль библиотеки не должен быть шумливым, крикливым, пестрым, резким, бьющим в глаза и бьющим по голове. Стиль уличного выступления, не редко теперь завладевающий библиотечными плакатами и вообще стенами библиотек, —

неверен, невыгоден для библиотеки. Конечно, библиотека не „храм“, но и не „базар“; скорее она мастерская, и мастерская серьезной умственной работы. Этой сущности ее должен отвечать и внешний ее стиль.

§ 18. Разделение труда.

Когда мы переходим к работе нескольких библиотекарей в одной библиотеке, то перед нами намечаются—из первых крупных вопросов—в особенности два: 1) о разделении труда, 2) об организации коллектива.

Значение разделения труда в библиотеке для повышения производительности работы библиотекарей—ясно каждому. Это легко обнаружить точным учетом, напр., в одной московской библиотеке пять библиотекарей, из которых каждый отдельно производил ряд операций по подготовке книги к обращению (запись в инвентарь, краткая каталогизация, штемпелевание и т. п.)—подготавливали 25 книг в час, когда те же библиотекари организовали в той же работе разделение труда, так что книга для ряда операций переходила из рук в руки,—они стали подготавливать 50 книг в час.—В американских библиотеках часто обмен книг в абонементе организован так, что читатель проходит вдоль длинного прилавка, за которым стоит несколько библиотекарей: один принимает книгу, другой просматривает, третий отмечает, четвертый подыскивает другую, и т. д.; при такой организации общее количество книг, выдаваемых за один час на одного библиотекаря, оказывается чуть не вдесятеро большим, чем у нас.

Но тут сразу встает обычное сомнение. Как отражается такая организация дела на культурной ценности работы? Не теряем ли мы, вследствие механизации работы, на ее качестве то, что выигрываем на количестве? И другое сомнение: можно ли обрекать библиотечных работников на роль „колесика в механизме“?

Первое сомнение едва ли основательно: качество культурной работы только выиграет, если сотрудники, составляющие рекомендательные списки, устно рекомендуящие книги, ведущие справочную работу, и т. п., будут освобождены от других работ, отвлекающих их внимание и энергию.

Труднее выйти из второго сомнения, что личность библиотекаря (или по крайней мере, некоторых библиотечных работников, на которых будут ложиться „механические“ функции) будет страдать от строго проводимого разделения труда. Но это возражение относится к разделению труда во всякой работе, а не только библиотечной; прежде всего—к фабрично-заводским производствам. Известен выход, который там намечается прогрессом техники во взаимодействии с прогрессом сознательности и требовательности трудящихся: техника (механические приспособления, выработка деталей трудового процесса и пр.) так строится, что в высшей степени легким делается переход от одной работы к другой. Хорошо вооруженный общими трудовыми навыками работник сразу входит в новую работу,—быстро приспособляясь к новой машине или к новой рабочей операции, так что производительность машины не страдает. То же, вероятно возможно и в библиотечной работе. При разделении труда по выдаче книг в описанной выше американской библиотеке—каждый из участвующих в работе библиотекарей несколько раз в течение дня (кажется, через каждые $1\frac{3}{4}$ или $2\frac{1}{4}$ часа) переходит на

место и на работу другого, и техника так налажена, что от этого работа не замедляется.

Интересная и многообещающая задача для внимательных практиков работы крупных и средних библиотек — серьезно изучить и разработать наиболее выгодные для библиотек того или иного типа способы разделения труда в подготовке книг, в выдаче книг и пр. Изучить и составить об этом инструкции с указаниями, между прочим, о том, через какие периоды библиотекарь должен менять свое место в работе. Для этого нужно определить — по каждой из отдельных работ — выгоднее ли назначить для каждого библиотекаря на каждую работу те или иные часы в течение дня; или лучше назначать дни в течение недели (скажем, вторник — целиком на одну работу, среду — на другую и т. д.); или, может быть, следует, чтобы в течение месяца или нескольких месяцев подряд библиотекарь делал одну и ту же работу, и потом тоже на месяцы переходил на другую.

§ 19. Коллектив сотрудников.

Следует особенно подчеркнуть большую, с точки зрения повышения количества и качества работы важность того, чтобы сотрудники библиотеки составляли настоящий живой коллектив, не только под одной крышей работающий, но и коллективно организующий работу, коллективно думающий, коллективно решающий.

Это нисколько не противоречит принципу единоличного заведывания учреждением, принципу ответственности одного лица, заведующего библиотекой, за ее работу. Хороший заведующий — сильный авторитетный работник — всегда убедит коллектив, в чем действительно нужно убедить, всегда проведет свою линию, если эта линия верна. И он же сумеет принять и провести поправки или в существенном уступить коллективу, когда коллектив прав. Конечно, на деле не все идет так гладко, как хотелось бы, но жизнь коллектива стоит того, чтобы иной раз терпимо отнестись к шереховатостям и грехам.

В каждой библиотеке должен быть установлен некоторый формальный порядок жизни коллектива (периодические собрания, секретарство и протоколы и т. п.), но, конечно, формализма нужно поменьше. Суть дела — не в собраниях и протоколах, а в прочности привычек заведующего и сотрудников советоваться всегда с теми, кого данное дело касается, не приказывать и не ждать приказов, не отделять „начальства“ и „подчиненных“, а всегда думать и ощущать, что все одинаково вместе управляют делом и подчиняются делу.

Понятно, что в библиотеке, где в работе принимают активное участие постоянные добровольные сотрудники из читателей, — эти сотрудники должны быть такими же членами коллектива и участниками его совещаний, как и платные сотрудники.

§ 20. Централизация работ.

С точки зрения „научной организации труда“ нужно сильнее подчеркнуть необходимость твердо держать курс на централизацию библиотечного дела, — не в смысле административной централизации заведывания, а в смысле методи-

ческого проведения централизации многих библиотечных работ. Централизовать нужно почти все, что можно делать в одном месте, вместо того, чтобы делать в десяти местах или в тысяче мест; все, что можно, нужно из центра давать готовым на места. Итти к централизации, конечно, на основе коллективной работы библиотекарей — не только таких работ, как заготовка карточек или как переплет книг, как классификация и каталогизация, но и таких, как комплектование библиотек, изготовление плакатов для пропаганды книг, составление книжных выставок (для кругового передвижения), — и даже таких, как помощь в самообразовании и справочная работа.

Все невыгоды централизации в реальном осуществлении ее у нас — известны каждому; но, признавая их, мы не будем из-за них отказываться от верного и важного принципа, а будем:

1) не торопиться, не браться сразу за централизацию всего, а постепенно осуществлять сначала то, что легче осуществляется, на этом исправлять ошибки, вырабатывать аппарат и навыки центральной работы, потом переходить к другому; и

2) тщательно обдумывать каждый шаг, чтобы с самого начала избежать уже ясных, предвидимых невыгод и неудобств.

К таким ясным и предвидимым невыгодам относится, в особенности, противоречие принципа централизации с принципами „локализации“ и „индивидуализации“. Поэтому, возражают, например, против централизации комплектования, боясь, что при этом библиотеки не будут приспособлены к местным условиям, что не будет места личной инициативе библиотекарей. И возражения основательны: если центральное комплектование будет заключаться в том, что кто-то в губернском центре или в Москве будет закупать книги для каждой отдельной библиотеки, не справляясь о ее желаниях, — так лучше вовсе не нужно нам такой централизации. Но ведь можно не так ставить дело; можно централизовать, главным образом, хозяйственную сторону дела — закупку книг — с тем, чтобы эти закупки делались по спискам, представляемым библиотеками. А работу по составлению этих списков можно в большей или меньшей мере централизовать, не отнимая у библиотек самостоятельность, например: 1) центр должен хорошо и во время снабжать библиотеки удобными пособиями по выбору книг, нормальными каталогами, рекомендательными списками новинок; 2) центр должен организовать личную помощь (силами хотя бы персонала центральных библиотек) тем библиотекарям, которые еще плохо справляются с выбором книг для закупки; 3) центр может организовать коллективный просмотр представляемых отдельными библиотеками списков в совещаниях или комиссиях библиотекарей (при Губполитпросвете, в объединениях и т. п.) 4) центр может некоторую часть имеющихся в его распоряжении на комплектование библиотек средств употреблять на более спешную закупку — уже без списков библиотек — некоторых несомненно нужных для библиотек книг.

§ 21. Разделение труда между библиотеками и работа более крупных библиотек.

Один из вопросов планомерной организации работы библиотечной сети — слабо затронут программой с'зда; это — вопрос о разделении

труда между библиотеками разных типов, разных „ступеней“ и о роли более крупных библиотек. Все внимание съезда сосредоточено на работе низовых библиотек—сельских, рабочих, красноармейских, мелких и передвижных; и это правильно. Но все же нужно коснуться и важных задач работы крупных библиотек, чтобы их работники не смущались, не впадали в сомнения относительно ценности и нужности своей работы.

В основном—разделение труда между тремя главными „ступенями“ библиотечной системы можно представить так:

1-я ступень: библиотеки сельские, фабричные и т. п. Их задачи: „ликвидация неграмотности“—в широком смысле слова, включая сюда элементарное политическое воспитание и анти-религиозное образование; помощь школе 1-й ступени, фабзавучу и т. д.; помощь крестьянам, ремесленникам и рабочим в производственной работе; помощь советской и партийной работе местного масштаба.

2-я ступень: библиотеки уездные, городские и т. п. Сущность их задачи—помощь росту новой интеллигенции, рабоче-крестьянской—по общему характеру, коммунистической—по идеологии, трудящейся в точном смысле слова. Практически—главные обязанности этих библиотек: 1) помощь школе 2-й ступени и рабфаку; 2) помощь техническими книжками и деловыми справками работникам всякого рода, не удовлетворяющимся книжками и справками малых библиотек.

3-я ступень—библиотеки академические, специальные, большие, центральные. Помощь ВУЗ'ам, научной работе, техническому творчеству, организационной работе крупного масштаба.

Уже обстоятельно раз'яснялось (между прочим—Бухариным), как важна, помимо ликвидации безграмотности масс, и подготовка „головки“ передовых работников и организаторов. Для каждой страны, для каждого класса имеет громадное значение не только элементарная сознательность всей массы, но и образованность, умелость, сила этой головки, народа или класса—его интеллигенции. Помочь росту новой интеллигенции рабоче-крестьянского государства, хорошо вооружить ее—эта работа громадной важности. И потому громадной важности работу будут выполнять библиотеки 2-й ступени,—если только они действительно будут вооружать новую интеллигенцию, помогать ей развиваться в настоящую рабоче-крестьянскую, коммунистическую интеллигенцию, а не просто будут обслуживать процессы оформления и усиления мелко-буржуазной полуинтеллигенции.

Конкретно, в высшей степени важной работой является обслуживание учащейся молодежи; библиотеки должны ставить эту работу внимательно, продуманно, углубленно. Для этого они должны хорошо знать и понимать воспитательные и образовательные цели советской школы, должны помогать их выполнению старательным подбором и верной рекомендацией нужной беллетристической и научной литературы; должны уметь восполнять недочеты и исправлять ошибки местной школы. Понятно, что для этого библиотекари должны быть хорошо осведомлены в теории и практике школьной работы и должны работать в постоянном общении с педагогами.

В обслуживании взрослых, уже сложившихся людей—из советской интеллигенции и полуинтеллигенции („служащие“) всего важнее развивать выдачу научно-деловых книг, помогающих улучшению работы (служебной, советской, партийной, кооперативной, педагогической и пр.).

Помимо прямой работы с читателями, крупные библиотеки могут и должны нести важную службу по обслуживанию малых библиотек, по обслуживанию всей библиотечной сети, всей армии библиотекарей. Они должны вносить в общую работу серьезность, углубленность, напр., серьезное изучение книги и влияния книги на читателя; должны идти впереди в применении технических, хозяйственных и организационных улучшений; должны быть местами коллективных работ библиотекарей; должны постепенно проводить централизацию различных работ; и, конечно, должны быть центрами изучения движения библиотечного дела; при каждой центральной библиотеке должен быть „кабинет библиотекаря“.

§ 22. Вопрос о классификации.

Говоря о централизации библиотечной техники, мы должны были бы прийти к деловому, практическому решению о централизации классификации,—централизации не только в пределах библиотечного района, а и во всем государстве.

Многими предлагается система обязательного печатания классификационных индексов издательством на самой книге. Лично я не стоял бы за такую систему. Она создаст не мало практических неудобств для издательств; напр., необходимость доверить это дело лишь одному или очень немногим авторитетным центральным учреждениям во многих случаях вызовет волокиту и, быть может, задержку выхода книги. И притом эта система не будет выгодна малым библиотекам: на книгах будут выставляться сложные индексы, нужные для библиографов и для больших библиотек, и малой библиотеке трудно будет их приспособлять к своим удобствам. *).

Мне кажется, индексы для библиотек должен указывать центр широкой библиотечной работы, а не академически библиографический центр.

Но этот разговор пока еще оказывается преждевременным; центральную индексацию книг теперь нельзя еще вводить потому, что мы не имеем общепризнанной классификационной системы. Правда, принцип десятичной классификации теперь в массе библиотекарей почти не встречает возражений. Правда, пресловутая „война из-за

*) Многие думают, я и сам сначала так думал, что библиотекарь легко выполнит такое приспособление, если ему дать общее указание: из сложных шифров брать только один или два первых простых знака, смотря по типу библиотеки. Но вот несколько примеров частью из индексированных украинских изданий, частью из „Книжн. Летописи“).

002:68.0025 (084).

3:35 (082).

54 91 — 48 (02).

8 — 93 (075).

9 (3) (00—2):9 (32+35+39).

9 (46 1) „1919 . . .“.

Что сделает с такими шифрами малая библиотека. Попробуйте поступить по приведенному выше рецепту—и выйдет чепуха, останутся несуществующие в кратких таблицах индексы,—или книги попадут туда, где их никто не найдет (современная Финляндия — в Историю России, сборник стихов — в социологию; получится бесформенная груда книг под индексом 9, и т. п.).

нуля"—война „дьюистов“ с „брюссельцами“, кажется, устраняется заявлениями Брюссельского института, который считает это разногласие неважным и разрешает, „si on le desire“—„если угодно“, пользоваться нулями и обходиться без вспомогательных индексов. Но зато в сердце русских библиотекарей теперь широко распространяется недовольство и деталями, и общим строем американско-брюссельской системы, и выставляется требование радикального пересмотра, полной переработки ее для приспособления к новому строю научного знания и к марксистскому мировоззрению. Предсездовая конференция библиотекарей в Ленинграде заявляет вполне определенно о необходимости „введения новой обязательной системы для всех библиотек СССР, составление которой должно быть поручено виднейшим марксистским ученым“.

Лично я, вполне признавая устарелость системы Дьюи-Отле и большие ее неудобства для работы в современных библиотеках, а в особенности—в библиотеках социалистических республик, все-таки не решился бы так уверенно говорить, что следует теперь вырабатывать новую систему. Марксистские ученые могут выработать удобную для данного момента классификацию наук, но является сомнение,—сумеют ли они сейчас, хотя бы даже в сотрудничестве с библиографами и библиотекарями, изобрести такие формы классификации, при которых она не окажется для скорого же будущего столь же неудобной, как неудобна теперь система Дьюи-Отле.

Но решить этот вопрос, конечно, нельзя без очень тщательного разбора, теоретических соображений, практических попыток. И, конечно, нельзя в собрании нескольких сот человек в несколько часов осуществить этот тщательный разбор, эту кропотливую теоретическую и практическую работу. Поэтому мы можем только высказаться за серьезное обсуждение этого вопроса компетентными совещаниями.

Я лично по вопросу о классификации внес бы следующие предложения:

1. Авторитетное совещание—хотя бы, напр., при Коммунистической Академии,—с участием марксистских ученых, библиографов и непременно практиков широкой библиотечной работы, должно решить вопрос—следует ли держаться точно системы Дьюи-Отле, или следует ее переработать, или, наконец, нужно от нее совсем отказаться и выработать новую систему. В случае решения о переработке или выработке новой системы, эта работа должна быть выполнена опять-таки, при обязательном участии людей, практически знающих работу не только больших, но и средних и малых библиотек.

2. Так как, во всяком случае, это будет делом очень долгим,—то до тех пор нужно просить Библиотечный отдел ГПП переиздать выпущенные им сокращенные таблицы десятичной классификации, причем они должны быть пересмотрены без ломки основ системы, с введением очень многих новых понятий и предметов, но без всякого усложнения индексов; напротив, для малых библиотек необходимы упрощения,—в особенности—отказ от вспомогательных индексов.

3. Теперь же желательна организация в Москве (Главполитпросветом совместно с Губполитпросветом) центра по классификации книг для библиотек. Этот центр должен: 1) давать индексы для книг, рецензируемых или рекомендуемых в „Красном Библиотекаре“, „Книгоноше“, „Вестнике Книги“, 2) давать индексы для книг, распределяемых коллекторами Глав—и Губполитпросвета, 3) отвечать на запросы библиотекарей из провинции.

Доклад В. А. Штейна: „Минимум библиотечной техники и статистики“.

Наш с'езд имеет своей основной задачей подвести итоги проделанной за время революции работы и установить вехи ее будущего направления. Размах проделанного, грандиозность устремлений переживаемой эпохи побуждают с'езд выделить для обсуждения лишь главные, ударные вопросы современной библиотечной действительности.

На общем фоне вопрос о библиотечной технике представляется как будто далеко не существенным. И это тем более, что в последнее время на библиотечную технику утвердился взгляд, как на нечто такое, что совершенно не важно в библиотечной работе, как на второстепенную и лишь докучливую деталь. Этого рода настроение многих из наших библиотечных работников нельзя не признать, в известном смысле, закономерным. Оно появилось, как реакция против чрезмерного увлечения вопросами техники, которое так было широко распространено в дореволюционной библиотечной среде. Революционная библиотека была призвана отражать в своей деятельности быстро текущие друг за другом события, активно направлять мысль ее читателей в общее русло новой общественной и политической жизни, принимать участие в поднятии хозяйственного и культурного уклада нашей страны. В этих условиях было не до разговоров о „технике“, о характере написания карточек или инвентаря. Так установилась постепенно эта черта, резко разделившая всю нашу библиотечную работу на политпросветработу и „технику“, на главное и несущественное. Установлению такого взгляда на „библиотечную технику“ способствовала, отчасти, и своеобразная (не имеющая, кстати сказать, примера за границей) терминология, утвердившаяся в нашем библиотечном обиходе. Так, например, по укрепившемуся у нас представлению и научная аргументация о преимуществе той или иной системы классификации, и ее техническое применение в библиотеке—в равной степени относились и к области „библиотечной техники“. „Библиотековедение“ для многих стало синонимом „библиотечной техники“, т. - е. наука о библиотечном деле растворилась в ее практическом использовании. А такое смешение понятий не только неверно теоретически, но и вредно практически, ибо оно позволило и каждому, даже еще неопытному библиотечному работнику, смотрящему на все вопросы под углом зрения техника, разрешать сложнейшие вопросы организации книжных собраний весьма примитивным и потому почти всегда неверным образом. Таково было положение до самого последнего времени. Однако теперь все чаще и чаще слышатся и индивидуальные, и коллективные голоса, отмечающие ненормальность такого положения.

Я должен отметить обстоятельство, что резолюция, принятая нашей секцией по только что прочитанному докладу А. А. Покровского, которая пойдет на утверждение пленума, до чрезвычайности облегчила мою задачу.

В этой резолюции оказались предвосхищенными многие из тех утверждений, которые мне предстояло сделать.

Первый вопрос, на котором мне хотелось бы задержать ваше внимание, это—вопрос об обязательном единообразном минимуме библиотечной техники. Допустимо ли вообще введение такого минимума? Обычные возражения против допустимости сводятся к следующему: 1) каждая библиотека имеет в своей работе много индивидуального. Ввести единообразные приемы библиотечной техники, это значит—наложить штамп на вполне целесообразное здесь своеобразие; 2) тем более такой штамп недопустим в библиотеке с уже исторически отложившейся техникой, в особенности—в крупных библиотеках, ибо это потребовало бы серьезных материальных затрат и большой реорганизационной ломки; 3) введение единообразия повлекло бы за собой приостановку в развитии улучшений в области техники, подменило бы самостоятельность подчиненной тарафетностью. Некоторые, ко всем этим соображениям, добавляют ехидное недоумение: в чем же, вообще, выгода этого самого единообразия?

Чтобы разобраться во всех этих соображениях, необходимо остановиться на каждом из них в отдельности. Что касается уничтожения индивидуальных особенностей в работе отдельных библиотек с введением единообразного минимума библиотечной техники, то это возражение только на первый взгляд может казаться существенным. Сама жизнь создает медленно, но верно этот общеобразовательный минимум. В самом деле, разве в колоссальном количестве рассылаемые печатные каталожные карточки Вашингтонской библиотеки конгресса не создают единообразия в практике каталога библиотеки всех типов и видов? Разве деятельность всевозможных бюро по производству мебели и предметов библиотечного оборудования не отражается унифицирующим образом на самых разнообразных отраслях библиотечной техники: и на системе абонементов, и на характере инвентаря, и на хранении книг и т. д.? Общеобязательность минимума техники здесь тем тверже проводится, чем меньше осознается ее вынужденная неизбежность. Против такого „общеобязательного“ минимума, кажется, никто не возражает.

Совершенно ясно, далее, что набор приемов техники в сельской библиотеке и библиотеке, имеющей общегосударственное значение, не может быть вполне одинаковым. Чем сложнее библиотечный организм, чем шире стоящие перед ним задачи, тем сложнее и совершеннее должна быть техника. Но это вовсе не исключает возможности сохранить некоторый минимальный набор единых приемов техники как для самой маленькой, так и для самой крупной библиотеки. Необходимость приспособления к особым условиям деятельности той или иной библиотеки, в связи с ее размером, бытовой обстановкой работы и т. д. побуждают ставить вопрос не о непригодности идеи общеобязательного минимума, а лишь о его эластичности, расширяемости.

Что касается библиотек с уже исторически сложившейся техникой, то здесь унификация приемов библиотечной техники не может быть, конечно, проведена до конца и сразу. Но и здесь, будучи правильно понятой, эта идея может принести не мало пользы. Если, например, нельзя ввести единую для всех библиотек систему классификации, то зато вполне возможно разработать „ключ“, сводящий старую к новой; если нельзя переделать каталог применительно к новым требованиям, то, быть может,

это возможно будет сделать во вновь открывающихся научных кабинетах или читальных залах и т. д.

Не представляются серьезными и соображения о том, что введение общеобязательного минимума, убивши самодеятельность, приостановит „прогресс“ в этой отрасли библиотечной практики. Ибо—есть самодеятельность и „самодеятельность“... Мне вспоминается одно репортерское сообщение в какой-то из немецких газет о том, что „вновь назначенный заведующий такой-то библиотекой приступает к полной ее реорганизации“. Заметка эта, помнится мне, звучала очень гордо: вот, мол, какой знающий, инициативный этот новый библиотечный работник! Я не знаю, были ли в упомянутом случае действительно серьезные основания для гордости репортера. Но я хорошо знаю другое. В библиотечной среде широко распространено своеобразное „обычное право“: новый заведующий может всегда отвергать порядки, до него бывшие и... приступать к реорганизации. В таких случаях самодеятельность очень часто торжествовала, но... библиотечная техника редко улучшалась. Тем больше страха „самодеятельность“ возбуждает еще потому, что практический опыт приводит к убеждению—о „самодеятельности“ говорят больше всего те, кто меньше всего имеет данных для ее проявления.

Вообще же говоря, самодеятельность в области введения новых приемов техники не может быть, конечно, игнорируема. Но она должна быть введена в здоровое русло, поставлена под надлежащий контроль компетентных учреждений, коллективов. А этому как раз ни в какой степени не противоречит идея общеобязательного минимума библиотечной техники. Компетентным учреждением такой минимум, допустим, разработан, введен. Библиотекари-практики, применяющие его, признают в нем целый ряд недочетов, пропусков или излишеств. Встает вопрос о некотором видоизменении минимума, сокращении или дополнении его. Представляется аргументация и, если она будет признана серьезной—изменения делаются, если нет—предполагаемые изменения отвергаются. Таким образом, введение общеобязательного минимума ничуть не создает препон для инициативы „изобретателей“, давая отправную точку для их работ, но вместе с тем побуждает серьезнее, критически относиться к каждой вновь рожденной идее.

Какие же, говоря вообще, выгоды может сулить введение общеобязательного минимума библиотечной техники? Прежде всего, будучи разработан компетентным органом, такой минимум сможет впитать в себя все новейшие достижения библиотечной науки. Его научная авторитетность ~~будет~~ способствовать вытеснению всех „кустарных“ обычаев, положит предел „доморощенным“ опытам. Затем, будучи введен в библиотеках, он будет способствовать унификации библиотечной техники и, тем самым, облегчит работу по механизации ряда приемов библиотечной деятельности: печатание каталожных карточек, заготовка инвентарных книг, мебели, центральная индексация и т. д., и т. д. Наконец, введение единообразного минимума облегчит подготовку библиотечных работников и переброску их из одной библиотеки в другую, а также упростит пользование библиотеками для читателей, поскольку единообразная система техники во всех библиотеках будет ими усваиваться значительно легче.

Но если разрешение вопроса о необходимости общеобязательного минимума библиотечной техники не представляется, как видим, особенно

сложным, то его практическое проведение в жизнь является значительно более трудным. Наиболее решительные товарищи предлагали уже на настоящем съезде закрепить основные технические приемы этого минимума. Однако, такая поспешность едва ли может быть признана полезной для дела. Я напомним, что на Всероссийском библиотечном съезде в 1911 году, уже делалась попытка дать библиотекам „нормальный план“ библиотечной техники. Несмотря на то, что разработка этого „плана“ проводилась весьма компетентными людьми и в обстановке куда более спокойной, чем то могло бы быть сделано в наше время, упомянутый съезд не решился дать ему свою санкцию. Тем более следует быть осторожными в наше время. За время революции все внимание библиотечной мысли было ударно направлено в иную сторону. Библиотечной техникой занимались случайно, между другими делами. Это не помешало, однако, многим библиотекам утвердить у себя „свои“ технические обычаи и прочно сродниться с ними. Сразу отрубить голову этому местническому консерватизму — значило бы создать излишнюю склоку там, где ее и без этого не мало. Более правильным мне представляется следующий путь: прежде всего, должен быть выдвинут лозунг о важности унификации библиотечной техники в библиотеках и подчеркнута необходимость решительной борьбы за его реальное проведение в жизнь. Затем, вниманию отдельных библиотекарей и их объединений должен быть предложен конкретный набор приемов общеобразовательного минимума библиотечной техники, который на местах мог бы свободно обсуждаться, подвергаться изменениям и дополнениям. Наконец, после всей этой предварительной работы, компетентный орган, учтя все заключения мест и новейшие выводы библиотечной науки, смог бы окончательно закрепить и предложить к применению строго продуманный план этого минимума. Этот путь длительный, но и единственно правильный, ибо только таким образом можно было бы успешно и безболезненно примирить установившуюся практику отдельных библиотек с современными требованиями библиотековедения.

За основу указанного обсуждения минимума библиотечный отдел Главполитпросвета предлагал взять „Наглядное пособие по библиотечной технике“, выпущенное им к съезду. Это „Наглядное пособие“ включает в себе целый ряд недочетов, пробелов; об этом говорится откровенно в его предисловии. Но его преимущество, как материала для обсуждения, заключается в краткости формулировки всех его утверждений, в заострении ряда спорных вопросов в области библиотечной техники. Чем больше будет сделано отзывов с мест по поводу „пособия“, тем шире и тверже будет у центра база для окончательной выработки занимающего нас здесь минимума. Так, коллективными усилиями мы создадим пособие по библиотечной технике, которое будет не раз'единять нас на многочисленные „секты“, а сплачивать и объединять. В заключение следует сделать следующую маленькую оговорку. — „Наглядное пособие“ вовсе не предлагается Библиотечным отделом ГПП, как руководство по библиотечной технике. Оно должно пока являться лишь его проектом. Только после проработки его на местах, после переработки его в авторитетных органах, с учетом замечаний с мест, оно сможет стать законным, признанным „кодексом“ библиотечной техники.

Все до сих пор сказанное я позволю себе резюмировать следующим образом:

1) деятельность библиотек должна быть организована так, чтобы наивозможно меньшее количество времени уходило на техническую работу и оставался максимум его для специфически библиотечной работы (работа с читателем и книгой);

2) этого можно достигнуть не игнорированием вопросов библиотечной техники, а ее всемерным улучшением на началах научной организации труда и в согласии с новейшими выводами научного библиотековедения;

3) при выработке минимума не должны быть забыты не только интересы библиотеки, но и читателей, ныне часто чрезмерно обременяемых сложной и тяжелой для уразумения техникой;

4) при обсуждении „минимума“ не должны быть упущены индивидуальные особенности библиотек отдельных типов (научных, политпросветских, детских и т. д.);

5) за основу обсуждения вопросов минимума библиотечной техники на местах следует взять „Наглядное пособие“, изданное Библиотечным отделом ГПП. Результаты его обсуждения должны быть представлены в Библиотечный отдел ГПП, здесь обсуждены и, после проработки их, сведены компетентным органом в „Руководство по библиотечной технике“.

На этом позвольте и закончить первый раздел моего доклада, касающийся библиотечной техники.

Нельзя сказать, чтобы за последнее время от начала революции до наших дней было мало сделано в области библиотечной статистики. Напротив. Статистику дореволюционных библиотек от библиотечной статистики современности отделяет целая пропасть далеко не напрасно потраченной энергии и ряд ценнейших достижений. Вспомним издание в 1921 г. Библиотечным отделом ГПП единого бланка отчетности библиотек, создание центральных учреждений по собиранию статистического материала по библиотекам и мн. др. Но необходимо, вместе с тем, констатировать наличие и целого ряда неблагоприятных моментов, подлежащих изживанию, многочисленных недочетов, подлежащих устранению. И это утверждение в равной степени справедливо как по отношению к общим вопросам организации собирания и сводки статистического материала, так и в области первичного наблюдения в отдельных библиотеках. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы то, что мы до сих пор не имеем точного числа библиотек, вполне достоверных коэффициентов, единого центра по собиранию цифровых данных по библиотекам всех типов. Как же подойти к разрешению вопроса об упорядочении нашей библиотечной статистики? Прежде всего, следует вспомнить хорошо нам известное изречение В. И. Ленина: „Лучше меньше, да лучше“. Лучше охватить меньше объектов статистики, но изучать их глубже, правильнее. Мы за последнее время достаточно хорошо осознали все неудобства статистических излишеств. Затем, мы должны поставить перед библиотечной статистикой ясную и единую цель. Целей у всякой статистики, и, в частности, у библиотечной, может быть, конечно, очень много: библиотечная статистика, например, может служить удовлетворению индивидуальных интересов отдельных библиотек, библиотечных работников, ученых исследователей и т. д.

Эти интересы библиотечная статистика может, конечно, удовлетворять и теперь. Но ее основной целью и задачей для нашего времени должно стать снабжение вполне точными цифровыми данными государ-

ственных органов. Поскольку уменьшено будет число объектов, подлежащих статистическому изучению, поскольку статистическая работа в библиотеке будет призвана осуществлять весьма важную государственную функцию, представится возможность добиться того, чтобы статистические данные стали точными, достоверными. Лучше пусть обычные отчеты будут пестреть пробелами, чем заполняться явно ни с чем не сообразными, с потолка списанными цифрами.

Задача получения достоверных цифровых данных связана не только с вопросом об упорядочении библиотечной техники, как это часто утверждается, но и с развитием „статистической сознательности“ наших библиотечных работников. А ее мы сможем добиться лишь в том случае, если не будем переставать говорить в нашей библиотечной и общей прессе о возможности статистики библиотек, если не будем забывать вводить ее в программы преподавания на бибкурсах.

Весьма важно приступить к реальному осуществлению давно выставленного принципа: единообразие форм отчетности. Необходимость такого единообразия очевидна, бесспорна. Однако, практически разрешить этот вопрос не так просто, как кажется с первого взгляда. Если до революции единству текущей статистики мешало то, что почти каждая „земская единица“ имела „свой“ бланк отчетности, отказаться от которого было для нее непосильным подвигом, то в наше время „территориальность“ заменилась „ведомственностью“. Мы имеем библиотеки: политпросветские, профсоюзные, красноармейские, числящиеся за Главнаукой, Главпрофобром и т. д. Способы собирания статистических данных по отдельным, перечисленным выше, типам библиотек весьма разнообразны, отличительны друг от друга. Съезд должен указать на необходимость ликвидации этого ведомственного разнobia. Особенно важно, чтобы был утвержден единый бланк текущей статистики для библиотек всех видов и типов. За основу такого бланка может быть взят бланк годового отчета, разработанный кабинетом библиотековедения, согласованный затем Библиотечным отделом Главполитпросвета с статистическим отделом Наркомпроса и ЦСУ и ныне являющийся общепринятым для политпросветских библиотек. Необходимо, далее, согласовать деятельность отдельных центральных учреждений, ведающих собиранием и разработкой цифровых данных о библиотеках. Весьма важно, чтобы после того, как мы получим, наконец, единый бланк для библиотек всех типов и видов, никакое самочинное его изменение (именно изменение, а не дополнение, которое, конечно, всегда возможно) не допускалось и преследовалось решительным образом. Без такого рода „статистической дисциплины“ мы никогда не сможем наладить нашу статистику.

Мы не вполне еще изжили то время, когда библиотечные работники мучались от обилия сыпавшихся на них всевозможных отчетов, анкет, бланков. Не успевали заполнить один „стоглавый“ бланк, как присылался новый, с неменьшим количеством глав, подразделов и вопросов. Не приходится скрывать — большинство из собиравшегося так материала оставалось в конце концов никак не разработанным и не изученным. Это печальное обстоятельство сыграло не последнюю роль в деле установления чисто формального отношения весьма многих библиотечных работников к их статистическим обязанностям. Теперь съезд, во имя поднятия самой идеи библиотечной статистики,

должен установить не только минимум, но и максимум сроков собирания статистических данных. Для текущей статистики должно быть установлено не больше 2-х сроков: на 1 июня и 1 января. Если же где и представится надобность в месячной отчетности, то круг ее вопросов во всяком случае не должен, по моему мнению, превышать тех, которые приведены в месячном бланке „Наглядного пособия“.

Второй момент, на котором я хочу остановиться, это—вопрос о регулярном публикации статистических данных. Как часто приходится слышать: „Пишем, пишем анкеты, отчеты, а где выводы?“ Это протестующее недоумение вполне справедливо. Ведь оно рождается сомнением: сводятся ли, разрабатываются ли те бланки, заполнение которых стоит всегда так много труда? Но и не в этом только дело. Опубликованный материал может быть использован и для отчетности перед населением, для научных исследований, для жизненной проверки его деятелями в других отраслях общественной и, в первую очередь, просветительной деятельности. Нужно хорошо понять: труды неопубликованного, а, значит, в большинстве случаев и не разработанного материала, подобны хлебу, сгнившему в хлебохранилищах из-за бесхозяйственности.

В области организации библиотечной статистики мы не достигли еще вершины ее организационной стройки. Стоя, пока что, на неизбежном для каждого нового дела распутьи, мы, однако, чувствуем уже ту дорогу, по которой мы должны идти. Вехами на этом пути нам будут служить: 1) сознание важности библиотечной статистики для упорядочения библиотечного строительства; 2) принцип минимума затраты энергии библиотечных работников на статистику при максимуме достоверного и, при том, лишь самого существенного материала; 3) единообразие отчетности, опирающееся на „статистическую дисциплинированность“ ведомств и всех библиотечных работников; 4) дружная и согласованная деятельность центральных и местных органов, ведающих собиранием и сводкой цифрового материала. Съезд несомненно все эти вехи поставит, а мы затем будем, руководствуясь ими, уверенно идти вперед, пока не достигнем всем нам так необходимой цели: научно-правильной, единой для всех библиотек, авторитетной в своей достоверности библиотечной статистики.

Содоклад М. И. Слуховского: «основные моменты техники красноармейских библиотек».

Красноармейские библиотеки распадаются на три основные части: библиотеки типа отдельной роты, основные библиотеки типа полка и передвижные библиотеки.

Техника библиотеки типа отдельной роты:

- 1) индексация преимущественно однозначная, без применения общих определителей;
- 2) знаменатель в шифре (и расстановка на полках), порядково-цифровой в каждом индексе;
- 3) инвентарь (материальная книга: пронумерована, прошнурована, пропечатана);
- 4) систематический тетрадный каталог в сокращенной записи (желательно в нескольких экземплярах);

- 5) абонементная книга;
- 6) статистический дневник;
- 7) месячный отчет.

Техника основной библиотеки типа полка:

- 1) индексация преимущественно трехзначная, можно с применением общих определителей;
- 2) знаменатель в шифре (и расстановка на полках) по таблицам Кеттера;
- 3) инвентарь;
- 4) систематический карточный каталог;
- 5) предметный карточный каталог (желат.);
- 6) алфавитный карточный каталог (не ниже дивизионной библиотеки);
- 7) двухкарточная система абонемента: 1) нумерационная карточка формуляров невзятых книг; 2) картотека формуляров выданных книг (по срокам или по шифру); 3) алфавитная картотека карточек активных подписчиков; 4) тоже — выбывших подписчиков (хранится до окончания отчетного года); 5) книга подписчиков (по №№);
- 8) статистический дневник;
- 9) месячный отчет;
- 10) годовой отчет.

Что же касается передвижничества, то оно распадается: на а) передвижки, б) коллективный абонемент, в) книгоношество и г) филиал, который является наиболее совершенным видом передвижничества (постоянное отделение стационарной библиотеки, куда последняя посылает книги в широком объеме и на долгий срок).

Обычно карточная система в передвижке — листовая:

- 1) абонементная книга читательских пунктов;
- 2) лист передвижки на каждый рейс;
- 3) список читателей в пункте (на каждый рейс каждой передвижки).

Библиотечная статистика (ежедневная, месячная, годовая) должна быть максимально сближена (без ущерба для военной стороны как в программном, так и в техническом отношении) с гражданской библиотечной статистикой в целях создания, по мере возможности, единой общегосударственной системы.

Секция научных библиотек.

Председателем избирается Г. К. Дерман, секретарем—Г. И. Иванов.

Вопросы, подлежащие обсуждению.

1. Информационное сообщение завед. научными б-ками т. Зеньковича. Задача научных б-к—продвигать книжные богатства б-к в массу. Представители научных б-к должны подчеркнуть общность задач и интересов научных библиотек с библиотеками массового пользования. Однако, наряду с этим, у научных б-к есть и свои особые интересы; поэтому Главнаука считала необходимым, не отрываясь от общей работы с'езда, организовать на с'езде особую секцию научных библиотек для обсуждения вопросов, касающихся специально этих библиотек.

Принято к сведению. Посланы приветствия от секции М. М. Покровскому и Н. К. Крупской.

2. Положение научных библиотек по данным анкеты (доклад тов. Коноваловой).

В анкете вопросы поставлены слишком обще, в чем отчасти виноват статистический п/отдел Наркомпроса, который до сего времени совершенно не уделял никакого внимания научным библиотекам. Данные анкеты дали освещение только некоторых вопросов, при чем с особой рельефностью выступает вопрос о материальном положении работников научных б-к, особенно находящихся в ведении Главнауки и Главпрофобра. Материальное положение этой категории работников настолько невероятно, что затрудняешься этому верить.

В заключение тов. Коновалова вносит предложение—обратить внимание на постановку обследования научных библиотек, чтобы в следующий раз получить более ценный и полный материал.

Постановлено просить Главнауку об организации компетентной комиссии для разработки вопросов статистического обследования научных библиотек, которое должно быть произведено широко с охватом всех сторон библиотечной жизни.

3. Информационное сообщение Российской Центральной Книжной Палаты (т. Яницкий).

Сообщение о работе Палаты принято к сведению. Постановлено—просить Главнауку приурочить осеннюю конференцию научных б-к ко времени Библиографического с'езда.

4. Общественные задачи научных библиотек и их связь с биб-ками массового пользования (вступительное слово т. Дерман).

У нас много говорится об единой библиотечной сети, которая должна была бы объединить все библиотеки, как научные, так и б-ки общественного пользования. Если эта сеть мыслится, как одна организация, возглавляемая одним центром, который управляет библиотеками разного типа в административном и идеологическом отношении и который ведает распределением всех книжных богатств, то такая сеть не осуществима.

Опыт других стран показывает, что существующие там сети вовсе не пытаются охватить библиотеки разного типа. Например, в Соединенных Штатах не существует единой сети для всей федерации; в каждом отдельном штате имеется сеть, которая охватывает исключительно библиотеки общественного пользования, которые организованы и финансируются штатом. Управляются эти сети учреждениями, аналогичными нашим политико-просветительным органам.

В некоторых штатах во главе сети стоит библиотека штата, которая выполняет те же функции в смысле организации, финансирования и политического контроля.

Если не мыслима и не желательна единая библиотечная сеть с одним руководящим центром, направляющим всю работу библиотек разных типов, то это не значит, что не может быть осуществима тесная связь и согласованность работы научных библиотек с б-ками общественного пользования. К этой тесной связи и согласованности в работе надо нам стремиться.

Научные б-ки являются научным книжным базисом страны и, как таковые, должны удовлетворять своей работой не только высоко-квалифицированных читателей, но прислушиваться также через б-ки массового пользования к запросам массового читателя; должны развивать справочную работу и библиографическую работу по всем научным и общественно-политическим вопросам, интересующим широкие массы; должны развивать активную работу с книгой, отзываясь на важнейшие моменты политической и общественной жизни выставками, рекомендательными списками и т. п.

Необходимо устанавливать порядок взаимного коллективного абонемента между научными библиотеками и общественными библиотеками и сделать возможным перевод квалифицированного читателя из библиотеки массового пользования в научные.

Научные библиотеки должны участвовать в разработке методов библиотечной техники и проводить в своих б-ках принципы научной организации труда, служа таким образом практическим примером для библиотек массового пользования.

В прениях высказываются следующие соображения:

а) Научные б-ки должны быть настолько эластичными, чтобы быть легко доступными читателю. Связь между научными библиотеками и б-ками массового пользования безусловно должна быть самая тесная, т. к. иногда и работникам научных б-к есть чему поучиться у работников б-к массового пользования (т. Калишевский).

б) На Украине научные б-ки работают в контакте с массовыми б-ками. Научные б-ки должны особенно внимательно относиться к задачам краеведения (т. Пастернак).

в) Чрезвычайно скудные материальные средства научных б-к тормозят их общественную работу (т. Добржинский).

г) Научные б-ки не могут часто вести широкой общественной работы, т. к. этого не позволяет им делать их книжный состав, на пополнение и обновление которого не отпускается никаких средств. Нельзя говорить об общей сети, нужно говорить лишь о согласованности работы (т. Вугман).

д) Правильнее говорить не о политико-просветительной работе научных б-к, а о работе политически направленной, а этого почти нет (т. Эйхенгольд).

е) Нет „контакта“ не только у научных б-к с массовыми, но и у последних между собой, о чем постоянно приходилось слышать на пленарных заседаниях с'езда. Желание же работать совместно, конечно, разделяется и научными б-ками. (т. Иванов).

Принята следующая резолюция:

„Научные библиотеки служат источником высшего политического, экономического и технического образования, содействуя таким образом подготовке квалифицированных научных сил для советского строительства в самых разнообразных областях, в то время, как библиотеки массового пользования предоставляют возможность народным массам, преимущественно рабочим и крестьянам, усвоить элементы образования в тех же областях и готовят эту часть массового читателя к усвоению высшего образования. Таким образом, между деятельностью библиотек научных и массового пользования существует тесная идейная связь.

В силу этого научные б-ки особенно заинтересованы в установлении связи с библиотеками массового пользования. Формы этой связи таковы:

1. Научные б-ки должны служить научным базисом для библиотек массового пользования и, как таковые, должны развернуть справочную и библиографическую работу, обслуживая библиотеки массового пользования и их читателей. Особенно широко должны развернуть такую работу по общественно-политическим вопросам научные б-ки нового типа, б-ки наших коммунистических научных учреждений и комвузов, содействуя таким путем распространению коммунистического просвещения в широких народных массах.

2. Научные б-ки обязаны отзываться на важнейшие моменты советской и общественной жизни выставками книг, составлением библиографических списков и другими формами активной работы с книгой, приуроченными к моментам политических кампаний и жгучих общественно-экономических проблем.

3. Связь работы научных б-к с библиотеками массового пользования должна выражаться еще во взаимном коллективном абонементе книг и переводе квалифицированных читателей из б-к массового пользования в научные.

4. Научные б-ки должны широко участвовать в разработке методов научной организации библиотечного труда, в частности—методов централизации библиотечной техники, содействуя своим практическим примером осуществлению принципов научной организации труда в библиотеках массового пользования“.

5. Пополнение научных библиотек иностранной и русской литературой.

Т. Иванов информирует, что этот вопрос обсуждался уже на частном совещании работников научных б-к 3-го июля и решительно всеми было признано, что существующий порядок выписки иностранной литературы через бюро заграничных закупок далее оставаться не может, т. к. обладает многими дефектами. Что же касается пополнения русской литературой, то с этим дело также обстоит не благополучно, особенно в тех б-ках, которые не получают обязательного экземпляра. В таких б-ках пополнения русской литературой почти нет, т. к. на это, в большинстве случаев, не отпускается никаких средств или отпускается крайне мало.

В результате прений принято предложение тов. Яницкого об образовании при Книжной Палате комиссии с участием работников научных

б-к по вопросу о нормальном комплектовании б-к обязательными экземплярами и по установлению принципов дробления некоторых комплектов обязательного экземпляра между разными б-ками.

Принята, далее, резолюция по вопросу о пополнении научных библиотек иностранной литературой:

установленный в настоящее время порядок снабжения б-к иностранными книгами оказался безусловно нецелесообразным. Во 1-х, при этом порядке библиотекам приходится иметь дело с тремя инстанциями:

Московским бюро по заграничным закупкам, Берлинским бюро и Берлинским т-вом Московского бюро, что вносит только путаницу и тормозит дело. Во 2-х, т-во Московского бюро, имеющее монополию на поставку изданий, недостаточно считается с заявками б-к, в результате чего б-ки получают ненужные издания и не получают необходимых и, кроме того, получают много дублетов к явному ущербу своего скромного бюджета. В 3-х, издания, получаемые этим путем, дороже, чем они стоили бы при другом способе приобретения. В 4-х, б-ки никогда не осведомлены о состоянии своего бюджета.

Такой способ снабжения, который ранее был вызван неустойчивым денежным курсом, в настоящее время при твердой валюте теряет свое основание.

В виду этих соображений, секция научных б-к, считая принятый порядок крайне неудобным для библиотек и невыгодным с точки зрения экономии государственных средств, находит настоятельно необходимым изменить этот порядок следующим образом: ассигнуемые Наркомпросом суммы должны быть передаваемы непосредственно в распоряжение б-к и тех учреждений, при которых они состоят, с предоставлением б-кам права непосредственно выписывать книги из заграницы в общем порядке, установленном законом“.

Кроме того, принята следующая резолюция по вопросу о пополнении научных библиотек русской литературой:

„Секция научных б-к 1-го библиотечного с'езда РСФСР с участием представителей других союзных республик, констатируя тот факт, что:

1) пролетарское студенчество квалифицированный советский работник, работники науки и вся квалифицированная советская интеллигенция не может приобретать книг, а должна находить все книги, нужные для их производственной, научной, учебной и политико-просветительной работы в научных библиотеках;

2) на научные б-ки СССР всех типов, форм и ведомств падает колоссальная историческая задача — стать очагом творчества новой культуры, новой науки и воспитания нового коммунистического поколения;

3) научные библиотеки не имеют возможности надлежаще выполнять возложенные на них современной жизнью задачи, вследствие почти полного отсутствия материальных средств, необходимых для обновления их отставшего от жизни книжного состава,—

постановила: признать вопрос об ассигновании достаточных средств на пополнение научных библиотек СССР книгами вопросов первоочередной важности во всем деле строительства новой жизни“.

6. Управление научными биб-ками.

Тов. Иванов информирует, что этот вопрос также обсуждался на частном совещании, где указывалось, что была сделана большая ошибка уничтожением отдела научных б-к Главнауки. В настоящее время часть

б-к (вузовские б-ки) не имеет никакого органа, т. к. в Главпрофобре нет даже стола, который бы ведал библиотечным делом. Немного лучше с организационной стороны обстоит дело и в Главнауке, т. к. там есть только лицо, ведающее научными б-ками, но нет аппарата. Почти так же обстоит дело и в союзных республиках. На Украине, например, тоже есть одно лицо, которое ведало музеями и научными б-ками, так что на долю б-к приходится $1\frac{1}{2}$ человека.

На совещании было высказано определенное мнение о необходимости образования библиотечных органов в составе Наркомпросов союзных республик. В целях лучшего обслуживания нужд б-к, при этих органах должны быть созданы консультативные бюро из практических работников научных б-к, как это существует на Западе. Что же касается уставов научных б-к, каковой вопрос неразрывно связан с вопросом об управлении б-ками, то было признано невозможным ограничиться одним уставом для всех научных б-к.

Решено просить Главнауку создать комиссию (с отделением в Ленинграде) для разработки уставов научных б-к, сообразно с их типами. Постановлено:

„1) Первоочередной задачей в деле строительства научных б-к признать необходимость объединения деятельности научных б-к всех типов, находящихся в Наркомпросах союзных республик.

2) Признать желательным и необходимым создание для этого в каждой из союзных республик при Главнауке или соответствующем управлении союзных республик достаточно мощных библиотечных органов, при которых должны быть организованы, в целях лучшего обслуживания нужд б-к, особые бюро из непосредственных работников научных б-к.

3) Просить Главнауку РСФСР поставить этот вопрос для его разрешения на совещание Главнаук союзных республик“.

7. Об'единение работников научных б-к (Вступительное слово т. Проскуряковой).

Научные б-ки до сих пор не имеют своего об'единения, а нужда в нем большая. Есть несколько путей к созданию такого об'единения: 1) создание частного научного о-ва, 2) об'единение через профсоюз, 3) об'единение при губернских и уездных б-ках.

На пути об'единения через профсоюз в прямом смысле слова стоит отказ профсоюза в организации библиотечной секции; но возможна другая форма об'единения, близкая к профсоюзу, это—через дома просвещения, путем образования в них библиотечных секций, а в этих секциях создание подсекций, групп, кружков (смотря по местным условиям) библиотекарей научных библиотек.

Там, где библиотечных секций нет, надо их образовывать. Там, где нет домов просвещения, но есть библиотечные об'единения политпросветовских библиотекарей, надо входить в эти об'единения. Общее направление в деле об'единения должно быть таково—не отделяться от библиотечных работников др. б-к, а входить в их об'единения, работая отчасти совместно, отчасти—параллельно.

Т. Эйхенгольц не верит в реальное осуществление этой формы об'единения. Кроме того, надо разделить вопрос об об'единениях в Москве, Ленинграде и провинции. Для провинции может быть и возможно об'единение в той форме, как это предлагается тов. Проскуряковой, что же

касается Москвы и Ленинграда, то здесь объединения лучше создать при Ленинской Б-ке (в Москве) и при Российской Публичной Б-ке (в Ленинграде).

Т. Штейн призывает к объединенческой работе; что же касается научной разработки вопросов библиотековедения, то для этого должны быть другие центры, наприм., для Москвы институт библиотековедения.

В результате прений принята резолюция:

„Принимая во внимание:

1) что до настоящего времени библиотекари научных библиотек не имеют центра, который объединял бы их на почве научной разработки вопросов библиотековедения и давал бы им возможность коллективного обсуждения и разрешения вопросов, возникающих в текущей работе в области своего производства;

2) что наличие такого центра необходимо для расширения сферы влияния научных библиотек на библиотечное дело в целом, для повышения качества работы самих научных библиотек и для успеха дальнейшей разработки вопросов библиотековедения;

3) что объединение библиотекарей научных библиотек с библиотекарями остальных типов библиотек крайне важно для интересов библиотечного дела республики в целом,—

Секция научных библиотек 1-го библиотечного съезда РСФСР с участием представителей др. союзных республик считает необходимым:

а) немедленно озаботиться созданием центров объединения библиотекарей научных библиотек в городах, где имеются научные библиотеки;

б) эти центры должны создаваться по профсоюзной линии при домах просвещения, путем вхождения библиотекарей научных библиотек в состав имеющихся при домах просвещения группировок библиотекарей других типов библиотек;

в) там, где такой группировки при домах просвещения не имеется, они должны быть созданы;

г) в городах, где не имеется домов просвещения, библиотекари научных библиотек входят в состав имеющихся объединений при центральной губернской или уездной библиотеке, положение о каковых объединениях разработано ЦБК Главполитпросвета (см. „Сборник руководящ. инструкций и положений по библ. работе за 1922 и 1923 г.г.“, в. 2, М., 1924);

д) для того, чтобы интересы научных библиотек были бы достаточно обеспечены, необходимо в состав руководящего аппарата группировок библиотекарей при домах просвещения (секция, кружок или что-либо иное) вводить достаточное количество представителей научных библиотек;

е) работа библиотечных секций, кружков, групп при домах просвещения и проч. в сфере вопросов, связанных с научными библиотеками, ведется отчасти совместно с общей работой данной организации, отчасти—параллельно с ней, в зависимости от характера обсуждающихся вопросов;

ж) инициатива по проведению в жизнь означенного мероприятия должна принять на себя наиболее активная из местных научных библиотек“.

8. Бесплатная пересылка изданий в порядке обмена.

Тов. Зенькович информирует, что этот вопрос принципиально уже разрешен Совнаркомом в положительном смысле, причем, однако, право бесплатной пересылки ограничено только своими изданиями, т. к. на этом настаивали Наркомпочтель и Наркомпуть. В настоящее время этот вопрос находится в стадии составления списка тех учреждений, которым будет предоставлено право бесплатной пересылки.

Принято к сведению

9. Подготовка работников научных б-к.

Тов. Проскурякова оглашает те места тезисов доклада Е. Н. Медынского, которые могут касаться подготовки научных библиотекарей.

Тов. Иванов информирует, как вопрос о подготовке работников для научн. библ. стоял на частном совещании. Были заслушаны информационные сообщения тов. Добержинского о высш. библ. курсах в Ленинграде и тов. Виноградова—о предполагаемом в Москве институте библиотековедения. Кроме того, были заслушаны сообщения: т. Калишевского о кафедре библиотековедения при Московском университете и т. Ловягина о том же в Ленинградском университете.

При обсуждении вопроса, совещание пришло к выводу, что существующих учреждений для подготовки библиотекарей совершенно недостаточно, и поэтому, наряду с созданием специальных библ. школ, курсов, институтов и т. п., необходимо еще создание библиотечн. кафедр в университетах и педвузах.

В секции прения вращались, главным образом, около того места тезисов т. Медынского, где говорится об ограничении приема в институт библиотековедения только окончившими комвузы.

Высказывавшиеся находили такое ограничение неправильным, т.-к. едва-ли найдется много желающих из окончивших комвузы идти на библиотечную работу; в то же время это ограничение закроет доступ в институт библиотековедения работникам с большим библиотечным стажем, но не окончившим комвузы. Кроме того, указывалось, что учреждений для получения библиотечного образования в настоящее время совершенно недостаточно,—и подготовка работников ведется сейчас в большинстве случаев кустарнически, что нет приемственности в получении библиотечного образования, как это есть теперь в общем образовании, где есть школы 1-й и 2-й ступени и высшая школа.

Принята резолюция:

„Секция научных библиотек 1-го библиотечного с'езда РСФСР с участием представителей других союзных республик, признавая, что работа в научных б-ках требует высокой квалификации, широкой политической, общенаучной и специальной подготовки, постановила:

1) считать существование для подготовки квалифицированных библ. работников двух учреждений (высших библ. курсов при Российской Публ. Б-ке в Ленинграде и института библиотековедения в Москве) совершенно недостаточным и неудовлетворяющим потребностям в высококвалифицированных библиотечных работниках для научных б-к;

2) признать крайне необходимым для всего просветительного движения союзных республик создание постоянных специальных высших библиотечных школ, а также учреждение в университетах и педвузах специальных кафедр библиотековедения“.

ЧАСТЬ III.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Выставка с'езда.

Организация выставки.

Выставка по библиотечному делу органически вошла в работу всероссийского библиотечного с'езда, как одна из его частей.

В силу об'ективных условий, организация выставки носила характер значительной спешки, обусловившей ряд недочетов в подборе, сортировке и развеске материала.

Начавший с 21 июня поступать материал немедленно же регистрировался, просматривался и сортировался на те общие разделы, из которых впоследствии и была составлена выставка. Здесь необходимо отметить одно печальное обстоятельство, которое основательно спутало организационные планы выставки и затруднило работу по распределению и развеске материала.

Несмотря на то, что в обращении оргбюро о присылке эспонатов крайним сроком присылки материала было указано 25 июня, материал продолжал поступать с мест не только вплоть до дня открытия с'езда, но и после того, как с'езд начал свою работу.

Помешало правильной организации выставки и то, что предназначенное для с'езда помещение в „Доме с'ездов“ Наркомпроса, заранее осмотренное выставочной комиссией и ею детально распланированное, было накануне с'езда заменено другим, на Лиховом переулке.

Первым материал поступил от Уржумского Политпросвета (Вятская губерния). Затем были присланы экспонаты из следующих мест: Ростов н/Д., Брянск, из Тульской губернии, Ярославской, Воронежской, Нижегородской, Орловской, Московской, Пермской, Гомельской, Челябинской, Самарской, Дорпрофсожа (Ю.-З. ж. д.), Херсонской губ., Баку, Ставрополя, Терской губ., Владимирской, Костромской, Смоленской губ., Ульяновска, Вятской, Рязанской губ., Армавира, Курской, Одесской, Иваново-Вознесенской, Крыма, Ленинградской, Харьковской, Черниговской, и некоторых других. Следует отметить, что присылка материала шла не всегда через губернские центры. Многие отдельные даже низовые библиотеки слали материал самостоятельно. Наибольшее количество материала поступило от Московской губернии, что об'ясняется, конечно, не только значительной напряженностью работы библиотек столичной губернии, но и легкостью получения материала.

Что касается развертывания выставки, то ее пришлось произвести за последнюю перед с'ездом ночь (за 8 часов) силами добровольных библиотечных работников московских библиотек. Открыта выставка для пользования была с 1 по 9 июня включительно, с 9 часов утра до 9 ч. вечера.

Расположение выставки.

Выставка была расположена в помещении, состоявшем из 4 комнат и одной большой залы, с общей площадью около 1.000 кв. аршин. Материал распределен был следующим образом: в первой из трех, расположенных в нижнем этаже, комнат были выставлены экспонаты, посвященные работе с читателем и книгой; в следующей комнате была представлена работа библиотек нацмен, детских библиотек, небольшой уголок библиотекаря и материал по технике и статистике.

В последней комнате помещался материал по углубленной и справочной работе библиотек. В нижнем же этаже, в изолированной комнате, был расположен „Уголок Ленина“, несмотря на некоторую незавершенность в отделке, являвшийся справедливой гордостью с'езда. В верхней огромной зале были выставлены уголки: по борьбе с библиотечными вредителями, бибработы среди комсомола, передвижной работы, анти-религиозной пропаганды, бибработы в деревне и среди слепых; в этом же зале поместились доставленные после открытия выставки, материалы по ликвидации безграмотности и бибработы в Омской губернии. Помимо отмеченных помещений под экспонаты были заняты лестницы (московские партбиблиотеки, б-ки Туркеспублики и др.) и часть стен зала заседаний. В последнем были расположены отчетные материалы центральной библиотечной комиссии, Украины, отдельных губерний, Центральной Книжной Палаты и Публичной библиотеки в Ленинграде.

Как видно из сказанного, материал был расположен по отдельным темам, а не по территориям. Только опоздавшие с представлением материала отдельные губернии и библиотеки были вынуждены группироваться по принципу территориальности, нарушая тем самым общую схему выставки.

Характер материала.

Всего поступило в орг. бюро с'езда свыше 1000 экспонатов. Только (приблизительно) около двух третей всего материала удалось выставить. Не все стороны библиотечной работы были выявлены в присланном материале равномерно. Так, например, очень слабо была представлена работа в деревне, по организации читателей, по установлению связи библиотек с просветительными и иными советскими учреждениями и организациями. Сравнительно немного поступило материала, если не считать прекрасных экспонатов московской центральной публичной библиотеки, по так называемой „углубленной работе“. Почти не была представлена и библиотечная техника. Достаточно полным получился раздел всякого рода статистической графики. От красочных общегосударственных картограмм и диаграмм Украины до примитивов, исполненных посредством наклейки цветной бумаги маленьких низовых библиотек, все экспонаты этого рода убедительно говорили о том, что необходимость отражать библиотечную действительность посредством статистической графики, усвоена нашими библиотеками достаточно хорошо. Правда, большинство из присланных диаграмм еще не совсем отвечают тем требованиям, которые следует предъявлять к ним. Неяркость красок, графическое отображение несущественных моментов в работе библиотек, излишества в детализовке—эти свойства были присущи весьма значительному количеству диаграмм.

Не совсем полно был представлен материал, характеризующий детские библиотеки. С мест экспонатов поступило сравнительно мало, а библиотеки московские устроили в московской центральной детской библиотеке исчерпывающую выставку отдельно. Тем не менее, „уголок детских библиотек“ усердно посещался библиотекарями и педагогами, изучавшими выставленные материалы и со вниманием выслушивавшими обстоятельные объяснения постоянно дежуривших здесь библиотечных работников центральной детской библиотеки (оборудование этого уголка, кстати сказать, было произведено сотрудниками той же библиотеки).

Передвижки были представлены: сумками (Моск. уезд.), ящиками (Ленинград), многочисленными плакатами, образцами листовой и карточной системы техники. „Уголок комсомола“, составленный из местного и столичного, по преимуществу плакатного, материала выделялся бодростью замысла и яркостью красок. Из библиотечной работы наименее особенно привлекали внимание экспонаты центральной польской библиотеки. Всегда остроумно задуманные и хорошо исполненные плакаты, образцы техники применительно к особым условиям работы этой библиотеки, нелегальные варшавские издания на польском языке и т. д. собирали вокруг себя многочисленных, даже не понимавших польского языка, зрителей. Центром особого внимания посетителей выставки неизменно являлись „Уголок Ленина“, работа с читателем посредством плаката и „уголок справочной и углубленной работы библиотек“. Что касается экспонатов из „уголка Ленина“, то их удалось разместить в организованном уже ранее уголке, аналогичного содержания центрального института инструкторов народного образования. От такого — „сложения“ экспонатов „уголок“ только, конечно, выиграл.

Несмотря на ряд существенных недочетов его организации (отсутствие в нем полного собрания сочинений Ленина, работ о нем и т. д.) „уголок“ служил постоянным и излюбленным местом для посещений делегатов. Одна из стен выставки, красиво задрапированная красной материей, с рельефно выделявшейся на этом фоне фигурой Ленина, освещалась разноцветными лампочками. Прочие стены были увешаны плакатами, характеризовавшими жизнь и деятельность Ленина, рекомендательными списками его сочинений и трудов о нем. На столах были положены папки и альбомы с аналогичным содержанием. Особенное внимание делегатов привлекал экспонат московской центральной справочной-библиотеки — географическая карта жизни Ленина. На этой карте был изображен весь жизненный путь Ленина от его рождения и до дня смерти. Постоянно толпились делегаты и перед двумя, весьма художественно составленными, плакатами Самарской библиотеки — „Как читать Ленина“ и „С чего начать“ это чтение.

Исключительным вниманием пользовалась комната справочной работы библиотек. Библиотечные работники самым тщательным образом знакомились с богатым подбором представленных здесь справочных изданий, с методами и практикой ведения справочной работы. Подробные объяснения, дававшиеся здесь сотрудниками центральной справочной библиотеки, старательно записывались посетителями (организация справочной комнаты была произведена силами московской центральной справочной библиотеки). В этой же комнате приютились экспонаты по „углубленной работе“, объяснявшиеся работниками моск. центральной

публ. библиотеки. Методы кружковой проработки отдельных книг, формы и способы составления аннотации, списки нужных библиотечным работникам пособий—были здесь в центре внимания посетителей.

В заключение обзора материала, представленного на выставке, необходимо более подробно остановиться на плакатных экспонатах. Потому ли, что присылка плакатов представляла меньше всего трудностей, потому ли, что плакат долгое время занимал в наших библиотеках особо видное место, но почти 90 проц. всего присланного материала представляли собою плакаты. И надо отдать справедливость—творческая мысль в области плакатного мастерства достигла наивысшей напряженности. На выставке отмечались два основных вида плакатов: плакаты рекомендательные, пропагандирующие одну или несколько книг и плакаты, отзывавшиеся на те или иные темы из общественной, по преимуществу политической, жизни, без всяких ссылок на книги. Как раз большинство экспонатов в „уголке Ленина“ представляло образцы плакатов именно последнего вида.

Что касается собственно рекомендательных плакатов, то длинная цепь их начиналась с художественного рекламирования отдельных книг (один плакат—одна книга). Рекомендательные плакаты этого рода или воспроизводили полностью рисунок обложки (например, характерный рисунок на обложке Д. Рид.—„10 дней, которые потрясли мир“), или были снабжены самостоятельным „призывным“ рисунком. Следующим видом плаката была рекомендация списками нескольких книг, освещающих тот или иной вопрос. Иногда список заменялся рисунками и наклейками (в натуре) обложек. Усложненной формой рекомендательного плаката являлись плакаты сочетавшие рексписки с рецензиями на рекомендованные книги. Еще большим углублением темы представлялись плакаты, на которых аннотации давались на особых листках, приклеенных к плакату или помещенных в кармашках.

Совершенно особый интерес привлекали к себе плакаты самарской библиотеки: проработка отдельных писателей, сделанная на целом цикле плакатов. Эти плакаты, как например, посвященные А. Барбюсу и Синклеру, художественно выполненные, отвечающие всем требованиям плакатной красочности, художественности и ударности—включали в себе и рекомендацию книг этих писателей—выявляли существо книг и давали компетентные отзывы о них (Ленина, Крупской, самой библиотеки).

Что касается способов выполнения плакатов, то на выставке фигурировал преимущественно плакат „квалифицированный“, исполненный специалистами-художниками. Вполне об'яснимое желание представить к с'езду наилучшие экспонаты побудили, повидимому, большинство библиотек отказаться от присылки своих „будничных“ работ. Однако, много было выставлено плакатов и „собственноручного“ библиотечарского творчества. И нельзя сказать, чтобы эти последние плакаты всегда были хуже первых, несмотря на то, что и краски и материал резко отражал все экономические печали творивших их библиотек: обратная сторона старых неразрезанных азбук вместо ватмана или александрийской бумаги, обложки архивных дел вместо бристоля и т. д. Общее на первый взгляд впечатление от выставленных плакатов—плакат в массе сер, не ярок и скучен. Но такое впечатление должно быть отнесено больше за счет недостатков развески, чем за счет самих плакатов. При внимательном

просмотре там и тут обнаруживались экземпляры, удивительные по вдумчивости проработки, по широте замысла, по красоте и художественности исполнения.

Работа посетителей на выставке.

За все время открытия выставки ее посетило свыше 1500 человек, включая в это число и экскурсантов от разных организаций и учреждений, пионеров московской опытно-швейной мастерской № 5, передвижных библиотек Московского уезда, отряда особого назначения частей ГПУ Московского гарнизона, 70-й школы Краснопресненского района, московских краткосрочных библиотечных курсов, московского окружного библиотечного семинария и некоторых других. Уже с самого раннего утра перед открытием обычных заседаний с'езда в залах выставки можно было видеть много делегатов, работавших над выставленными материалами. Присаживались прямо на пол или на немногочисленные табуретки и затем медленно переходили от плаката к плакату, от „уголка“ к „уголку“, пока не натыкались на „об'яснителя“, чтобы здесь внимательно прослушать его подробные и компетентные раз'яснения. „Об'ясняющий“ говорил, а посетитель слушал, смотрел и торопливо записывал все слышанное и виденное в свой неизменный делегатский блок-нот.

Отзывы посетителей о выставке.

Ранее уже отмеченные обстоятельства не позволили поставить надлежащим образом анкету к посетителям, посредством которой можно было бы исчерпывающе выявить их впечатления о выставке. Однако, значительное количество отзывов, занесенных в предоставленные для этой цели тетради, позволяют сделать кое-какие выводы о том, какое впечатление производила выставка. В качестве типичного отзыва можно было бы привести следующую запись: „Вся выставка дает чрезвычайно ценный практический материал, не меньший, если даже не больший, чем теоретические доклады“. В другом месте эта же мысль несколько иначе лаконически выражена так: „Выставка учит!“. Из отдельных „углов“ выставки особенно теплым словом помянуты „уголок Ленина“ и справочной углубленной работы. „Хорошо убран „уголок Ленина“, напоминающий нам о недавней утрате незабываемого вождя“... „настоящий уголок достаточно полно и ярко обрисовывает жизнь и работу великого вождя“—говорится почти во всех отзывах.

В заключение отметим, что ряд библиотечных учреждений и библиотек отозвался на с'езд организацией отдельных выставок в своих стенах по частным вопросам библиотечной работы. Такие выставки были устроены: Всероссийской Публичной Библиотекой им. Ленина, кабинетом библиотековедения той-же библиотеки, институтом по детскому чтению и центральной детской библиотекой в Москве.

В помещении выставки давалась юридическая консультация членами губернской московской коллегии защитников. В справочно-библиотечной работе это являлось смычкой юристов с внешкольниками.

Состав с'езда.

(По обработке анкет)

Общие сведения.

Число участников с'езда достигло до 806 человек, зарегистрированных так или иначе в мандатной комиссии и получивших какой-либо билет (с решающим, совещательным голосом или гостевой). Сколько лиц перебивало на с'езде разовым посещением,—учесть не удалось.

В числе 806 участников с'езда было:

- 1) 270 делегатов с правом решающего голоса (из них 24 делегата от Красной Армии и флота).
- 2) 260 делегатов с правом совещательного голоса (из них 35 делегатов от Кр. Армии и флота).
- 3) 276 представителей в качестве гостей.

Из общего числа 806 участников с'езда 366 человек москвичей (представители партийн., профессионал. организации, центральных учреждений) в том числе с правом решающего голоса 74, с правом совещательного голоса 89 и 203 в качестве гостей.

Из провинции (губернии и Республики СССР) 440 представителей, из которых 196 имели право решающего голоса, 171 право совещательного и 73 приезжих—в качестве гостей.

Многие из участников с'езда, несмотря на тяжелые материальные условия приехали на свои средства, не будучи командированы на с'езд местными организациями.

Почти все Республики, входящие в состав СССР, были представлены на с'езде своими представителями: УССР, Крым, Белоруссия, Азербейджан, Грузия, Горская республика, Туркестанская, Киргизская, Башкирская, Татарская Республика, Корелия и Республика Немцев Поволжья. Каждая губерния РСФСР дала своих представителей за немногими исключениями. Не было представителей от Астраханской, Ставропольской, Мариинской, Енисейской, Забайкальской и Приморской губерний.

Все типы б-к, в большей или меньшей степени были представлены на с'езде; к сожалению, от деревенских библиотек и изб-читален представителей было 1 проц. всех собравшихся.

Обработка анкет с решающим голосом:

Москва 31 }
Провинция 157 } 188

Город дал 185
Село и деревня дали 3

Городские делятся:

Кр. армия 14 (2 из них воен. акад.)
Академические . . . 15 (2 ст. кр. ар.)
Фабрично-заводские 23
Остальные городск. 133

П о л:

Мужчин 105
Женщин 83

В о з р а с т:

	До 20 л.	20—25	25—30	30—40	40—50	50 и ст.	Итого
Мужчин .	2	22	34	33	10	4	105
Женщин .	—	12	22	33	9	6+1	83
Всего. .	2	34	56	66	19	11	188

Образование.

Высшее. 63
Среднее 114
Низшее. 8
Самоучки 1
Не оконч. средн. . . 2

Партийность:

Коммун.	Кандидатов	РКСМ	Беспарт.
50	6	8	124

Принадлежность к профсоюзам.

Рабпрос	Иные проф-союзы	Не сост. в союзе
160	10	18

Подготовка.

Не получ. подгот.	Биб. подг.	Внешк.	Внешк. и библ.
90	80	16	1

Стаж.

До 1 года	1 — 3	3 — 5	5 и выше	Не указ.
6	22	45	113	2

Участвовали на курсах, семинариях, практикумах.

Участвовали из 87 человек:			Выступали из 87 человек:			Н е т:
На курсах	В семинар.	В практ.	Лектор.	Организ.	Учились	
71	2	16	52	9	26	101

Выступали на конференциях с докладом по библ. делу.

Выступали 164 челов. }
Не выступало 24 „ } 188

Выступали в печати по библ. делу.

В печати статьями	В газете	С доклад. в печати	Не высту- пали
88	39	3	58

Составляет ли библиотечная работа главное занятие.

Из 174 бибработников:

Исключ. биб- работа	Совмещают
95	79

Где совмещают:

Партраб. 22
Педагогич. 12
Литер. 17

Клубн.	6
Профдвижен.	11
Учатся	4
В области искусства	2
В Красной армии	2
В НОТ.	1
Сельск. хозяйств	1
В коллегии защитников.	1

Итого совмещает . 79

Какими видами бибработы больше интересуются:

Политпросвет. и партийн.	30
Массовой раб. с читат.	31
Методич. и организац.	51
Изучение книги и техн.	14
Изучение книги и чит.	16
Передвижн.	6
Детской работой.	5
Библиограф.	5
В кружках	3
В клубн. библиот.	3
Справочн. работ. и консультац.	1
Техникой.	4
Работ. в дерев. б-ках	2
Работ. в научн. б-ках	1
Классификация.	1
Плакатной	2
Всеми видами активн. бибработ.	13

Размер зарплаты за май 1924 г. из 187 анкет.

15—20	20—30	30—40	40—50	50—60	60—70	70—80	80—90	От 90—100	От 100 и выше	Не ука- зано
в р у б л я х										
9	18	26	28	27	20	13	11	13	16	

Н а ц и о н а л ь н о с т ь .

Русск.	Украин.	Белор.	Евреев	Немц.	Литв.	Арм.	Татар.	Тюрк	Итого
131	12	2	31	3	4	2	2	1	188

С о с л о в и е.

Из крест.	Из рабоч.	Из труд. интелл.	Из мещан	Из торг.	Из дух. зван.	Неизвест.	Итого
49	23	60	40	1	8	7	188

Кем выдвинуты на с'езд.

Политпро- светом	Организац. бюро	Красной армией	Партией	Гор., обл. и уездн. кон- ференц.	Профорга- низац.	Академ. ц. и Главнаук.	Библ. об'- единен.	Сведений нет	Итого
74	9	14	3	27	22	15	22	2	188

Дополнительные замечания.

Хочется в заключение остановиться на некоторых данных, обративших внимание при обработке анкет:

1) У мужчин-бибработников возраст преобладает более молодой, чем у женщин: женщин-библиотекарей больше между 30 — 50, мужчин между 20 — 30.

2) По образованию женщин-библиотекарей больше с высшим образованием, чем мужчин.

3) Женщин-библиотекарей больше сравнительно с мужчинами (также и по библиотечной подготовке).

4) Из числа женщин больше лиц, посвятивших себя исключительно библиотечному делу и считающих библиотечную работу основной.

5) Из мужчин молодого возраста больше партийных, чем женщин.

6) Зарплата библиотечных работников, числящихся за ГПП, — меньшая, чем бибработников профорганизаций.

На с'езде были заслушаны приветствия представителей следующих учреждений и организаций:

Главполитпросвет Р. С. Ф. С. Р.— *В. Н. Мещеряков*.
В. Ц. С. П. С.— *Сенюшкин*.
Ф л о т — *Цитфреневич*.
У к р а и н а — *Прозоровская*.
V конгресс Коминтерна — *Рой, Зоммер, Ратеман и итальянский представитель*.
Ленинградский институт политпросветработы — *Емельянов*.
Московские политпросветкурсы — *Литинский*.
Краткосрочные московские политкурсы — *Комиссаров*.
Ц е к п р о с — *Сенюшкина*.
Рачилевская библ-ка им. Ильича.
Фабком Донской табачной ф-ки.
Херсонское об'единение.
Читинское об'единение.
Музей им. Чехова в Москве.
Орловское об'единение.
Балтская окружная библиотека.
Московский кабинет библиотековедения — *Л. Б. Хавкина*.
От славян — *Крунислав Геруц*.
Прохоровская мануфактура — работница *Чернова*.

(Ответ с'езда последним двум представителям был дан тов. Цареградским).

С'ездом были посланы приветствия:

Пятому Конгрессу Коминтерна.
ЦК РКП (б.)
Третьему Конгрессу Профинтерна.
В. Ц. С. П. С.
Красной армии.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
Часть I. Заседания пленума.	
Утреннее заседание 1 июля.	
Вступительная речь Замнаркома Просвещения РСФСР М. Н. Покровского	7
Вечернее заседание 1 июля.	
Доклад М. С. Эпштейна: „Очередные задачи библиотеч- ного дела“	10
Доклад Н. К. Крупской: „Библиотечная работа в деревне“	15
Заключительное слово Н. К. Крупской	21
Утреннее заседание 2 июля.	
Доклад Ф. Сенюшкина: „Задачи рабочей библиотеки“ .	27
Доклад М. А. Смушковой: „Итоги и перспективы библио- течного дела“	33
Вечернее заседание 2 июля.	
Заключительное слово Ф. Сенюшкина	45
Заключительное слово М. А. Смушковой	48
Утреннее заседание 3 июля.	
Доклад Э. М. Шершевской: „Работа передвижных биб- лиотек“	52
Заключительное слово Э. М. Шершевской	63
Доклад И. Цареградского: „Массовая внебиблиотечная пропаганда книги и библиотеки“	65
Вечернее заседание 3 июля.	
Доклад А. Я. Виленкина: „Политико-просветительная работа в стенах библиотеки“	78
Утреннее заседание 4 июля.	
Заключительное слово И. Цареградского	85
Заключительное слово А. Я. Виленкина	87
Доклад В. Александрова: „Организация читателей“ . .	90
Заключительное слово В. Александрова	97

Вечернее заседание 4 июля.

Доклад Е. Ф. Проскуряковой: „Принципы комплектования библиотек книгами“	99
Заключительное слово Е. Ф. Проскуряковой	106

Утреннее заседание 6 июля.

Доклад Е. Н. Медынского: „Подготовка и переподготовка библиотечных работников“	10
--	----

Утреннее заседание 7 июля.

Заключительное слово Е. Н. Медынского	115
---	-----

Вечернее заседание 7 июля.

Заккрытие с'езда	118
----------------------------	-----

Часть II. Работа секций.

Организационная секция.

Доклад И. В. Королева: „Материальное положение библиотечных работников в связи с условиями и характером их работы“	121
Протокол комиссии по выработке нормальных штатов библиотек	129

Секция детских библиотек.

Доклад Н. Л. Херсонской: „Работа в детской библиотеке“	132
--	-----

Техническая секция.

Доклад А. А. Покровского: „Вопросы библиотечной работы с точки зрения научной организации труда“	141
Доклад В. А. Штейна: „Минимум библиотечной техники и статистики“	164
Содоклад М. И. Слуховского: „Основные моменты техники красноармейских библиотек“	170

Секция научных библиотек.

Вопросы, подлежащие обсуждению	172
--	-----

Часть III. Приложения.

Выставка с'езда	181
Состав с'езда	186
Перечень учреждений и организаций, приветствовавших с'езд	191
Перечень учреждений и организаций, которых приветствовал с'езд	191

